

18+

Содержание

О человечестве	4
Извинение	4
Физики: Реконкиста	5
Записки мизантропа	7
Кризис в стране	9
Внутренний мир	11
Неторопливое прощание	13
Запойная трезвость	15
Уступить место	17
Суета	19
Элегия	22
Ночь в городе	22
Пустяки	23
Художник	25
Два города	26
11 тысяч метров над уровнем моря	28
Подарок	29
Песенка о словах	32
Когда Солнце погаснет	33
Постмодернизм	36
Пять возрастов	38
Ушедшие реалии	41
Рассказы о Ленине	41

О культе личности Троцкого	43
Куда уехал ВЦИК?	45
Ностальгия	46
И я тоже был на баррикадах	48
Украинская песня русскими буквами	51
Предисловие.....	52
Очередь.....	52
Осень в государстве	54
Осень.....	56
В лесу родилась... ..	57
Йеллоустон.....	57
Студенческое.....	60
Физики	60
Ребенок	62
Горестная повесть о Якумиракотоку Юкатасикагаве	63
Предупреждение	64
И дольше века длится матч.....	66
Рыночное интермеццо.....	67
Романтическая пастораль.....	68
Школьный вальс	69
Страхагент.....	70
Баня.....	71
Железная дорога	72
Топ-топ	76
Andante	76
Сержантская песня	77
Когда вы на ФОПФе.....	78
Когда вернемся мы в Долгопу.....	79
Вводник	80

Глобус девяностых	82
Счастье первой загранички	82
Russkij Samovar	84
Земля обетованная	86
Собиратель ракушек	89
Деревенька с небоскребами	91
Кенгуру и акулы.....	92
Из бумаг	95
Зайчонок Чу.....	95
Хомка	98
Мюзиклы	99
Январская ночь, или Комната на четверых	99
Рождественский романс	108
Cats	113
Армюзикл	118
Конферанс Традчасти.....	127
Как это было	144
Знаменосный мой флагман	144
Антинаука	158
О «пришельцах» с «других» «планет».....	158
Физика вакуума.....	159
О системах единиц.....	161
Наш маленький атомный проект	162
Перспектив ФОРМ	165

О человечестве

Извинение

Мы уже никогда не будем физиками.

Извините.

Мы бежали кто куда, в бизнес и журналистику, в «Каберне Совиньон» и «суфле а круассан».

Когда мы умрем, наши портреты не будут смотреть со страниц «ЖЭТФа» мудро и печально.

Но в нас навсегда останется мечта об этом...

Лемма Гейне-Бореля...

Пустота космических пространств, где перемигивается индексами «же мютое нютое»...

И навсегда врезалось в память с первого курса: «Пептизация зелей из гелей происходит при воздействии пептизаторов»...

И пьянящая поэтика боя, когда ты встаешь, красивый как в кино: «А наша школа считает, что электрон неисчерпаем, как и запасы кадмия в Заполярье!».

Тридцать минут аплодисментов. Музыка, титры, и ты в главной роли.

А оказалось, нужно просто чинить паяльники. И что хуже всего, каждый день.

Физтех. Я мыслю, следовательно я существую. Но почему же такое немыслимое существование...

Надо закончить этот институт, чтобы понять, зачем ты в него поступал.

Ведь учеба на Физтехе — это как любовь. Увлекательный процесс с бессмысленными последствиями.

И стучит, бьется в голову теория относительности... Час — это долго, а жизнь — очень коротко!

И мы бежали, мы позорно дезертировали на жирные хлеба банков и бирж.

Оглянулись — а ему уже пятьдесят, и никого рядом.

А мы шлем ему открытки из своих Лиссабонов и Баден-Баденов, и на праздник помогаем материально.

Я занимался физикой, а потом подумал — надоели мне эти цифры. И ушел в банкиры.

Но все осталось тем же. Вот смотрите.

Как получить хорошую оценку...

...Кредит в банке.

Надо иметь отличную кредитную историю...

...Зачетку — и говорить громко и монотонно.

Наш план строительства аэропорта «Бутырки-3» сулит большие выгоды...

...Во втором порядке малости, при стремлении к бесконечности.

Это не шпаргалка, это разработка моих экспертов!

Синус квадрат курса доллара плюс рейтинг президента делить на логарифм возраста председателя Центробанка...

Не трогайте руками, это тензор!

Уже хватит? Распишитесь здесь.

И все! А вы говорите, Гарвард, курсы менеджмента...

Мы стали чуть старше. И в долг даем больше, но реже. А возвращаем чаще, но не всем.

Прости, Физтех. Мы крысы твоего корабля. Не всем же быть капитанами.

Мы помним тебя. Зимним утром я смотрю на себя в зеркало и думаю: какой я умный! Я знаю форму Шлёмилыха-Роша!.. И успокоенный еду в банк.

И «Мускат де Льеж де Шампань» напоминает нам «фи де эpsilon по де икс». И так же наутро похмелье.

Спасибо, Физтех. Ты замечательный флагман, для которого просто не нашлось моря.

Мы пошли своей дорогой. И через много лет седой банкир будет запереться в кабинете, читать «Ландау-Лифшица» и плакать. И глядя на очередной миллион долларов, думать: это же десять Нобелевских премий!

И где-нибудь в Бомбее или Гонконге старики в малиновых пиджаках скажут:

Мы крысы этого гордого флагмана. И дай ему бог.

1996

Физики: Реконкиста

У России опять полно врагов — наверно, ей понадобятся физики.

Должен же кто-то всем показать, с какой стороны у радара радиоволны.

И лазерные прицелы без лазеров работают как-то неубедительно.

А мы умеем. Как мы гремели когда-то...

Быть физиком. Запивать теорию относительности водкой «Абсолют».

Отказываться открывать бутылку штопором, потому что после ротора дивергенция равна нулю.

Химия, биология, история... Мы-то знаем: все прочие науки живы лишь потому, что физики пока не поняли, как это посчитать.

Мы всем говорили: без физиков — XIX век. Печатать в мессенджере: «Барышня, соедините меня с номером...»

А они нас — в рыночную экономику.

Нет, мы реалисты. Готовых страдать за идею извели еще во времена Джордано Бруно.

Мы научились находить общий язык с посторонним человечеством.

Но в душе убеждены, что каждый человек или физик или дурак. Потому что, если не дурак, то почему не физик?

Как можно верить людям, у которых в голове броуновское движение!

Замучаешься им объяснить простую формулу Эйнштейна. «Рисуешь квадрат: триста тысяч километров туда, триста тысяч километров сюда. Вот с такой силой E равно m каждую квадратную секунду...»

Но, как говорится в гимне Физтеха, «а надо есть — так запоем».

Взаимодействие уже налаживается. Во взаимодействии главное — показать, кто умный, а это нетрудно.

Кто, я? Вспомни число Авогадро и прекрати называть меня ничтожеством!

Физики погружаются в болото остального человечества. Осознавая свою истинную значимость. Когда сидят два клерка — и внезапно спрашивают: «А ты что закончил?». И тут расправляются плечи.

А на скептическое «Ну и что?» отвечаешь: «Ты вениками торгуешь, а я могу всё. В том числе вениками торговать».

Да что там. Кто хоть раз подгонял лабораторную работу, знает, как работает правительство.

Приятно чувствовать себя умным. Физик всегда победит бухгалтера. Надо долго слушать, как он читает цифры, а потом спросить: «А в полярных координатах?»

Гуманитария полчасика объяснять, почему доллар переходит в рубль по такому курсу, а рубль в доллар — по другому. А мы сразу понимаем — гистерезис.

Мы уже привыкли к другой жизни. И вдруг Советский Союз снова шевелится в нас.

Надо пойти к ним и сказать: слушайте, чекисты! Физики тоже не бывают бывшими.

Ребята! Надо или не ссориться с Америкой или дать денег физикам.

В общем, если что — мы тут.

Мы уже другие. Лучшее лекарство от перемен — ипотечный кредит. Какие баррикады, когда каждый месяц деньги отдавать.

Мы готовы идти, куда скажет родина, если она оплатит дорогу.

И доказать американским физикам, что мы в России учили физику не хуже, чем они в СССР.

Мы им скажем: физики — это добрые, интеллигентные люди, с задушевной песней «Русская ракета целится в зенит».

У вас много врагов. Может, вам спеть про ракету?

Мы всё вспомним. Пускай голова в финансах. Руки-то помнят, как скручивать головы манометрам.

Молодежь будет наукой заниматься. А старикам уже все равно, чем торговать. Можно и физикой.

Ну что, денег дадим?

Если эта речь не поможет, надо искренне посмотреть в глаза. И сказать: нефть подешевеет — физики останутся.

Если они тоже знают, что не останутся, — плюнуть на всё. И еще двадцать лет торговать вениками.

2008, 2016

Записки мизантропа

По неясным, мистическим причинам в субботу я энергичен. В субботу я оптимист, и надеюсь на лучшее из худшего. И когда вижу девушку, то даже знакомлюсь — если нахожу какой-нибудь особенно идиотский способ.

— Девушка, не вас я обматерил вчера в троллейбусе? Я хочу извиниться! Вы не слышали?.. Я мысленно.

Не вас? Как?! Вы не едите пятым троллейбусом?..

Ключичий взгляд. У нее блестящий пояс и глаза цвета эвкалипта.

Холодный ветер, столики кафе, косые взгляды, черные, возбужденные вороны...

— Зачет по объёмотеплюэнергоматериаловедению? Как интересно...

Еще только начало знакомства, а я уже замучился пить этот кофе. Как влезает столько кофе в такую маленькую девушку?..

— Поешь мороженого, моя радость.

Если ей надеть красивое платье, она будет выглядеть как женщина в красивом платье...

На лестнице ветер раскачивает фонари. Я лениво доедаю мороженое. И временами говорю гадости.

— Знаешь, сейчас опасно. Ты не ходи по темным улицам. Особенно со мной.

Нет, поздно сбегать, придется ее провожать.

Что-то в ней есть. А я сегодня ленив.

— Было это, как его... ужасно хорошо...

Она возмущенно хмыкает — я забыл подать плащ.

— Я засмотрелся. Этот плащ так тебе идет...

Да-да, в Англии все джентльмены. Они пропускают даму вперед. Им не нужно для этого отступать в грязь.

В воскресенье у меня завелся зверек. Он маленький, мягкий и любит играть на диване.

А я заспанный и небритый как душа поэта. Я проливаю кофе и, когда злюсь, говорю все, что, как она думает, я о ней думаю.

— Боже мой, искусство ацтеков? Как интересно!

Счастлив человек, которого интересует такая чушь.

Посмотри на меня. Спроси меня, почему мне грустно. Неужели ты не видишь...

За окном несутся тучи. Шуршит кассета в магнитофоне. Мы с ней думаем об одном и том же — я о ней, и она о себе.

Это счастье. Человек создан для счастья как траус для полета.

Понедельник... Для чего на свете существуют понедельники?

В наших глазах медленно догорает вчерашний ликер. И хочется, чтобы завтра нашлись дела.

Мы просто все реже удивляем друг друга.

Знакомые чашки на шкафу. Дом. У каждого человека должен быть дом, чтобы ему было откуда сбегать.

Мой взгляд бесшумно как котенок тянется к часам. Часы бьют.

Какое длинное слово — вечереет. А у тебя глаза цвета эвкалипта. Ты уходишь, счастливо, прощай. Девушка с мягким взглядом, нежным голосом и удивительным даром ломать все, что ею самой построено.

Прощай. Извини меня за то, что всегда наступает понедельник.

Прощай! Научись радоваться пустякам, и тогда уже ничто не сможет тебя огорчить.

Прощай! Кирпич стены и продавленная кнопка лифта.

Мне надо сказать тебе что-нибудь очень хорошее.

— Я... буду ждать тебя.

— Всю жизнь?

— Всю жизнь.

— Тогда надень пальто, а то простудишься.

Ветер. Длинная лестница на третий этаж и гора посуды, которую надо вымыть до прихода жены.

Кризис в стране

Баста, карапузики. Погуляли. В стране кризис. Надо скукожиться и дожить до светлых дней по мере поступления таковых.

Самое плохое в кризисе — что он начинается внезапно. Когда в воскресенье ты попил водки — а в понедельник уже кризис, и нет денег на пиво. Только что денег не было по телевизору — и вдруг в кошельке. Чувствуешь себя изнасилованной девушкой на необитаемом острове — и запахло, и непонятно, кто виноват.

Как это начиналось? Мы сидели в офисе, и казалось, что дождь идет прямо в комнату. Усталое лицо директора фирмы качалось в тумане:

— В стране кризис, и патриоты несут жертвы на алтарь Отечества. Вы поняли, что будет с вашей зарплатой...

Слякотная хмурица в глазах. Год назад ты мог взять на работу трех себя нынешних. Ветер на полках магазинов. Скидки от слова «кинуть», доходы от слова «дохнуть». И так часто повторяют, что из-за кризиса нет денег, что начинаешь верить, что до кризиса они были.

Мы снова сидели в офисе. И снова шеф:

— Я никогда не забуду, что вы три месяца работали без зарплаты. К сожалению, те, у кого мы арендуем офис, не проявили патриотизма. И я им всё заплатил. Но мы их накажем и откажемся от аренды. Вы все уволены!

И пустота. Теперь вас только двое — ты и осенний дождь. Раньше ты спешил от него в тепло, на работу. И вдруг спешить некуда.

Часы истории со скрежетом останавливаются. Каждый день последний. Последняя поездка на такси, последний поход в ресторан, последний купленный сидюк... И завтра опять — последний ресторан, последний сидюк... Ходишь по Москве и тратишь деньги по экспо-

ненте — каждый день половину того, что осталось. Покупаешь впрок дорогие вещи, пока не кончились деньги.

Домашний телефон отключен за неуплату, поэтому звонишь по сотовому. Когда кончается стиральный порошок, говоришь, что нет воды, и ходишь стирать к друзьям. Нет денег на масло — покупаешь тефалевые сковородки. В переходах стреляешь закурить, потом меняешь на чай.

Сахар ворует у друзей. Друзья знают, но молчат. Потому что, когда человеку не дают воровать, он начинает грабить.

Вспоминаешь забытые навыки — как в школе воровал булочки из буфета. Да, я всегда говорил, что хлеб гораздо выгодней воровать в столовой, чем выращивать на полях!

На бомжей смотришь с сочувствием. Вечером тренируешься перед зеркалом: «Мы люди не местные... Мы брокеры, квакеры, крекеры... Товарищи, кто хочет подать нищим, передайте меня».

Мозг изошренно работает: что бы еще пропить, чтоб не перестать себя уважать?! От плохого вина болит голова, на хорошее нет денег, поэтому переходишь на водку. Где всё то же самое, но результат очевиднее.

Впервые с времен военной кафедры начинаешь чистить ботинки. Когда есть работа, можно выглядеть как бомж. Человек, который ищет работу, должен выглядеть как человек, который ее нашел.

Звонишь бывшим коллегам с идиотским вопросом: вам там не нужен еще один такой? Отношения с бывшими коллегами всегда лучше, чем с текущими. Кстати, с женами то же самое.

Заново пересматриваешь гардероб. Вот этот костюм нельзя показывать при дневном свете. Будет парадный костюм для ужинов.

Она говорит: «Ты впервые меня обнял!..» Глупая, я прячу дырку на рукаве!..

Нет, мужикам еще ничего. Знакомые девушки жалуются: «Работать за 200 баксов? Лучше дома посижу. А то на колготки и косметику больше уйдет!»

О девушках. Оказывается, можно влюбиться только для того, чтобы покормили завтраком. Ради этого можно смеяться, шутить и делать сюрпризы. Сюрприз — это неожиданный подарок. Очень неожиданный — на ее деньги.

Промозглая очередь на троллейбус. Первый снег, грязные листья — и ощущение лета. Потому что живешь на июльские деньги. И большие перспективы по зарплате. Перспектива — это когда чем дальше, тем меньше.

Когда в толпе звонит сотовый — хватаешься за карман, но с каждым днем все меньше. Это фантомная боль нового русского: хвататься за бывший телефон. Спишь много и с удовольствием.

А потом окончательно деградируешь. Ночуешь у друзей, ешь в долг. На предложения побриться и помыться отвечаешь однозначно: «Кризис в стране! Кри-зис!».

Идиотский смех подкрепляется дешевой водкой. И Бог с ним, с кризисом. Было бы здоровье, а чем его испортить, — найдется.

Летит в Москву-реку отключенный сотовый телефон. В тарелке извиваются столовские макароны. Экскурсия в миллионеры закончена. Всем спасибо.

Осень 1998

Внутренний мир

«Наступает зима. Стебли элодеи вмержают в лед, ряска зимует подо льдом. Циклопы, амёбы и инфузории не впадают в спячку. Лягушки, тритоны, жуки и моллюски зарываются в донный ил. Карась, сазан, линь собираются в ямы. А хищники — щука, судак, окунь — остаются в слое воды, где больше кислорода...»

Я зимой лежу на диване и ни черта не делаю. Впрочем, весна, лето и осень мало отличаются.

Видимо это кризис среднего возраста — у меня, например, началось лет в семь. Ну, не в семь, конечно... Я защитил диплом. Проще защитить один диплом, чем целую родину.

У меня кризис среднего возраста. Я гляжу в потолок и постигаю мистицизм бытия.

За окном бессмысленное солнце, и бегают дети с лопатками. А ведь вырастут — и хрен заставишь копать.

А мне осталось лежать на диване и читать что-нибудь, не имеющее отношения к жизни.

*«Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахейнам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид...»*

Настоящего философа интересуют только две вещи. Он и счастье человечества. Да, я и человечество. В сущности, мы в равном положении. Я — внутри, оно — снаружи.

Оранжевый свет лампы. Я возвышаюсь посреди комнаты как на картине Левитана «Над вечным покоем».

В комнату влывает странная оранжевая птица с чем-то белым вокруг крыльев. Опять с рисом?

Извини, я читаю Гомера.

*«...Черный корабль на священное море спустим,
Сильных гребцов изберем, на корабль гекатомбу поставим...»*

Гекатомбу, понимаешь? А у тебя кетчупа нет.

Потом стук вилки в ритме гекзаметра.

Все-таки, мог я принести счастье человечеству или не мог?

Хрен с человечеством — но ей, например.

Уйди, я думаю...

Стало так грустно, что я заснул. Нет, пришлось, конечно, выпить...

Только не надо меня тормозить. Внутри каждого из нас целый мир. Их там тошнит при резких движениях. Когда я так лежу, я вообще не слышу, что ты говоришь. У тебя рот горизонтально, а у меня уши по вертикали.

Да, я мрачный и ленивый, не вожу тебя в театры и музеи. Я в детстве ходил по музеям. Мой мир, там, внутри, набит Рембрандтом — запасы Рембрандта пополнять не надо!..

А хлеба и пива надо. Таковы сакральные свойства миров.

Это ужин, да? Знаешь, древние философы питались водой и акридами.

Ты, не в курсе: это вкусно? Почему саранча?? Сказала бы — не знаю...

Вот это что? У тебя слабость к маслинам. А у меня к ним сильность, я их терпеть не могу.

Мы уже допили вино? Как летит время...

Там, снаружи меня, совершенство невозможно. Ломаются лучшие. У Канта была книга «Критика чистого разума». Ты понимаешь, о чем это? Похвала похотливой глупости.

Скажи, вот так, в простыне, я похож на Юлия Цезаря?..

Подоткнуть?.. На гиббона? Что ж, гены берут свое...

Ах, ты об этом... Я смотрел порнуху только чтобы вспомнить, как многим я готов ради тебя пожертвовать.

Скажи, ты действительно думаешь, что если много трудиться, то можно превратиться в кого-нибудь еще?

А тогда во имя чего?

Разбитый плафон придает лампе индивидуальность. А мои бумаги лежат в строгом порядке. Первая глава называется «Введение» — она лежит в прихожей. Список литературы — за книжным шкафом. Всё остальное еще не готово, и потому лежит на кухне.

Когда что-то непонятно, спроси меня. Я объясню — почему тебе непонятно.

Нет, ты у меня не горничная. Я тебя люблю, а горничная — за деньги.

Какая горничная? У меня нет денег, зато богатый внутренний мир. Садись, я расскажу тебе о нем.

Там слева пальмы и папоротники, а направо уходит дорожка, посыпанная белым песком. Закрой глаза и представь. Представь, как мне там хорошо!

Ты знаешь, у меня совершенно нет времени. Если я недодумаю хоть одну мысль, в моем внутреннем мире будет не прибрано. А это гораздо хуже!

Каждый час, потерянный для интеллектуальной деятельности, утекает безвозвратно. В детстве у мамы была книга — «Что происходит в тишине». Я так и не прочитал ее. И до сих пор мучаюсь: что же там происходит?!

Вот послушай что-нибудь, не имеющее отношения к жизни.

«Сегодня дурной день,

Кузнечиков хор спит,

И сумрачных скал сень —

Мрачней гробовых плит.»

Весело...

Не кричи. Давай на этот раз поменяемся местами. Ты во всем права, но делать будем по-моему.

Солнечный луч ползет по стене. Это я так медленно думаю... Нет, свет фар. Уже вечер. Потом будет утро. Скворцы и дети. Интересно, в каком возрасте они бросают лопаточки?

Подойди, ко мне, женщина, возьмемся за руки.

Ты не в курсе, сегодня какой-нибудь день недели — или просто так?

Оказывается, я так мало себя знаю. Я забыл свой номер телефона...

У нас с тобой много общего. Мы будем долго жить рядом со мной, присматриваясь ко мне издалека.

Это жизнь. *«Бессонница, Гомер, тугие паруса...»*

«Шизофрения, как и было сказано».

Май 2004

Неторопливое прощание

Моя несбывшаяся любовь, ma bonne amie!

Если бы мы жили с тобой в церемонном XVI веке, где белые рыцари скачут на черных лошадях по желтому песку, где кружевные дамы шествуют в кринолинах, подпрыгивая от ветра...

В том чопорном веке я приехал бы к тебе в карете, на белых лошадях, кричащих «Игого»... Я бы мчался к тебе и пел, колотя прохожих золотой саблей.

Или нет!.. Ночь. Тишина. Ты спишь, раскинувшись на подушках, — но на рассвете тебя будит деликатное ржание. Под окном гарцует лошадь — и на ней я, бесценный участник всех войн между идальгами и кабальерами. Потертый сюртук, серебряное седло, три ноги на двоих.

Ты скажешь «Входи» — и лошадь шагнет вперед. Из моего горла вырвется высокий боевой клич, с которым встречали смерть сарацины.

Я войду в гостиную, стуча сапогами среди бледных асфоделей и оставляя на коврах два пореза от шпор. Я подойду к тебе и отшвырну ногой болонку.

— Варвар, — прошепчешь ты в восхищении. — Эта черная перевязь на руке... Ты ранен?

Искорка страха в глазах. А я улыбаюсь.

— Я старый солдат, моншер. Тяжело носить на весу руку, в которой восемнадцать пуль.

Мы сядем с тобой на синюю кушетку в гостиной. Я преподнесу тебе в дар украшения египетской принцессы — двадцать семь колец для запястий.

Ты спросила бы «Сколько было запястий у этой принцессы?». А сама бы подумала «Что ты сделал с принцессой, варвар?» Но в ответ на оба вопроса я бы только улыбался.

Осторожный бой часов... Какой милый, добрый, церемонный век!..

Я звоню в серебряный колокольчик, и лакей в парике приносит подогретый коньяк, помешивая его ложечкой.

...Нет подожди, не бесись, слушай!

Ты рассказываешь мне все новости за десять лет, перечисляя любовные связи и рисуя диа-граммы в трудных случаях. А я медленно смакую коньяк, пропитываясь им как губка.

— Как ты жил?

— Я жил в битвах. Я мог умереть. Восемь раз. Ой ну да, только один.

Коньяк заливает мои глаза, и из них уходит холод аравийских пустынь.

И сиреневый огонь в камине...

Не бесись, я еще не закончил!

Потом скрипнет дверь. Прошелестит ковер. И твоя заколка упадет на пол, и я подниму ее. Но уже будет поздно возвращать ее на место.

Шуршание ковра. И твой смех, проходящий сквозь все интонации — от «как вы неловки» до «вообще-то я не собиралась».

А потом на землю опустится синий вечер. И многократно измученный писателями огонь в камине мигнет и погаснет, лишенный поленьев.

Догорят свечи. И ты уедешь в своей карете. И я буду долго смотреть тебе вслед, сжимая эфес сабли как горло врага.

Потому что я готов отдать за тебя жизнь. И люблю тебе потакать. И если бы ты захотела пурпурную розу Каира, я бы поехал в Каир, вернулся назад, купил на базаре розу и отдал тебе.

Но понимаешь, *bonne amie*... Даже в XVI веке кавалеры не искали дамам карет, потому что дамы имели свою.

Я готов отдать за тебя жизнь. Хочешь? — На!.. Но уже два часа ночи, и мы стоим с тобой на остановке такси. И моя логика проста: если у дамы нет машины, то я все равно хочу спать.

А теперь можешь злиться, потому что я ухожу. Оревуар.

Запойная трезвость

Добрый вечер!

Я хочу поговорить с вами об опасном недуге, уродующем жизнь многих наших друзей. Вы уже догадались (*отпивает из стакана*) — это трезвость. (*Морщится.*) Запойная трезвость.

Как многие ужасные напасти, эта болезнь подкрадывается незаметно. Для первой стадии характерна психологическая тяга к трезвости. Человек не пьет, чтобы пообщаться с друзьями, чтобы расслабиться после работы.

Это очень опасно. У такого человека постепенно уменьшается интерес к жизни, его не волнуют проблемы его товарищей: куда все ходили вчера, что все будут делать сегодня. Он не знает, где находится ресторан «Громовой Бангладеш» или бар «Одноногий Эрос». И даже — чем отличается «Крымское крепленое» от «Шато Марго де Латур 56-го года». Ему не до того, он спешит домой, чтобы предаться любимому пороку.

И, мне неудобно об этом говорить — появляются проблемы с девушками. Нет повода познакомиться. Им нечего сказать, кроме грязных циничных предложений типа «пойдем ко мне на десятый этаж, попьем чаю».

Кстати, особенно опасна трезвость у женщин. Подверженных этому недугу женщин ждет одинокая, убогая старость, у них нет возможности реализовать свое предназначение на Земле.

Но вот болезнь углубляется и переходит во вторую стадию. Развивается физическая тяга к трезвости. Если человек не выпил вечером, утром его снова тянет не пить. Появляются запои. Больной может не пить

несколько недель подряд, даже не отдавая себе в этом отчет. Один больной не пил 57 лет и вообще умер.

Исчезает похмелье, головная боль по утрам. Увеличивается сопротивляемость к алкоголю. Если больному предложить выпить, он может ударить. В тяжелых случаях развивается водобоязнь и бешенство. Изменяется психика, и пассивизм медленно переходит в социопатию.

Наиболее опасна третья стадия. У человека появляется неодолимое отвращение к спиртному. Он не может спокойно находиться рядом с бутылкой.

Возникают мании. Больному кажется, что все вокруг алкоголики, которые только и думают, как бы его спить. Несчастный запирается в комнате и подсчитывает, сколько денег он сэкономил за сегодня. Большой крадет вещи из дома, чтобы их не пропили.

Распадается семья, наступает полная десоциализация, в тяжелых случаях — разрушение личности.

Запомните, друзья мои, и убедите других: запойная трезвость излечима. (*Смакует вино.*) Здесь большую роль играют друзья больного. Не позволяйте ему замыкаться в своих переживаниях. Может быть, в детстве он попробовал пива, и ему не понравилось.

Жена и дети трезвоголика не должны показывать, что они о нем думают. Хороши фразы «Ничего, в следующий раз получится», «Завтра допьешь, я все равно тебя люблю».

Помните, перед вами человек, такой же как вы, только глупый. Просто его жизнь не удалась. Свои страхи и комплексы он персонифицирует в спиртных напитках.

Старайтесь при нем разговаривать с бутылками, называйте их ласковыми именами, придумывайте забавные истории из их жизни. Например, бутылки — это мама и папа, а стаканы — это дети. Папа уходит на работу (ставит одну бутылку под стол), а мама кормит детей (наливает из второй бутылки). Пусть больной представит себя ребенком и попытается накушаться. Потом вытрите его досуха и уложите спать.

Приведите больному в пример народные поговорки, осуждающие коварство и подлость трезвых, — например, «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Значит, у трезвого на уме водка!

Хороши такие поговорки, как «Напиться — всегда пригодится», «Кто водочку пьет, тому бог подает», «Пьяный проспится, а трезвого побьют» и так далее.

Помните! Прерывание запойной трезвости, особенно в запущенных формах — процесс непростой. У вас будут неудачи, срывы. Вам будет хотеться бросить всё к ядре фене и напиться самому.

Не опускайте руки. Рядом с вами товарищ, которого нужно вернуть семье и обществу. Сквозь эти тупые глаза на вас глядит его живая душа. Она тихо кричит: «Эй! Пожалей меня! По-жа-луй-ста...»

Помогите больному — иначе однажды вам не с кем будет пообщаться.

Ваше здоровье!

Март 1998

Уступить место

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...»

Я нашел свое место в жизни. Да, здесь, между плевком и картой метро.

И как говорили классики, лучше умереть сидя, чем жить стоя. Или что-то в этом роде.

Ворваться в вагон. Обрушиться на сиденье. Слева мужик устался в айпад. Играет в рыбалку. Второй час не клюет.

Справа... тоже человек. Самое неприятное в унисексе — когда тебя толкнули в метро. Нельзя крикнуть: «Задолбал!». А вдруг — задолбала...

Отвоевать локтями пространство. И спать.

«Осторожно, двери закрываются...»

Я не проспал свою остановку?

О, девушка стоит. А я сижу. И зачем я открыл глаза...

На ее лице — выражение девушки, мечтающей сесть. Через несколько остановок снова открываю глаза — там выражение девушки, стоящей рядом с дебилом.

Сейчас она посмотрит на меня.

А я скажу что-то вежливое.

— У вас такая красивая куртка. Могли бы продать и месяц ездить на такси.

«Следующая остановка...»

Я сижу, она стоит. И это препятствует началу знакомства. Можно уступить ей место — тогда сидеть будет она... И где смысл?

А сидя лучше видно ее голый живот.

Если я на тебе женюсь, ты сможешь мне изменять. Я не могу так рисковать.

Постой полчаса. Прояви уважение к тому, кто проснулся раньше тебя и успел сесть.

Знаешь ли ты, что такое семь утра на окраине...

Всё спит, и только первоклассники бредут по сугробам, трясая головами, как ослики.

Снежные равнины, заваленные трупамии автомобилей. Когда переходишь с вина на водку, только чтобы не слышать слова «пробка».

Маршрутка до метро. Нет, не как сельди в банке. Рыбам милосердно отрубают головы, и они не ругаются друг с другом.

И так хорошо добежать до метро и заснуть на теплом сиденье.

Ну, не хнычь! Ты жертва закона сохранения. Мои положительные эмоции — это всегда чьи-то отрицательные.

Я снова закрываю глаза. Какой моральный подъем бывает после морального падения!

Всё кончено. Мы встретились глазами — и я из не заметившего мужичины превратился в сознательно игнорирующего.

Вот сейчас встану и скажу что-нибудь умное.

— Я вел себя непростительно. Простите!

А потом:

— Девушка, вы такая стройная. Наверно, на диете... Так что в кафе не зову, давай сразу ко мне.

Вашу руку, сударыня! И все будут спрашивать:

— Эта девушка с вами? Ну, понятно, почему грустная.

А я смерю их взглядом и скажу:

— Она моя невеста. У нас серьезно. Я веду ее домой, знакомить с женой.

Да, я не ангел. Как всякий приличный человек, я делаю кучу вещей, которые приличный человек не делает.

Мы пойдем вместе по жизни. Хорошие мужья тоже изменяют женам. Но со скромными девушками.

Набраться сил — и встать... Почему я должен уступать место? Мне уже не 20 лет. Перед тем, как выпить водки, я записываю, как будет «Убейте меня» на языке этой страны.

Ты — вполне мускулистое существо, а не забитый родителями ребенок.

Хотя в наше время фраза «материшься как третьеклассница» звучит уважительно...

И не старушка. Я жалею старушек — они добрые. Злую за столько лет убили бы.

Ты изучала матанализ? Так вот. Я приличный человек с выколотыми точками.

Я равномерно соплю, прикрыв глаза. Незаметно наблюдая события.

Что? Поймали карманника? Не надо бить, сдайте в милицию. Там бьют лучше вас.

Под ухом какая-то мать читает сыну нотации. Говорит, что воровать плохо. Зачем она портит ребенку жизнь?

Да, я циничная сволочь. В семь лет я узнал, что Дед Мороза приглашают за деньги. После этого насчет женщин уже не удивился.

Скрип костей возвращает меня из мира умных мыслей.

Станция пересадки. Не напирайте так.

Я интеллектуюал, но с отличными рефлексами. Сначала бью, потом думаю.

Такое ощущение, что сегодня у мира закончился срок гарантии.

На ее лице мучение. Мне все-таки встать?..

Добрые дела бессмысленны. Но именно это делает их добрыми делами.

Я напрягаю ноги. Поезд подъезжает к моей остановке.

— Садитесь, девушка!

Я начал утро добрым поступком.

Апрель 2013

Суета

Еще год прошел — как корова языком слизнула.

Еще один год, когда месяцами не выбираешься из города. И вздрагиваешь от криков птиц, думая, что это мобильный телефон.

Мы живем по логарифмической шкале. Первые десять лет — гораздо больше, чем следующие двадцать. Ходим на работу, выстраиваем сложные финансовые схемы.

— За два дня деньги прокрутятся в Швейцарии, и я верну вам червонец.

Мир российского бизнеса в целом устроен логично. Или, говоря совсем иными словами, ни с того ни с сего в морду не дадут. Но расслабляться люмпен-менеджерам тоже не стоит.

Продажи, обиды. Корпоративные разговоры в курилке.

— Он назвал меня дураком. Расист!

— Почему расист?

— А если бы я был негром?!

Толкотня в коридорах. Непонятные иностранцы.

— Знакомьтесь! Это Ульрих Карл Фридрих фон Гогенцоллерн. Можно просто Гоги.

— Наша гостья из Америки. Соня Паркер. В прошлой жизни — Сонька Золотая Ручка.

Внезапные появления забытых знакомых.

— Ты как?

— Я с первого курса в академ ушел. Химию не сдал. Теперь вот банк основал. «Академхимбанк».

И по кометной траектории — дальше в черное пространство.

Шепоты люмпен-менеджеров.

— Мы работаем целыми сутками. Как только охрана нас выносит.

— Как-как. Вперед ногами!

Работа с 10 до 22 снимает вопрос, как провести день, но обостряет вопрос, как провести ночь.

А потом вечер. Городские закоулки. Дорожный знак «Выйти из машины, руки на капот». Секретарша шефа с глазами лани, ждущей сухарика. Даму надо пропустить вперед, если она еще может идти сама.

Да, теперь правую ногу вперед... Это — машина. У меня машина старая, передние колеса задевают за задние.

Как же трудно тащить ее по лестнице...

— Иди сюда, глупый.

Я умный. Я просто наивный.

Простите, мадам, разврат для артиста — это профзаболевание. Когда я долго не пью, моя голова начинает просто трескаться под напором моего ума.

Поиски одеяла. Возмущенное ворчание. С знакомой живи сам, любовницу раздели с другом, жену отдай врагу...

И хочется чтобы мы с ней жили долго и счастливо. И чтобы хотя бы кто-то из нас умер в один день.

Утром просыпаешься на три часа позже, чем надо. Любовь — это всегда всепрощение. Любовь к себе — тем более.

Меня долго будят. И почему-то уже хозяйским голосом:

— Если ты не встанешь сейчас, ты не заснешь вечером, если ты не заснешь вечером, ты не проснешься утром...

— Ё-моё! От сегодняшнего утра зависит счастье всей моей жизни!..

Потом кабинет шефа, где дубовые кресла и эрмитажная скульптура «Инвестирующий мальчик»...

— Запомните: я не мелочен. Я последователен...

Долгий гул о производственных показателях. Странное существо человек. Сотая гайка ничем не отличается от девяносто девятой. Но достаточно три дня закручивать гайки — и каждая сотая начинает радовать.

Главное — не заснуть прямо здесь.

На работе меня отличает немногословность. Краткость — сестра таланта. Или похмелья.

— Да, не успел. Я очень занят на работе, и о том, что наступил понедельник, я узнал в среду.

Голос должен быть убедительным, но невнятным. Чтобы все понимали, что ты прав, но не могли понять, в чем.

Руководство симулирует истерику.

— Вы же грамотные менеджеры. Так читайте договоры перед тем, как подписывать! И запомните: если покупатель всем доволен, значит, он вас в чем-то обманывает! Кстати, к поставщику это тоже относится.

Я сглотнул, и внезапно оказалось, что все люди на Земле — сволочи. Я зачем-то начинаю орать. Люди всегда помнят, что ты плохо решал их проблемы, и никогда не помнят, что ты мог их вообще не решать.

Разрыв во времени. Все куда-то делось. Угрюмая секретарша, соблазненная и покинувшая. Она решила меня успокаивать.

— Остынь, остынь...

— Застрелюсь — остыну.

Она смеется.

— Сложный ты какой-то. На вот, выпей...

— Ну, за то, чтобы пчелы не попадали в масляную краску!

Дешевый коньяк и долгие разговоры о сущности начальствования.

— Позвони ему.

— У него уже дети спят.

— А ты тихо позвони. Если медленно набирать номер...

Опять разрыв во времени.

Мы попали в чужой век. Глупо начинать новый век, зная, что не досмотришь его до середины. Будто глядишь начало сериала в чужом городе, из которого надо уезжать. От предыдущего сериала нам досталась последняя треть. Неясно, с чего они все поссорились, но разборка в конце была великолепной...

Запах коньяка в воздухе. Значит, настал вечер. Числовая прямая бесконечна в обе стороны. Следствие: сколько бы не выпил, всегда знаешь, что можно было пить меньше. Но нужно иметь цель в жизни, даже если эта цель — напиться. Такая цель не оправдывает средства, но хотя бы создает стимул их добывать.

Тихо хрустит фольга от шоколадки...

А потом что-то внутри говорит: «Здравствуй, глупый человек! Посмотри, какое сегодня небо. Под таким небом даже не стыдно быть идиотом!».

И тогда ложишься в постель, доставая из-под подушки купленный по случаю парабеллум. Надо успеть застрелиться. Завтра рано вставать.

Элегия

Задолбал меня ваш бизнес
и коммерческая пресса.
Я хочу быть вольной птичкой
в гармонической тиши.
Не работать ради денег,
не содействовать прогрессу,
а чирикать по желанью,
понемножку, для души.
Чтобы реять в поднебесье,
в пустоте, с кипящей кровью,
чтоб счастливо и свободно
прочирикав день-деньской,
возвращаться на рассвете
на уютное гнездовье
в комфортабельном районе
недалёко от Тверской.
Я хочу лететь победно
над Гаронной и Гудзоном,
без границ и расстояний,
к солнца ясному лучу.
Есть шашлык из свежих зерен
с восьмилетним «Совиньоном»...
Хорошо. Еще для денег
почирикаю чуть-чуть.

Ночь в городе

В 21 час, когда медленно умирает вечер, и неслышно скользят официанты в белых мундирах улыбаются твоей пьяности.

В 21 час, когда Бог уже спит, а ты еще нет, и это накладывает определенные обязательства.

В 21 час, когда воздух кажется фиолетовым от тишины, я покидаю кафе.

Я иду по заснеженному городу, и снег падает на носы и спины каменных львов. Белым по фиолетовому падает снег. И одинокие такси выплывают из метели.

Я очень пьян.

Нет, я не алкоголик. Просто бывают в календаре красные даты — когда все красные и датые.

В конце концов, трудно быть трезвым. Когда каждый день ходишь на работу как на праздник, то с работы ходишь как с праздника.

Где-то куранты бьют полночь. Все меньше машин. И я иду по пустоте этого города, вихря его умирающую реальность. Фортепьянно — то есть пьяно и оттого форте.

Пустой город.

Люблю Москву зимой. Летом — только пыль, грязь и разморенные бомжи, да Храм Христа Спасителя на месте варварски снесенного большевиками бассейна «Москва». Да верещащие цыганки с золотыми зубами.

— Эй, милый, линия жизни у тебя до-олгая. А жизнь короткая. С тебя пятьсот рублей...

А сейчас — безмолвие. Падает снег. Мир выцветает как старая фотография. И пятна света от фонарей как брызги проявителя.

Я иду — самодостаточный как атомоход «Ленин». У меня все есть. Только нет времени. Быстро. Мимо. Душа нараспахку. Шарф развевается за спиной.

А потом голоногие девушки на плакатах напоминают мне про минус двадцать.

Снег. Я один в тайге ночного города. Сколько же надо учиться, чтобы убедиться в бесполезности образования!

И все хорошо, а будет еще хуже.

Полночь. Плакат с девушками утонул в снежной мгле. Я угрюмый и гордый как иллюстрация к детской песенке «Подавься улыбкою своей».

В голове — дикие пьяные мысли. Что есть девушки типа завтрак, типа обед и типа ужин. Первых хочется взять себе, вторых — разделить с другом, третьих — отдать врагу.

Белые снежинки падают на черный асфальт. И ничего в мире кроме их движения.

Мысли дробятся, рассыпаются сверкающими снежинками. Влево, вправо, влево. И долго, долго идешь по сугробам, чувствуя свою уникальность. То есть, в переводе на русский, одиночество и дерьмовость.

Двадцать минут второго. Оступиться. Упасть в снег и спать до весны.

1997

Пустяки

Мы гуляли с тобой по вечернему городу.

Я говорил тебе «Эй», а ты говорила мне «Ну» и пожимала плечами. Я пытался размахивать руками.

— Знаете, девочка, ночью, в темноте, я чувствую, как течет время. Это поразительно, как летят годы, и мне уже двадцать семь, а если честно, то тридцать три.

Я строил из себя циника и скептика, и притворялся героем Чехова.

— Скажите, есть ли на свете что-либо более отвратительное, чем этот дивный вечер?!

Я пожимал плечами и закатывал глаза. И кричал, что кто-то из нас двоих сошел с ума: или я — или весь мир...

А ты очень пыталась меня вытерпеть.

Ты помнишь, как мы познакомились? Я подошел к тебе и спросил:

— Девушка, мы с вами так давно не виделись!

— Но мы ведь не знакомы!

— И я о том же... Девушка, вас зовут не Люся?

— Нет.

— Ну, это естественно. Вы на нее совершенно не похожи...

Ты просто пожала плечами и стала ждать продолжения.

Мы гуляли под деревьями, и я говорил замысловатые пошлости.

— Слушайте, опасно быть красивой. Могут подумать, что вы дурочка. Да, когда я гляжу на вас, я все забываю.

— Но ведь вы женаты.

— Это я забываю в первую очередь.

Почему мне так хотелось выглядеть светским львом?..

Ты подыгрывала мне, ты говорила: «Не смотрите на меня так, я теряюсь». А я пробурчал: «Стоит мне отвернуться, вы потеряетесь еще быстрее».

И мы опять бродили по городу, и я опять строил из себя пошляка.

— Я вас люблю, но к сожалению без взаимности!

— Ну и что, я вас не люблю — и тоже без взаимности.

И тишина. Только звук шагов.

Она все про меня поняла.

Потом деревья. И ее иссиня-черные глаза с изжелта-красным оттенком. И я злой.

— Вам никто не говорил, что вы красивая?.. Я так и думал.

Потом мы шли... да, мы шли по какой-то дурацкой аллее, усаженной глупыми деревьями.

— Знаете, — сказал я, — я хочу сказать вам что-то очень важное...

Ты нахмурилась.

— Только не ври мне, слышишь!

— А, нет, тогда не хочу.

Ты сказала «дурак» так тихо, что я не расслышал. Твои щеки расплзались в улыбке, медленно и торжественно, как занавес в Большом театре.

Я подошел к киоску и попытался заглядывать вину.

— Ты хочешь шоколадку?

— Нет.

Я немного подумал.

— А две?

Ты громко фыркнула, но съела обе.

На меня опять накатило.

— Ты смешная. Я бы хотел прожить с тобой всю жизнь, если это, конечно, недолго.

— Как это?

— Так. А ты думаешь, что навсегда — это надолго?

Ой, извини, я сволочь. Я — сволочь. Такая сволочь — аж приятно!..

И почему у нее обиженные глаза?..

А потом она резко поворачивает голову.

— Хорошо, давай хоть секунду откровенности.

— Давай!

И оба секунду молчим.

И опять мы гуляем по улицам. Я вру, что люблю ее. А она то радуется, то огорчается. Радует, что люблю. Огорчается, что вру.

Звонит трамвай. Я трогаю ее за подбородок.

— Эй, я иногда говорю тебе правду.

Она внезапно замирает.

— А я иногда тебе верю. Вся проблема в том, что это обычно не совпадает.

Мы гуляли. И одинокий трамвай печально звенел, грустя об отсутствии самок трамваев.

А мы шли по улицам. Тени удлинились, свет становился оранжевым. И я подумал, что пора, наконец, сказать что-то важное.

А ты сказала: «Мне пора на троллейбус». И повернулась.

И всё. Как будто открываешь ящик с игрушками — а там только песок и опилки.

Песок — и опилки.

Художник

Потрясенный от встречи с искусством,
я стою, на картины гляжу.

И душа наполняется чувством,
что сейчас я ежуху рожу.

Эти черные линии справа,
этот белый квадрат посреди.
Рот, зияющий раной кровавой
то ли в талии, то ли в груди.
Зал музея старинный
позабывать невозможно.
Ах, какая картина!
Настоящий художник.

Я гляжу в состоянии нервном —
есть в портрете и стиль, и душа.
Эта девушка в целом, наверно,
и при жизни была хороша.

Исказили неясные муки
ей лица темно-синий овал.
Шаловливые тонкие руки
я б художнику пооборвал.

Мы стоим как кретины
и глядим осторожно.
Ах, какая картина!
Настоящий художник!..

Два города

А все же хорошо, что есть на свете такой город — Париж. Там автострады и огни, площади и каштаны. Там усатые таксисты глядят исподлобья на кокетливо закусивших губу лошадей. И взглянув на химеры Собора Парижской Богоматери, каждый ухмыляется, вспомнив что-то свое.

Блестят бокалы. И какая разница, что Шато Нуар это вино, а Шато Дюгон — это замок, если одно ничуть не хуже другого...

В отличие от Парижа — города контрастов, Переулкино — город довольно серый. Тысяча домов, протезный завод да старая каланча. В Переулкино голодные собаки лают из-за заборов, вдоль которых спотыкаясь идут ошалелые жители по улице Четвертой Трудкоммуны.

А меж тем в Париже дождь, и темные камни мостовых. Там тишина — в этом городе, прожившем столь долгую историю, что в нем

каждую станцию метро можно было б назвать «Баррикадная», а каждую площадь — «Площадь Революции».

Июльский ливень. И девушки на набережной продают цветы. И золотой бесовский огонек в их глазах заставляет покупать эти цветы у одной девушки и отдавать следующей.

А в Переулкино снег. И местный художник Феокист рисует храм Воскресения в переулке, занесенный снегом по самую маковку, отчего картина становится подражанием Малевичу — золотой крест на белом фоне.

Когда последний лист чертит кривую по звенящей стальной глади версальских прудов, и рассвет над Булонским лесом становится лиловым от инея, хорошо возвращаться в автомобиле с дружеской попойки. Тихо играет радиоприемник, и девица, имя которой еще не выучено, уже нагло смеется над ухом, резко увеличивая опасность аварии.

Париж спит. Руль с трудом держится в руках, и километровые столбы сшибаются как флажки слаломной трассы.

— Aime-moi, aime-moi! — подначивает радиоприемник.

А в Переулкино — желтая трава. И зевающие коровы, уставившись в звездное небо мычат джазовыми синкопами. И в ответ звенят комары — такие большие, что коровы строят им глазки.

А как гудят эти комары! Просто не верится, что они никогда не слышали Вагнера!

Спасибо тебе, Боже, что есть на свете такой город — Париж. Где сверкание огней и белые хризантемы на Площади Согласия. Фоли Бержер, Мулен Руж и Комеди Франсез...

И знаешь, малыш, положив руку на сердце, я должен признать, что это нормально. Это же естественно, что в Париже за углом Лувр, а прямо по улице — Комеди Франсез, куда она к черту денется! А кто не верит — пусть проверит по карте.

Это же так естественно: пересекая площадь де Голля, оставить Триумфальную арку справа...

А в Переулкино — белые снега...

И зная все это, малыш, абсолютно не удивляешься, что в Переулкино живут всего две тысячи человек, а остальные десять миллионов живут в Париже. Непонятно другое: почему мы с тобой — в числе тех двух тысяч сумасшедших, что живут в Переулкино.

Именно мы, малыш!

11 тысяч метров над уровнем моря

Как угоняют самолеты? Совсем не так, как поезда. Угонять самолет нужно весело и поэтично.

Я сижу, поджав ноги, в узком кресле «Аэрофлота», а внизу, на расстоянии 11 тысяч метров, плывет куда-то моя смешная, глупая и гордая страна. Нелепая как «Аэрофлот» среди «Панасоников».

В моем кармане мирно посапывает граната Ф-1. Радиус действия — 200 метров. Самолет плюс 150 метров холодного воздуха. С гранатой чувствуешь себя спокойнее — знаешь, что всегда сможешь взлететь на воздух. Это успокаивает. Ослепительная вспышка — и друзья скажут: еще один подорвался на работе. И любимая девушка загрустит, что ее не было рядом в нужную минуту.

Куда же, куда? В глянцевый Копенгаген или в город с ослиным названием Осло? Там в алфавите есть буква «а» с двумя точками. Там люди занимаются любовью вчетвером, а утром вместе пьют кофе, и ни тени юмора нет на их лицах. Нет, мне нельзя в Осло, я не выдержу, я рассмеюсь, и меня вышлют из страны.

Я лечу. Граната лежит в кармане как пропуск. В коричневое Рио-де-Жанейро, где ходят в белых штанах, и в Гамбург, где едят гамбургеры. В распутную Копакабану, о которой ничего не известно, но замирает сердце. В синеглазый Неаполь, где итальянцы говорят так быстро, что их не понимают итальянки, и им приходится обходиться без слов, что очень всех устраивает.

Или в Нью-Йорк. Решено! В Нью-Йорк, на Брайтон-Бич, где в подворотнях дежурят девушки с русыми косами, и нищие бранятся по-русски, когда им подадут рубли. Я поступлю на работу, куплю телевизор, видео и автомобиль. Я буду ходить каждый день на работу и говорить «хау ду ю ду», и от этого запью и пропью телевизор, видео и автомобиль. Я буду сидеть в пустой квартире и питаться помоями и удивляться, почему русские считают, что они плохо живут.

Куда же, куда? В лимонный Китай или в полногубый Габон. К белесым пескам Калахари слушать зимний ветер. В серую и песчаную Австралию, где скачут коалы верхом на кенгуру...

Или в манговую Новую Гвинею, где люди целомудренны как младенцы, потому что дальше раздеваться — это уже не стриптиз, а хирургия...

Самолет разрезает облака над роскошным зеленым глобусом. Там, в этих сотнях стран, столько людей не ждут меня. Вечерами они пьют чай, не дождавшись меня. Они благодарны мне за то, что со мной незнакомы.

Вертится глобус. Где-то далеко внизу, под этими серыми и махровыми облаками есть дом.

Там тебя встретит тишина. И мягко захлопнется дверь. Яркие проспекты упадут на запыленный стол, и пыль поднимется вихрем и медленно осядет на глянцевую бумагу. Там так тихо, что слышно, как горят электролампы. И никогда не зазвонит телефон.

Домой, домой! Я вставляю в гранату чеку и спускаюсь по трапу.
Здравствуй, дом. Я вернулся. Куда я денусь, черт меня поберит.

Подарок

В день рождения время поворачивается вспять. Сначала знаешь, что будет, а потом не знаешь, что было.

Это прекрасный праздник, когда пятьдесят человек радуются, что ты опять постарел. Этот день, когда друзья вспоминают все гадости, что о тебе известны, и говорят о них добрые слова!

Этого ждешь всем сердцем и вспоминаешь всей печенью!

Пять человек перед дверями универмага. Час до закрытия. Споры.

— Он удивится. А мы войдем и скажем ему: есть три типа общения людей через предмет — подарок, оружие и презерватив. Мы решили выбрать первый.

До закрытия полчаса. Человека с деньгами все еще нет.

— Или так. Мы скажем ему: дорогой друг! Ты родился ночью, но мы все равно поздравляем тебя с днем рождения. Правда, остроумно?

— Откуда ты знаешь, что он родился ночью?

— Да он типичное ночное животное. Ты видел эти большие бессмысленные глаза?!

А эти взрывы активности после полуночи — куда-то идти, что-то покупать!..

Общественных денег все нет.

— Ну и где это последний шанс мира?

— С миром полная фигня. Но американские ублюдки за все заплатят, — открывает кошелек аспирант Стэнфорда.

* * *

Мы входим в магазин и выстраиваемся у стенки.

— А теперь вопрос, контрольный как выстрел. Что мы ему подарим?!

Экспресс-конкурс — что мы знаем об имениннике.

— Кто у них в семье основной кормилец?

— Кто? Компьютер.

— Может, ему программу подарить. У тебя же есть Windows легальный.

— Даже дважды легальный. У меня и у соседа.

— А может, подарить что-то полезное?

— Пробовали. Не получается. Если тебе двадцать лет, и у тебя пять друзей — вокруг тебя должно быть сто полезных предметов. А теперь оглянись вокруг!..

— И вообще день рождения — это условности. Вот я, например, родился во вторник. Я же не приглашаю гостей каждую неделю.

Мы быстро проходим по отделам. Ложки, вилки, тарелки...

— Детские товары, видимо, отпадают...

— Почему же! Однажды один умник подарил мне старческую палочку с выгравированной надписью «Старей». За такое мстяг. Через несколько месяцев, в свой черед, мерзавец получил пакет подгузников с надписью «Молодежь».

Пробегаем мимо лотков. Сопутствующие товары. Салфетки — мелочное, носки — интимно, туалетную бумагу — нагло. И можно не угадать цвет.

— Смотрите, он ожидает получить от нас хорошую, полезную вещь. Но весь смысл подарка — в его неожиданности. С другой стороны, он же ни разу не получал от нас хорошей, полезной вещи...

Отдел сувениров. Говорят, женщины любят все блестящее. Мужики тоже любят, но забывают почистить, и у них оно не блестит.

Ряды ножигов и фляжечек осматриваем скептически. Подарок должен быть внезапным как выстрел. Плюс бутылка водки как контрольный подарок в голову.

— Надо подарить что-то, чтоб запомнилось.

— Думаю, если ничего не подарить, он это запомнит лучше всего.

— А главное обидится, и не будет мучить нас своими подарками.

На наших лицах изобразилась борьба традиций с целесообразностью. Традиции победили.

— Да нет, так неприлично...

Перед входом в отдел парфюмерии мы позвонили его девушке.

— У него какой одеколон? Чем он пахнет?

— Ну таким мужественным, брутальным... В общем, псиной.

Поиски одеколona, пахнущего псиной, успеха не принесли. Продавщица смотрела на нас странно. Она попросила нас описать, как пахнет собака. Дескать, у нее кошка, и она не разбирается. Посоветовавшись, мы нашли выход.

— Дайте запах, от которого ваша кошка испугается!

Это пахло сильно, но на собаку похоже не было.

У стойки с напитками все остановились, понимая важность момента. Бутылку дорогого вина... Обрадуется? Или обидится — «лучше бы ящик

пива»?.. Купить дорогого пива? Но дарить на день рождения дорогое пиво бессмысленно. Он будет пить его утром, когда будет все равно.

Настроение всем испортила единственная девушка:

— Сколько можно вино жрать? Есть вопросы, которые вином не решаются. Только водкой.

Всеобщий ропот. В углу кто-то объясняет девушке.

— Мы не алкоголики — просто о подарке вспоминаешь в последний момент, когда все, кроме гастрономов, закрыто. А в гастрономе — ну не сосиски же покупать.

— Так и спивается нация.

— Зато умнеет. Потому что к глупым подаркам требуются умные предисловия.

Потом был отдел игрушек.

— Знаете, прелесть неалкогольного подарка в том, что он действительно достается имениннику. Минус в том же.

У отдела игрушек все задержались надолго. Это была последняя надежда.

— Ну, что нам диктует ассортимент? Можно подарить ему верблюда и попытаться придумать что-то необходимое.

— Мы дарим тебе верблюда, потому что ты не верблюд. И мы тоже — дай нам есть и пить!

Кто-то вытащил из кучи игрушек порнографически симметричного слоника, у которого голова не отличалась от хвоста.

— Был такой зверь тянитолкай... Это, видимо, антитянитолкай...

— Мы ему скажем: ты умный как две головы. Так вот тебе две сам понимаешь чего.

— Я знаю, что он ответит. Пришло пять задниц и принесли две в подарок.

Звери были отвергнуты.

В дверях показался опоздавший на полчаса человек с деньгами. Все обиделись.

— А если бы ты нес патроны?

Он секунду подумал.

— А если бы я нес патроны врагу?

Возразить было нечего. Денег, впрочем, было немного.

Потом мы опять позвонили его девушке: «Слушай, а вообще что он любит?»

Она хмыкнула: «Ну... что-нибудь brutальное и металлическое. Это его стиль».

Метро, троллейбус, лифт... Мы входим в дом.

В пакете обернутый в ленточки металлический гвоздь.

— Носи на здоровье.
И медленно, медленно наступает ночь...

Песенка о словах

Слова бывают разные —
хорошие и важные,
что, бронзовея в воздухе,
разносятся в Кремле.
А мне милей ядреные,
милей пятиэтажные,
от них в душе томление
и на сердце светлей.

Восьмизвездафиговые,
офигночудогадские,
пускай ползут шпионы к нам
со словарем в руке —
но ни в одном учебнике
не сыщешь, как склоняется
«кобылой-в-ухо-вздрюченность»
на русском языке.

Вы едете в троллейбусе,
убийственно серьезные,
и дни за днями катятся,
не радуя сердца.
А мы творенья божие,
в нас скрыты силы грозные,
известные филологам
еще не до конца.

Стоят пеньки луженые,
в газету погруженные,
но стоит вам товарищу
сказать, что он «оно» —
он весь преобразается,
глаза полны энергией,
и умственной работою
лицо озарено.

И чувствую грядущее
отчетливо и ясно я,
когда зарей вечернею

жизнь кончу я свою...
И небо раскрывается.
И музыка прекрасная.
И горние архангелы
таинственно поют:

«Хвала, блин на фиг, господу,
сто аллилуев в нос ему.
Товарищ наш единственный,
смотри, не помирай.
А если очокуришься —
тогда добро пожаловать
в семью-губами-шлепанный
остодолбавший рай...»

Когда Солнце погаснет

С головы отряхивая землю,
Поднимаюсь молча из грязи.
Ночь тиха, чему-то что-то внемлет,
И звезда с звездой — шпрехен зи.

Тук-тук.
У тебя жена и дети спят? Посидим на кухне!
У тебя в подъезде лампочку сперли. Восхищаюсь нашим народом.
Какое нужно трудолюбие, чтобы так мелко воровать.
Когда я отказывался от чая!
А что там на полочке? Французский коньяк!..
Я понял! В гости надо приходиться неожиданно. Хозяева не успевают
купить плохое и тратят хорошее.
Настоящий коньяк!.. Октябрьский виноград из региона Шаранта,
настоянный в бочках старого дуба графства Лимузен?
Надо проверить. Ну!.. Кто ж не узнает привкус лимузенского
дуба!

Твой. Тебе решать.
Если бы у меня был коньяк, я бы здесь не сидел. Я бы здесь лежал.
В три года я мог купить коньяк, который старше меня. А теперь...
Мир становится хуже. В три года у меня был чудный заводной
автомобильчик — а сейчас не хватает на «мерседес».

Почему на Новый год? Это стадное желание выпиться со страной. Как
говорили древние греки — не откладывай на завтра то, что можешь
выпить сегодня.

Видел утром первого января печальных трезвых людей? Ангелы спирта не могут прилететь ко всем одновременно!

Они не торопятся к тем, кто плохо себя вел в году.

Давай, ты же хочешь! Помнишь, у классиков: «...но как спастись от ужаса, который был бегом времени когда-то наречен».

Ты же знаешь, как!

Я понимаю, жена... Совет да любовь. Хотя, если любовь, зачем вам советы!

Слушай, ты существо логическое. Умеешь делать выводы. Меня ты уже вывел.

Если земля остановится — Новый год вообще не наступит!

А жена — твоя половина. Обещал жене — дал поблещания себе.

Давай! Жена поймет. Требовать трезвости от физиков — все равно, что морального облика — от балерин.

Я — отдам! Когда разбогатею. Я тогда куплю квартиру из шестнадцати комнат. Там будет зал для открывания шампанского со стальным потолком.

Пойми же. Мир устроен сложно. В центре галактики пылающая радиоактивная плазма. На периферии — абсолютный ноль. И только в узкой полоске, у желтого карлика по имени Солнце, возможен коньяк.

Но — в чем ужас! — спирт выкипает раньше воды! Когда Солнце превратится в сверхновую, плазменный огонь охватит Землю, ты в последнюю секунду схватишь бутылку. А там вода!

Ты будешь гореть с ощущением потери.

А потом Солнце станет черной дырой, и в нее утянет твой коньяк.

Бутылка звякнет и раскокается о горизонт событий. А ты будешь смотреть, как она проваливается в другую вселенную.

Я читал: на Земле скопилось триста миллионов бутылок коньяка — и все утянет в черную дыру. Если б я мог там поселиться...

Решайся. Когда ты в последний раз преподносил жене сюрприз? А она тебе? Нет, после детей.

Завтра ты скажешь жене: «Всю ночь на кухне что-то звякало. Утром встаю — коньяка нет».

Она слышала, как я пришел? Отменяется.

Завтра ты проснешься бодрый, сбегашь за цветами. Она увидит розы — в бутылке от коньяка...

Скучный ты человек...

Мы живем в бессмысленном городе... От севера Москвы до юга — двести километров. В пять раз больше, чем от Англии до Франции.

Скопление людей... Но чего ждать от города, где открыли — Московское центральное кольцо.

Для тех, кто забыл неометрию: центральное кольцо — это точка!

Да, параллельные миры существуют. Мне хреново, а тебе это параллельно.

Я не обещал хорошо себя вести. Разве что в детстве. И сколько продержался... Лет до шестнадцати.

Как мы гуляли! Девушки 16+ в позе 18+...

Какие говорили тосты... А теперь тосты — просто поджаренный хлеб.

У нас была самая читающая страна в мире. Осталась половина. Самая дочитывающая до половины страна в мире...

Россия — это Советский Союз после фитнеса. Похудела и приличнее выглядит. Сменила пол. Бывает...

А их ЦРУ читает нашу интернет-переписку. Бедные.

Да, хакеры — они такие же, как мы. Даже деньги у них наши.

Сын проснулся. Вот ты не хочешь поделиться коньяком, а дети все видят. Когда тебе будет семьдесят...

Я знаю, у тебя задержка развития. Тебе сорок — а здоровье на двадцать.

Но все же... кто подаст коньяк?!

Да, ради детей!..

Открывай...

«Уж сколько их упало в эту бездну, разверстую вдали...»

...А потом доктор советовал меньше пить — и я перешел на спирт.

Ну, как говорят физики, между первой и второй время не квантуется.

Привет, и ты проснулась? Мы не бухаем, мы лечим голову от мозга.

Решаем три главных вопроса русской жизни: «Что делать?», «Кто виноват?» и «На хрена мы так напились?»

Это человеческое общение. Ну то, что заполняет паузы между стаканами.

А котлеты есть?

Я приличный человек. Пользуюсь чужими женами исключительно, чтоб пожрать. Да, я тоже в детстве думал, что арманьяк — это коньяк от Армани.

Вот еще бывает коньяк «Луи тринадцатый» за штуку баксов. А, ты не воруешь?.. Дети скажут тебе «спасибо». Не растащил родину, всё им оставил.

Вот непонятно: почему тот, кто открывает законы, получает меньше того, кто надзирает за их исполнением.

Ну я пойду...

Удачи тебе и мягких гвоздей в ботинках.

Ты не обижайся. Надо иногда с кем-то поговорить.

Я вообще мирный.

Но иногда...

Я — вечно молодой. Юность — это когда у тебя нет денег. Когда они появляются — сразу наступает старость.

Забей... Алкоголь творит чудеса с людьми. Люди в ответ творят чудеса с алкоголем.

И как говорил Тургенев, «в дни сомнений, в дни тягостных раздумий — ты один мне поддержка и опора, великий, могучий и свободный французский коньяк!».

Апрель 2017

Постмодернизм

Что меня тревожит, доктор? Да, в общем, ерунда. В последнее время я стал меня беспокоить.

Когда я стою у микрофона, с моими двумя интонациями на сто тысяч слов русского языка. И загадочная реакция зала.

В русском языке тридцать три буквы. Наука так и не разобралась, какие из них смешные. Скажешь фразу — и ждешь... Да — или нет?

Вначале надо привлечь их внимание какой-нибудь глупой фразой.

Я не могу одновременно стоять и думать. Это разные группы мышц.

Я стою на сцене. Они смотрят.

Почему мы смотрим по телевизору каких-то придурков? С этой стороны экрана то же самое.

Здесь можно немножко расслабиться: вроде реагируют.

И дальше две страницы о разном. Уместно чередуя классические шутки с современными. Классические — это про водку. Современные — про траву и гомосексуализм.

Каждая вторая фраза — для смеха. Остальные со смыслом.

Текст как бутылка коньяка. Энергичный «чпок» в начале, не больше шестидесяти процентов воды и теплая волна по мозгам.

Когда начинаешь сочинять шутки, нормальная жизнь заканчивается. Тебя спрашивают: какое сегодня число? Ты думаешь: а какое смешнее?

После концерта — разбирательство со знакомыми девушками: кого из них я со сцены обозвал дурой.

«Не про тебя» — тоже повод для разборок: «А кто еще у тебя хлопает дверью?»

Российская женщина. Вечный типаж для писателя. Сначала тургеневская девушка, потом некрасовская баба, потом Достоевская старуха.

Ты извини. Я в детстве много болел. С тех пор такая сволочь.

Чужим шуткам не смеешься, только киваешь головой не без зависти. Здесь четыре с плюсом и три за артистизм.

Так смотрит на девушек патологоанатом: «А пилкой слева сподручней...»

Смеешься только самому идиотскому, когда организм берет свое.

Проговариваешь мир, обсасывая слова как куриную косточку.

Она сидит, объемя руками торс и поджав... поджавши... Сядь нормально!

Когда кончается наблюденное, можно ей перезвонить.

— Привет. В последнее время мы общаемся как чужие люди. Даже не подрались ни разу.

Давай, скажи еще что-нибудь!..

«Од-но-об-ра-зен как о-пос-сум...» И фыркнула...

Слова переливаются в эмоции, те опять в слова...

Сложная перепасовка первой и второй сигнальной системы.

В природе много избыточного. Зачем нужно похмелье? Вполне бы хватило того, что нет денег.

Пошутили — вернемся к теме.

Внешних наблюдений не хватает. Знакомых трудно разобрать на пружинки. Не видно, что внутри.

Но если мы смеемся над одним и тем же — значит, общность логики существует. И можно разобрать на винтики себя.

Превратить себя в объект наблюдений.

Когда уходит девушка, записать, как именно больно. А напиток уже потом.

Она хлопнула дверью, я хлопнул стопку. Тривиально, вычеркиваем.

Она ударила дверью... об косяк... Об этом все шутят. Вычеркиваем.

Незаметно наблюдать за собой из уголка себя. Это очень смешно — протоколировать свои мозги. Я Павлов, который, за неимением средств, сам у себя собака и сам себе пускает слюни. О, пошел рефлекс!..

Внезапные выкрики очень оживляют текст.

Хорошо, что сочиняем не патриотические рассказы. Пришлось бы лечь на амбразуру, чтобы записать впечатление.

Я мясник, который торгует своими внутренностями. Я много думаю о себе. Знаете, доктор, я себе снюсь. И от этого просыпаюсь.

В этом мире добрых людей лучше пошутить о себе сам. Все равно бомба мимо не пройдет. Главное — не давать повода для сплетен. То есть страдать всегда теми же пороками.

Чего я боюсь, доктор? Двух вещей. Совсем разобрать себя на винтики. Когда человек работает сам себе психиатром, он становится сам себе психом.

А еще — потерять связь с другими.

Знаете, доктор, раньше все было проще. Помню, в молодости даже рубашки меньше пачкались. Я их реже менял.

Когда человек открывает мир — его шутки бурлят энергией. В них кровь и почва. Первый поцелуй, первая пьянка, первая шутка о столовой.

Потом начинается дегустирование. Уход в оттенки. Еще хуже — в симулякры. Раскрашенные куклы слов. Тема не важна. В географии как в порнографии, главное — рельеф.

Типичный симулякр. Есть слово «порнография» — поэтому смешно.

А впереди — неизбежный старческий маразм.

Шутка — это нарушение логики, вылет в кювет на повороте мысли.

Однажды, доктор, я стану нарушать логику, которую буду видеть только я.

Если бы гвельфы были гибеллинами, гибкость гибеллинов была бы гибельной для гвельфов.

А какая была шутка в XIII веке...

Я окончательно уйду в свой мир, буду сочинять себе шутки и смеяться над ними.

Это беспокоит, доктор. Я не уверен, что эта дверь открывается изнутри...

А теперь надо уйти. Пара фраз с интонацией вбивания гвоздей — и они поймут: уже всё.

Вот и всё. Мир — это сверкающий праздник, на котором ты моешь посуду.

История нас оправдает. За недостатком улик.

Вот это классический конец. «Ля-ля-ля, бум».

Я уйду и буду долго стоять за сценой, вспоминая этот зал, и искры, что проскальзывали между нами...

Затаились... Это повисающий флажок, специально для плаксивых вещей. «Бум-бум» — и верхнее «дзынь»...

Но чаще всего со сцены уходят внезапно, вот так.

Апрель 2007

Пять возрастов

К пятидесятилетию Радия Веснина

Тебе 10 лет.

Школа — такая нудятина. Ты решаешь задачки. Все называют это наукой.

Мир безжалостен. Родителям всё можно доказать плачем — но на остальных не действует.

Папа сказал, что мужчины не плачут — а используют логику. Обещал мороженое, если ты докажешь, что оно вкусное. Пришлось думать.

Ты уже видел, чем мальчики отличаются от девочек, но не понимаешь, к чему такие сложности.

20 лет.

Ты студент.

Утром ты смотришь на будильник. Семь — двоеточие — ноль ноль. На ноль не делят, спим дальше.

Выходные отличаются от будней одним. Утром в выходные ты уже пьяный, утром в будни — еще пьяный.

И почему в вузах не бывает последнего звонка! Представляешь: первокурсница с колокольчиком у тебя на плечах...

Отличие мальчиков и девочек оказалось очень интересным. По сути, это единственное, что тебя интересует.

Только нет времени. Институт, офис. Плюс чуть-чуть верстать и репетитором по физике.

Быть преподавателем сложнее, чем мужчиной. Преподаватель должен прийти в дом, поговорить с ребенком и научить дерево.

30 лет.

Оказывается, разнообразие мира — в том, что сегодня на работу в восемь, а завтра — в семь.

Люди меняются. Брокер — сокращение от «бывший рокер».

Утром ты ненавидишь будильник. Привет, голова! У меня нет для тебя мыслей.

Выяснилось, что мужчины и женщины в природе не скрещиваются. Потому что комары, и очень колется сено. Скрещиваются они в квартире, с вином и музыкой.

Восходящая кривая «можешь купить» уже превысила нисходящую кривую «можешь выпить».

Человек на 70% состоит из воды. Водка — на 60%. Поэтому водка крепче человека.

40 лет.

Ты уже не опаздываешь, как в двадцать. Видимо, меньше важных дел.

Денег становится всё больше. В дни сомнений и тягостных раздумий ты один нам надежда и опора — великий и могучий французский коньяк.

Мужчины и женщины опять скрещиваются где попало, потому что дома дети — всё понимают и ржут под дверью. Это называется вторая молодость.

Снова чувствуешь себя подростком. Подросток всем доказывает, что уже, ты — что еще.

Внезапно понимаешь: дальше будет то же самое, только меньше зубов. И срочно хочется всего, что откладывал на будущее. Наступает кризис среднего возраста.

50 лет.

Все чаще люди, задавая тебе вопрос, ждут умного ответа. Это, конечно, раздражает.

А внутри себя сидишь ты. Такой же глупый, как раньше.

Ты знаешь правильное решение, но это совершенно не помогает его принять. Неправильные гораздо веселее.

А что на второй день банкета ломит кости — не беда. В восемьдесят и встать с кровати будет подвигом. И потому — вперед, к подвигам!

Январь 2017

Ушедшие реалии

Рассказы о Ленине

У каждого ребенка должна быть мечта. Когда мне в детстве читали рассказы о Ленине, я плакал и мечтал научиться писать такие же.

Итак, Рассказы о Ленине для детей.

Как Ленин в тюрьме работал

Однажды Ленина посадили в тюрьму. Ну посадили, и посадили, и слава богу. Только Ленин без дела сидеть не любил.

— А принесите, мне, — говорит, — Надюша, такое маленькое, деревянное, длинное, с пером на конце, чем революционные статьи пишу.

Это чтоб жандармы не догадались.

И вот заглядывает надзиратель в камеру — а Ленин сидит и пишет.

— Все, — говорит, — заканчиваю «Что делать», перехожу к «Материализму и эмпириокритицизму».

Ну надзиратель покраснел, раскричался: тюрьма, нельзя, и все такое.

Все отобрать хотел.

А Ленин хватъ книжку — и съел. Даже не прожевавши. Все равно, говорит, рабочие разберутся, на чьей стороне правда!

Ильич на съезде партии

Съезды партии проводились за границей, в глубокой конспирации. Но Ильич все равно узнавал о них и приезжал.

Он входил на съезд, заложив руки за спину.

— Ну-с, товарищи эс-деки, что делать будем?

«Что делать... что делать... — несется по рядам, — Ленин приехал...»

А Ленин стоит, хитро улыбаясь, и молчит.

Часа через два кто-нибудь похитрее, Дан или Аксельрод, спрашивает:

— А вы Владимир Ильич, что делать будете?

А Ленин улыбається и молчит, потому что конспирация для него превыше всего.

Поэтому введение Рабкрин в 1920 году было для меньшевиков полной неожиданностью.

Ленин и печник

Когда в Горках сломалась печка, бойцы поймали печника и привели к Ленину.

Ленин прогуливался по кабинету, заложив руки за спину и произносил речи.

— Извольте видеть, батенька, — сказал он, — дымит. А мне писать письма Луначарскому. А то мы с ним третий год не разговариваем.

Печник работал, а Ленин все писал в круге света от лампы, и лунные блики ложились на его лицо.

Вечером печник со вздохом бросил мастерок.

— С вас, барин, тринадцать миллионов!

Миллионы — это деньги такие были. Навроде царского полтинника.

— И вы что, так просто уйдете? — удивился Ленин. — Нехорошо это. Зайдите ко мне в кабинет. И вы, товарищ Дзержинский, тоже зайдите.

Никто не знает, о чем они там говорили, только ночью печник сказал жене:

— Эх, Катерина Максимовна... Он такой справедливый, такой справедливый... Не знаю, как мне теперь и жить-то.

Как Ленин перехитрил жандарма

Пришел однажды к Ленину жандарм. Ну посидели, попили чай с лимоном.

— А теперь, — говорит жандарм, — я у вас обыск делать буду. Вот что это за книжка? Революционная?

— Нет, — говорит Ленин, — это закон божий.

Жандарм тык-мык, а доказать ничего не может. Потому что неграмотный.

Так и ушел, аспид...

«Когда я приду к власти, — размышлял Ленин, — то обязательно буду бороться с неграмотностью».

Варежки

Стоит часовой у Смольного, видит: мимо Ленин идет в драповом пальто.

И смотрит так внимательно, с ленинским прищуром:

— Ну что, может вам пропуск показать, или как?
А часовой стоит, дрожит, слова не выговорит.
— Ну че дрожишь-то? — спрашивает Ленин.
— Да-к ведь мороз, товарищ Председатель Совета Народных
Комиссаров, — нашелся часовой.
Ленин усмехнулся, покачал головой, а потом варежки прислал.
Сначала-то он думал тулуп прислать, а потом, дай, думает, пришлю
варежки.

Ha oxome

Ленин был стар, в рыжих волосах пробивалась седина. Лиса была
молода, и только кончик рыжего хвоста отливал черным.
Ленин сидел в засаде за подтаявшим сугробом и смотрел на лису.
Трепетали красные флажки загонщиков.
Они смотрели друг на друга.
— Ладно, — подумал Ленин, — Поберегу патроны, при-го-дятся.
Лиса благодарно моргнула и ушла в лес.

Scerco finale

На набережной Волги играл оркестр, и вальсы рвались
из простуженных труб.
— Подойди, красивый, погадаю, — сказала цыганка.
Гимназист Ульянов нетерпеливо сжал губы, но протянул руку.
Был теплый март, и в воде плавали черные льдины.
— Не буду я тебе гадать, красивый, — хрипло сказала цыганка. —
Бойся черной кошки, бойся женщины с пистолетом, а пуще всего друзей
своих бойся.
Выглянуло солнце.
Мальчик пожал плечами.
Цыганка, что с нее взять...
Дура.

О культе личности Троцкого

12 марта 1964 года в небе над Иркутском произошло столкновение
двух неизвестных объектов. На месте столкновения были найдены часы
Антонов-Овсеенковской фабрики «Смерть врагу», бюст неизвестного
гражданина в натуральную величину и следующий документ.

Постановление ЦК КПСС «О ликвидации последствий культы личности Троцкого»

Л.Д.Троцкий стоял на посту председателя коммунистической партии с 1925 по 1953 год. С его именем связывает наш народ разгром банды сталинско-зиновьевских изменников, успехи индустриализации и коллективизации, победу в Великой Отечественной войне.

Вместе с тем, некоторые особенности характера Троцкого Л.Д., его самолюбие и болезненная подозрительность, привели к принижению роли коллективизма в партии, снижению дружеской атмосферы в партии, расстрелу половины ее членов. Возникли явления культа личности Троцкого.

Общеизвестна роль Троцкого в Октябрьской революции. Когда в 17-м году рабочий класс взял власть в свои руки, дал по морде, кому успел, и отдал обратно — еще тогда Л.Д.Троцкий предупреждал:

— Зачем брать Зимний дворец в 9 часов вечера? Там же никого нет!

Именно Троцкий 5 ноября, посмотрев на часы, произнес знаменитую фразу:

— Сегодня поздно, собираемся послезавтра рано.

Но в 25-м году, с согласия Сталина, Каменева и Зиновьева скрыв от партии завещание Ленина, Л.Д.Троцкий на XIII съезде ВКП(б) большинством в один голос занял пост председателя партии. Первые годы он вел правильный курс на объединение всей партии для борьбы со сталинско-каменевско-зиновьевско-бухаринскими изменниками.

После высылки Сталина в 1927 году в Грецию и загадочной смерти Бухарина в 1934 году в Хабаровске Троцкий стал фактически единоличным руководителем партии. Он сосредоточил в своих руках необъятную власть, которой не сумел правильно воспользоваться.

Троцкий выдвинул ошибочную теорию об обострении классовой борьбы в ходе социалистического строительства. Под его руководством был создан мощный репрессивный аппарат Ягоды-Ежова-Берии. Если до 37-го года все несогласные расстреливались по суду, то с 37-го года их расстреливали без суда. Были незаконно репрессированы и погибли такие видные большевики, как Маленков, Молотов, Каганович, Ворошилов, Жданов и другие.

В трудные годы Великой и Малой Отечественных войн 1943-1948 годов Л.Д.Троцкий стоял во главе обороны нашей страны. На лондонской встрече «Большой тройки» — Черчилля — Троцкого — Муссолини в 46-м году была создана антигитлеровская коалиция. Совместный советско-американский ядерный удар 1948 года решил судьбу II мировой войны,

навсегда сделав ядерное оружие самым гуманным в истории человечества.

После войны Л.Д.Троцкий стоял во главе сил Стамбульского договора, которые играют огромную положительную роль в современном мире.

Вместе с тем, введение Троцким титула «Красный Наполеон и регент ЦК ВКП(б)» привело к расколу мирового коммунистического движения. А попытки обосновать передачу по наследству поста председателя Коминтерна привели к репрессиям генетиков и кибернетиков.

Перегибы и репрессии имели место до самой смерти Троцкого в 1953 году в Кремле по неизвестной причине от руки сталинских убийц.

Годы троцкизма существенно деформировали социалистический строй, приведя, в частности, к появлению антипартийной группы Ломова—Крестинского—Иоффе и примкнувшего к ним Шепилова и восьми дням кровавого правления изменника Берии.

Вместе с тем, партия заявляет, что культ личности не изменил природы социалистического строя. Партия, во главе с товарищем Хрущевым, торжественно провозглашает: «Уже нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

Город Троцк, 1961 год

Куда уехал ВЦИК?

*Посвящается переезду
Советского правительства
из Петрограда в Москву*

Куда уехал ВЦИК? Он был еще вчера,
и ветер не успел со стен сорвать декреты.
И на стене висят, как будто не царя,
но очень бородатые портреты.

Куда уехал ВЦИК? Причалы над Невой
теперь имеют вид унылый и сиротский.
И больше не стоят на пристани пять львов —
четыре из камней, а пятый Троцкий.

Куда уехал ВЦИК? Судьбу моей страны,
мне кажется, могу теперь предугадать я.
Теперь мы стали все Иосифа сыны,
а значит, дело кончится распятьем.

Но спят и видят сны все питерские львы,
что что-нибудь у нас опять начнется скоро.
И строим мы канал от Волги до Москвы,
чтоб поскорей туда прошла «Аврора».

Ностальгия

Жан Поль работал в Париже на заводе «Рено» оператором компьютера по подметанию двора. Много раз слышал он о богатом заграничном городе Москоу, где дворцы и музеи, отели и театры — Большоу и Малий, и вместо переполненной вонючей подземки людей везут сверкающие автобусы с мягкими креслами и вежливыми гидами, и за несколько франков можно купить все, что угодно.

— Хорошо там, за кордоном, хорошо-то как! — плакался ему эмигрант Гришка, полуболгарин-полувенгр, родившийся в Москве и страдавший от ностальгии по России, Болгарии и Венгрии одновременно. — Кабы мог, на коленях бы пополз в Белокаменную, да нельзя, я здесь анекдоты рассказывал. Такое не прощают.

Разговоры томили и бередили душу. Ночами снились погруженные в облака небоскребы с золотыми куполами, крахмальные официанты с подобострастным «Пли-из, товарищ», оборванцы перед «Интуристом», танцующие за пару медяков, седой митрополит в буденновке, поднявший над толпой пятиконечный крест...

И однажды с утра Жан Поль решил. Он умоляюще посмотрел на свою располневшую супругу, простился с мыслью о двух автомобилях к рождеству и отпуске на Гавайях и пошел писать заявление.

Выехать за рубеж оказалось непросто. Жан Поль полгода стоял в очереди в отделе виз и разрешений советского посольства.

— Цель поездки? — спросили его строго.

«Надо что-нибудь революционное сморозить», — подумал Жан Поль.

— Мы здесь забастовку организуем, едем к вашим рабочим обменяться опытом.

Воцарилось молчание. Оно длилось долго, недели две, пока Жан Поль не принес плохую характеристику от парткома буржуазной партии.

И вот под брюхом самолета зашуршал о шасси мокрый бетон Шереметьева. На таможне выяснилось, что то, что можно вывезти из Франции, нельзя ввезти в Россию, и наоборот.

— Все в автобус, все в автобус! — вежливо заорала гид, и они поехали.

Москва нахлынула внезапно из-за поворота шоссе и окружила автобус со всех сторон. Красивые новостройки и новые проспекты были украшены полосками материи с надписями. «Слаба», — прочитал Жан Поль. Экскурсовод объяснила, что французское «б» — это русское «в», поэтому, что для вас «слаба», то для нас «слава».

Жан Поль ехал, любуясь городом. Все вокруг восхищались Москвой, и только затесавшийся в тургруппу представитель желтой прессы все зудел про тяжелую жизнь местных рабочих, которую не показывает «Интурист» и уверял, что здесь даже инженер месяц копит медяки на подержанный «Панасоник».

— Они борются с нашей идеологией, — шептал он. — Есть у них секретная служба, ОБХСС называется.

Автобус затормозил у «Националя», и завертелась роскошная заграничная жизнь. Сувениры, открытки, рекламные проспекты — Калининский, Кутузовский, Ленинградский. Ночные девочки в гостинице:

— Хэллоу, бой! Вы такие неопытные в этом Париже...

И ресторан... Ресторан сиял роскошью, вокруг стояли статуи рабочих, но ни одного живого рабочего не было.

— Для них главное — выколотить франки-доллары! — шептал представитель желтой прессы. — Это чуждая нам идеология. Для них доллар превыше всего!

Жан Поль никогда в жизни не был в ресторане и не знал, как себя вести, а официанты улыбались и вытирали салфеточкой икру с лацкана его пиджака. А Жан Поль вспоминал родной завод и домашнюю закопченную сковородку с яичницей, и ему становилось грустно.

Роскошь отелей, подбострастие официантов, автобусы, мчащиеся из дворцов в рестораны — все было заграничным и неудобным как новые лаковые ботинки. Вокруг пировали, кутили, веселились не наши, не французские люди, и некого было взять за свитер и сказать «Месье...»

Жан Поль затосковал. Он все чаще вспоминал жену и детей, маленькую комнату на десятом этаже — и к сердцу подступала тоска по родному, задрипанному Парижу.

— Нет, заграница не для нас... — вздохнул Жан Поль. — И хорошо, а всё чужое... Не могу я без родного завода.

И пошел проситься домой, в голодный и ободранный Париж.

Конец 80-х гг.

И я тоже был на баррикадах

Мемуары

Как-то стоим мы с Борис Николаичем на баррикадах, и он мне говорит:

— Сань, ты опишешь все это когда-нибудь?

— Об чем речь! — сказал я.

И вот я пишу.

Я подслушиваю путчистов

Собрались один раз Язов с Крючковым — и молча подмигнули друг другу.

Пожали друг другу руки — и поехали уговаривать Павлова: ну что, Павлов, поехали в КГБ, разберемся.

Павлов сначала не хотел в КГБ, но когда ему обещали, что арестовывать не будут — согласился.

Меня-то они, конечно, не позвали. Я еще тогда в демократах числился. У меня вообще КГБ телефон подслушивал.

Только я сообразил, что, если подслушку подсоединить не к микрофону телефона, а к наушнику — то можно подслушивать КГБ.

И вот сижу я и слушаю:

— Товарищи, — говорит Крючков. — Мы власть-то брать будем или как?

— Хм...

— Эх...

— Н-да...

Что-то льется из горлышка в рюмочки.

— Товарищи! Родина приказала нам ее захватить. Нехорошо отсиживаться в окопах, когда окопы кончились.

Я услышал в трубку, как бьют куранты на Спасской башне.

Как я спас страну

Что-то плескалось в стаканчиках, и голоса делались громче. Совещание в хунте кончалось. Голосовали за список арестованных, шли отводы и самоотводы.

— Ну, сверим наши часы. Который час? — спросил Крючков.

Было ровно пять.

— Без двадцати пять, — сказал я в телефон.

— Спасибо, — сказал Крючков и отключил подслушивание.

В тот день они на двадцать минут опоздали арестовать Ельцина.

Как я предупредил Ельцина

В критических ситуациях я быстр и оперативен.

— Алло, господин Ельцин, — ору я в телефонную трубку. Это «Голос Америки». Сегодня у вас переворот, во сколько вас арестуют?

— А не врешь? — со свойственным ему демократизмом говорит Борис Николаевич.

— Ну что вы, — говорю, — уже и по КГБ слушок пошел. Да вот, и в телепрограмме написано: 16.00 — пресс-конференция хунты.

— Понял, — сказал Ельцин, немного подумав.

Я услышал, как трубят подъем, и охрана бежит умываться.

Как я поддержал Горбачева

Из переговорного пункта на Арбате я позвонил Горбачеву.

— Не печалься, отец. Я и страна с тобой.

— А танки у вас есть? — спросил Горбачев.

— Обязательно будут, — задумчиво сказал я и повесил трубку.

По улице ехали танки. Моросил дождь, и на бульварном кольце стояли самоходные орудия.

Верховный Совет

И вот сидим мы втроем — Ельцин, Руцкой и я — и думаем, чего делать.

Я предложил строить баррикады. И все пошли строить.

Почему бы и не построить, мужик дело говорит!

— Еще, — сказал я, — нужно брать власть в свои руки.

Все глубоко задумались и сразу не ответили.

Как я остановил танки

К Белому дому ехали танки. Я сказал им «Стой!». Они остановились.

— Это Белый дом? — спросили танкисты.

— Нет, — сказал я, — это посольство Намибии.

И танки поехали дальше. Меня всегда ставили на танкоопасных направлениях.

Как мы победили

Да черт его знает...

— Ура, — сказали мы однажды утром, — Победа.

Черт-те что такое!

Погоня

Путчисты улетели в Киргизию... Мы находим истребитель. Я, высунувшись из иллюминатора, стреляю в летящий впереди самолет.

И вот мы во Фрунзе. Солнце парит, Руцкой мрачен, а я в каске и с гранатой через плечо.

Скоро начнется стрельба...

Впрочем, киргизская версия позже не подтвердилась, поэтому эту главу мемуаров прошу считать недействительной.

И ревели самолеты

Мы опоздали в аэропорт на 21 секунду. Самолет с путчистами взлетел. Что делать? Где их искать?

— Старик, куда улетел этот самолет? — спросили мы у проснувшегося сторожа.

Старик посмотрел на улетавший самолет и оценил его взглядом.

— В Крым, — сказал он убежденно.

Это был народ, измученный большевиками.

Он был небрит.

У его ног лежала собака и в ее взгляде была мудрость веков.

Мыс Форос

Вот что мне нравится в Крыму, так это кипарисы. Их болезненная тонкость в утреннем воздухе, зеленая вертикаль на сине-сером фоне морей и гор. Когда видишь кипарис, хочется замереть в отдалении и, свернувшись в клубочек, думать о тщете всего сущего.

В будущей жизни я постараюсь быть кипарисом...

А Горбачева-то мы, естественно, освободили.

Как я арестовал всю КПСС

Двадцать первого шли дожди.

— Пора арестовывать, — сказал Руцкой. — Возьмешься?

— Эх, — вздохнул я, — надо было их брать всех вместе, еще на первом съезде.

Гремел гром. Что-то сталкивалось и боролось в тучах.

«Двадцать первое. Ночь. Понедельник. Очертанья столицы во мгле...» — процитировал я.

В трудные минуты я всегда вспоминал поэзию.

Сиреневый вечер

Горел желтый фонарь и падали листья. Янаев шел по улицам, весь утомленный и потерянный.

— Трудно? — сказал я ему. — Будет еще труднее. Ты читал завтрашний декрет?

Фонарь качался и тени плыли по нашим лицам.

— Во втором абзаце подражаешь Толстому. — протянул Янаев. — И про придворную камарилью убери. Обидно же.

— Логика революционной борьбы, батенька! — ответил я, заложив руку за лацкан.

Я уходил, держа бородку клинышком.

А Янаев все стоял под шуршащей листвою тополей.

И глядел на книжку, которую я подарил ему.

«В. И. Ленин. Удержат ли большевики государственную власть.»

Последний день

Над площадью развевалось знамя. Наше знамя. А я стоял на баррикаде в каком-то дурацком состоянии души. Черт-те что! Понравилось мне делать революции...

1991

Украинская песня русскими буквами

Гоготалы сэлэзни та гуси,

а на нэби хмаркы дэ-нэ-дэ.

Выходыла на бэрэг Катруся

и спивала писню до людэй.

Всэ, що мы викамы накопылы,

дом и хлив, садыбу и свыню,

москали прыйшлы и захопылы,

зныщыв самостийнисть на корню.

Захопылы хаты и овыны,

хлеб и сало, ковбасу и мэд.

Глянь, Пэтро, стойить копыця сина.
Цэ твоя, бо в ний твий кулэмэт.
Украинци, люди, твэрдо знайтэ:
всэ цэ нашэ — горы и вода.
Пионэри, лис охороняйтэ,
бо у ньом бандэриуэци сыдятя!

Предисловие

Дорогие товарищи!

Наш толстый журнал существует уже 150 лет, и все 150 лет мы хотели опубликовать это произведение, но не могли, так как в нем присутствуют намеки на Александра I, Николая I, Александра II, Александра III, Николая II, октябрьскую революцию, левую оппозицию, индустриализацию, кооперацию и культурную революцию, культ личности и его последствия, застойные явления в тяжелой и легкой промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, транспорте, обороне и культуре.

И только теперь, в период гласности, наш журнал решился опубликовать это произведение. Итак, Иван Андреевич Крылов. «Квартет». Басня.

1988

Очередь

Девушка! Вы здесь не стояли. Что значит, отошли? Отойти может только тот, кто стоял.

Куда вы отходили? За кефиром? Предъявите кефир. Неправда, в понедельник утром в магазине всегда есть кефир, я знаю.

Девушка, вы не стояли. Тут были две девушки, и еще один старичок спрашивал свадебный фрак. Нет, он не отходил. Если б он отошел, он бы уже не вернулся. А если б вы стояли, я бы заметил. Вас нельзя не заметить. Это комплимент, а теперь иди отсюда. Ты что, не поняла?

И не смотрите на меня так, я стесняюсь и начинаю звереть. Лучше уходите, а то я еще комплимент скажу.

Я? Джендльмен! Когда вас будут бить — позовете, я помогу. Место уступать не должен. Все эти условности — брачный ритуал маргышек.

О, обиделась. И что вы здесь делаете в рабочее время?.. А я по ночам работаю. Я студент. Да, я наша интеллигенция, и нечего глаза пялить.

Девушка, у вас нет обручального кольца, зачем вы стоите в мужские брюки? Какая распушенность. Какие наглые пошли девушки. Прямо в душу лезут. Я уже совсем стесняюсь.

Эй, а тебе плакать нельзя, как индейцу. Боевая раскраска потечет. Ну, не реви, не реви. Ну не стояла ты, не стояла, отойди... А иди ты, знаешь, куда!..

И зачем я на нее наорал... Девушка, я на вас наорал. Правда? И вы тоже заметили?. Девушка, вы мне очень нравитесь. Ну что ж поделать, если вы не стояли в очереди. Нет, уходите. Девушки не должны стоять в очередях. У вас что, никого нет?.. Правда, совсем никого? Девушка, давайте завтра сходим в какую-нибудь очередь...

Что? Размер кончается? Стой, касса, не выбивайте ей! Стой!.. Отдай, дура!..

Никто здесь не хулиганит. Просто мне не хватило. Товарищ сержант, запишите фамилию и у той девушки. И номер телефона. И спросите, что она делает здесь в рабочее время. И что будет делать сегодня вечером...

...Алло, Оля? Это интеллигентный молодой человек, который вас душой обозвал. Что надо? Звоню, чтобы извиниться. Я три часа в отделении просидел. Сержант все интересовался, зачем мне ваш телефон. Вас тоже в милицию вызывали? А, вам сержант на дом приходил... Как мне с вами встретиться, чтобы извиниться? Записываю. Ждите...

...Алло, Олька?! Да, я дал объявление. «Две подружки снимут квартиру. 121-21-21, спросить Валерия»...

...Эх, годы!.. Что, Сереженька? Как я познакомился с твоей мамой?.. Стою я в очереди за бананами. Нет, это штаны такие были. Вы гоняетесь за импортными скафандрами, а тогда были бананы. А тут понедельник, голова болит — как на работу хочется. И вдруг подходит она. Вся такая... Вырастешь — скажу, какая.

А я так интеллигентно: «Девушка, вы одна?». То есть, сколько штанов брать будете. Она: «Да». И тут начинают кончатся все размеры.

А она стоит, вся такая вечерняя, в совершенно летнем... то есть очень совершеннолетнем платьице... Я стою, сжав зубы, бросаю сдержанные комплименты. А тут — бац! — последняя пара. Я говорю: «Пожалуйста, девушка!». Она аж рот разинула.

Вот так ушла моя мечта. Но я разыскал девушку и штаны эти себе добыл.

Она еще долго выбирала между мной и милиционером. Потом выбрала меня. Сказала: «Все равно, где ты, там и милиция».

Долго мы были вместе. Твоя мама меня не понимает. Говорит: «Ты, как паровой коток. Стоит — не сдвинешь, разойдется — не остановишь». А мне хотелось, чтоб она была рядом, когда у меня плохое настроение. И чтобы у нее тоже было плохое настроение.

И, может, я не умею ухаживать, но я всегда говорю правду. Даже когда не знаю, в чем она состоит.

И еще одно. Сережа, никогда не трать деньги, которые собрали на новое пальто. Тебе это не простят никогда. Понял? Ну, беги к маме.

1986

Осень в государстве

Теперь вы знаете всё... Но что пользы, если на носу у вас по-прежнему очки, а в душе осень?..

Исаак Бабель

В государстве осень. Дворники сгребают в кучи желтые рубли, похожие на листья. Горят золотые костры. А в Америке доллар еще совсем зеленый...

Снег и огонь. Россия. Страна, которая дала миру Ломоносова, Пушкина, Толстого. А спичек и мыла не дала.

Мы думали, государство богатое и всё даст. Государство, во-первых, вовсе не богатое, и, во-вторых, ничего не даст.

Шорох шагов. Интернациональный долг закончился. Остался национальный долг.

Ветер и вздох. Мы стали больше ездить за рубеж, и даже киоскеры к обычному «„Правды“ нет» добавляют «И „За рубежом“ тоже».

Шаги. Блеск улыбки.

— Говорят, в ФРГ почти все есть.

— Почему «почти»?

— Очередей нет.

— Ну дожились! Мой сосед едет в Антарктиду, спрашивает, что мне оттуда привезти.

Осень. Вьется, вьется дым золотых костров.

— Вы знаете, говорят, Горбачев подвел.

— Кого подвел?

— Итоги обсуждения.

— Какая смешная страна...

— Странно, а раньше Горбачев у нас был самым прогрессивным.

— Так ведь раньше говорил он один.

Пустота паузы. Наша деревня такая маленькая, что Генеральный секретарь и Председатель Верховного Совета у нас один человек.

Мы созданы этой средой, напоены ею, горьковатым ароматом российской интеллигенции эпохи эс-эс-эс-эр.

— Почему все говорят, что у нас мало партий? По-моему, у нас есть даже одна лишняя.

— Ну в самом деле, если народ и партия едины, зачем нужна партия?

Какая смешная страна... Посмотрите на нашу интеллигенцию. Что вы видите? Правильно, ничего.

А вы думаете, легко уворачиваться между серпом и молотом?!

О, вековой плач российского интеллигента — «У нас правовое государство или шо?»

«Отче наш, иже еси на небеси...» До какого мракобесия нужно было прийти, чтобы в конце XX века верить в бога стало вольнодумством!

Коротко русское лето. Только февраль — и сразу октябрь.

У нас осень. Водопад тишины — и только строчки газет, строчки газет...

«Продолжается забастовка цементного завода, что уже принесло государству прибыль в 10 миллионов рублей».

«Наконец-то! Советские рабочие на 72-м году Советской власти объявили о прекращении забастовки».

Белые, желтые, красные...

«Постановление. Вернуть городу Ворошиловску первоначальное название — Хата хромого Васьки, козла».

Осень. Резко возрос тираж журнала «Навозные жуки и жужелицы». В годы застоя этот журнал — единственный — ничего не написал о Брежнев.

Дождь и улыбки.

— Недавно ученые исследовали, сколько может прожить человек без еды, одежды и жилья. Оказалось, один человек — три дня, а много людей — семьдесят лет.

— Но почему же колхозы недодали хлеба государству?

— Понимаете, все было хорошо, но тут вдруг пришла зима.

Какая смешная страна. Я не понимаю, как это может быть — народ бедный, а государство богатое.

Падают листья. Горят золотые костры.

Мы идем по земле. Мы — поколение, не запятнавшее себя в годы застоя. Не потому, что были против, а просто не успели.

Снежинки на щеке. Шуршат старые газеты.
«Пятая звезда Героя вручена товарищу Брежневу. Его тепло
поздравили товарищи Горбачев, Рыжков, Шеварднадзе...»
Вечная память товарищу Брежневу — атомоходу и человеку.
Холод.
Мы ветераны этой революции 1905-1985 годов.
Снег.
Всякая революция непобедима, пока хоть кто-нибудь помнит, зачем
ее делали.
Мы потрясли весь мир. Я бы даже сказал — заколебали.
Отойдите. У нас осень.

Осень

На душе так тревожно и сладко,
все падет — лишь дотронься рукой.
Я люблю совершенство упадка,
всенародный сарказм и покой.

Выпадают холодные росы,
и собаки скулят при Луне.
Это просто роскошная осень
наступает в великой стране.

На знакомые падая зданья,
будут новые птицы кружить.
До свиданья, страна, до свиданья,
нам досталось тебя пережить.

До свиданья, гремящие звуки,
нас зовущие к новой борьбе.
Сколько раз поднимали мы руки —
а теперь ими машем тебе.

Мы тебя ни о чем не попросим.
Ты нас тоже — уже ни о чем.
Это осень, страна. Это — осень.
Просто осень. И мы ни при чем.

1989

В лесу родилась...

*В лесу родилась елочка,
в лесу она росла.
Зимой и летом стройная,
веселая была...*

*Везет лошадка дровенки,
На дровнях мужичок.
Срубил он нашу елочку
под самый корешок*.*

Мораль из этой песенки,
малыш, придумай сам.
Что будет, если всю страну
доверить мужичкам?

Йеллоустон

В Йеллоустонском парке осень. Под дождем пересекает поляну гениальный олень...

Америка, страна вечной осени, где октябрь не великий, а просто месяц желтых листьев.

Страна осени, страна дождя и джаза. Америка. Страна, которую мы не знаем, и которая не знает нас.

Мы — это железный занавес, из-под которого доносится всё нарастающий шум.

«В следующем году мы, нефтяники Орловщины, хотим добыть три миллиона тонн нефти. Жалко, что у нас нет нефти!»

«Мы, украинский народ, постоянно чувствуем дружбу других народов. Особенно остро эта дружба проявилась в строительстве Чернобыльской АЭС и ликвидации ее последствий».

«Мы, работники министерства, готовы к диалогу, готовы искать решение сообща. Только не знаем, куда сообща».

...Мы думали, это коммунизм, а оказалось — один призрак. Было душно. Потом — как будто у всей страны открыли форточку.

И вот уже в газетах пишут так интересно, что перестаешь их выбрасывать — пригодятся для следующей перестройки.

Мы узнаем о себе такое...

* Стихотворение «В лесу родилась елочка» написано Раисой Кудашевой в начале 1900-х годов.

Оказывается, наше правительство делает крупные шаги. Но все время в разные стороны.

И нам нужно срочно улучшать здравоохранение. Потому что средняя продолжительность жизни в нашей стране 73 года. А Советской власти уже 72.

И у нас уже появилась мафия. Наша мафия шьет кофточки и печет пирожки. У них бы такую мафию на руках носили.

...А у них бастуют эскимосы Аляски. Пустячок, а приятно!

И олень на поляне...

Мы говорим: не бойтесь нас, ребята! Люди у нас добрые. Морду набьют, но булкой поделятся.

Мы не собираемся вас завоевывать. Нам уже 72 — вы думаете, в таком возрасте можно воевать?

И смеяться над нами не надо. Нам же еще только пять лет. Мы вводим хозрасчет, кооперативы, свободу внешней торговли, и скоро до 1913 года нам будет не хватать только царя.

Мы закупаем никелевые конвертеры и наращиваем производство суперфосфатов на 20 процентов...

А впрочем, о чем это я... Олень, хочешь сухарик?

Отворачивается...

Я мечтаю покормить оленя в Йеллоустоне, но я не умею угонять самолеты «Аэрофлота». Я бы просто покормил его и не передал никаких секретов, зачем они ему нужны. Да и что я могу ему передать из страны, где Генштаб узнает количество своих ракет из американских газет!

Где народному хозяйству не хватает только двух вещей — народа и хозяйства. И только непонятно: почему, чтобы прийти к коммунизму, нужно догнать Америку?

Где все противоречиво как Леонид Ильич Горбачев.

Всех злит, что ничего нет, но все к этому привыкли. И вот это злит больше всего.

И никто ничего не делает.

Прав был классик. Суровость законов российских компенсируется лишь необязательностью их исполнения. Грустно, что демократизм законов российских компенсируется тем же.

И через двести лет историки будут писать о нас работы: «Демократия как результат отсутствия колбасы».

Мы великая страна. А от великого до смешного — один шаг...

Америка... Немного наивная, немного крикливая, а в сущности, неплохая страна, где бастуют эскимосы Аляски (надо же им хоть чем-то заниматься), но где пьяный министр не расстреливает из АКМа оленя в национальном парке.

Где на севере спят в тумане города, а на юге степи и пальмы.
А в лесах Дальнего Запада колышутся моря деревьев под ударами ветра
и падают листья.

Беги, олень Йеллоустона, рассекая грудью дождевые капли. Беги
по своей осенней стране, которую нам никогда не понять.

1980-е

Студенческое

Физики

Поэма

Мы — физики. Нам знакомо это чувство радости, когда чужой эксперимент подтвердил чужую теорию.

Мы умеем брать интеграл без таблиц и делать эксперимент без установки.

Одно число всегда равно другому с точностью до численного множителя. Поэтому любой эксперимент подтверждает любую теорию.

Ведь природа может ошибаться. Физик — никогда.

Физик испытывает природу. Что испытывает к нему природа — догадаться нетрудно.

Физик — это человек, который умеет все. Кроме того, что он должен делать.

Это слушать семинар о супергравитации, а потом снова клепать свою болванку.

Утверждая, что получаешь удовлетворение.

И раз в год вырвавшись на волю, всю ночь петь песни о своей болванке.

Физики встают в семь утра и пьют холодный чай с батоном.

Теоретики встают в двенадцать и пьют. Со сдобными булками.

У нас очень много теоретиков. Поэтому мало булок.

Потом, пнув по дороге дверь, за которой спит теоретик, физик выходит под дождь,

Вспоминая о валяющихся во дворе института осциллографах,

Садится в автобус,

И отдает контроллеру свой обед за будущую неделю.

Теоретик ездит на такси. Он посчитал, что контроллер может войти каждый день на каждой остановке, поэтому такси дешевле.

Физик — это единственный, кто не имеет с собой пропуска в физические институты.

И рассказав вахтеру все, что думает о вахтерстве как явлении,

Он входит в соседнюю дверь, где вахтера нет,

Покосившись на табличку «Совесь — лучший вахтер»,

Достает из стола болванку и начинает клепать.

Начальник говорит, что премии не будет, потому что альфа квадрат равно восьми, и теоретик обещал в следующем квартале то же самое.

Лаборант говорит, что напильников не будет, потому что теоретик выписал робота, вытирающего с доски.

Потом приходит теоретик и начинает учить, как клепать болванки.

Потом теоретик уходит. Хмурый и надолго.

Чик, чик, звяк... Чик, чик, звяк... Дзинь.

Теоретик возвращается радостный и зовет обедать.

Физик говорит, что обедать не будет, так как копит на напильник.

Теоретик обижается.

Дзинь, дзинь. Болванка летит в теоретика.

Теоретик спрашивает: «Это что, паяльник?»

В теоретика летит паяльник. Пахнет жареными теоретиками.

Теоретик очень обижается и уходит, обещая ничего не рассказывать про калибровочную симметрию.

Чик, чик, звяк...

15.00 — семинар. Все смотрят на робота, стирающего с доски. Перед рассказом о калибровочной симметрии теоретик просит физика выйти.

Физик говорит все, что думает о теоретиках как явлении.

Вмешивается начальник. Мир узнает о начальниках как явлении.

А также, кто в следующем квартале будет без премии.

В соседней комнате физик клекает болванку, стараясь бить погромче. Это успокаивает нервы.

«При изменении калибровки функции Грина преобразуются по тождествам Уорда...»

Физик скрипит болванкой по стеклу.

Робот ломается. Зовут физика. Физик занят — пьет цейлонский чай без заварки.

«Не хотите ли заварки? Премия? В двойном размере. У бабушки начальника чудесное варенье...»

Дзинь, звяк. Нужен напильник. Теоретик бежит покупать напильник.

Робот работает. С начальника сползает вежливая улыбка. «А теперь — на место, и если ты мне еще раз...»

Звяк, звяк. Робот опять сломался. Грустный теоретик с кнопкой — кой в руке.

А вечером голодный физик покупает новый батон и ест его в автобусе.

Знакомый контроллер. Здравствуйте. Да, денег нет, одолжить не могу.

Не забыть пнуть по дороге дверь теоретика.

Теоретик кричит, что он не сердится и с удовольствием расскажет про калибровочную симметрию.

Молчи и слушай...

Интересно быть физиком. Вы можете заниматься атомом...

Интересно заниматься тем, чего не видишь. Это как любовь по телефону.

...Или звездами...

Лучше одна звездочка в небе, чем четыре на плечах.

...Вы можете заниматься, чем хотите.

И клепать свою болванку.

Ребенок

Дядя, где здесь в ГУМе у фонтана? Я потерялся.

Что где мама? Вот это я и хочу узнать. Мама куда-то девалась. Ты что, не знаешь, как деваются? Бум — нету!

Нет, папа у нас давно потерялся. Он в командировке. Вернется, когда я вырасту. Возьми меня на ручки, чтоб меня все видели, а то меня не найдут.

Причем здесь, как меня зовут? Я не потерялся, я вот он. Мама потерялась. Зовут «товарищ Студебеккер», вся в цветочек.

Дядя, ты кричи: чей мальчик? чей мальчик? Может, кто ответит.

Откуда я знаю, где мама. Ты большой, тебе виднее. Вечно от вас отбою нет: «Где мама? Где мама?» Если б я знал, где, как бы она потерялась?

Давай играть, будто ты медведь, а я — тот, кто бьет медведей. «Не буду, не буду...» Ну ты спиралепипед!

Дядя, у тебя есть дети? Нет? Что же тогда у тебя есть? Лаборатория? Это где конфеты делают? Гайки?? А зачем их делать — они всюду валяются, вон лежит. Почему-то вот конфеты не валяются.

Дядя, давай, будто ты Бастилия. Мы тебя разрушать будем.

А, пошли туда! Нет, мамы там нет, там есть мороженое. Купи мороженое! Купи мороженое, а то я буду кричать, что ты мой папа. За двадцать восемь. Две штуки. И бумажку разверни.

Подними меня повыше. Что — устал? Правду мама говорила. Все большие такие. Сначала на руках носят, а потом бросают. Неси!

Конфета? Как называется? Тьфу, дрянь!

Дядя, а это слово я знаю, его нельзя говорить. Мне папа, когда был, сказал, какие слова нельзя говорить.

Пойдем туда. Мы с мамой там стояли, я одному дяде в глазик из лука попал. Мама ему объясняла, что я индейский вождь. Стало скучно — я ушел. А тут ты...

Слушай, ты любишь пожарные машины? Я тоже. Купи, вон продаются... Ну ладно, не люби, ты мне купи. Купи, сейчас мороженым в тетю пульну. Пускай дядя милиционер приходит, я ему расскажу, что ты при мне говорил.

У тебя что, денег нет? Сколько получаешь?.. Ххы-гы-гы...

А вон моя мама. Дядя, сейчас будет сюрприз... Мама, мама! Этот дядя меня украсть хотел!..

Так его!.. Давай!.. И еще так!..

Вообще-то я пошутил... А-а, детей бить — грех!..

О, милиция! Товарищ дядя мент, идите сюда. Вот дядя гражданин хулиганит. И еще гадкие слова говорит. Наклонитесь, я вам их на ушко скажу.

Дядя милиционер, иду я по улице, а вот этот подбегает и начинает меня бить... Не слушайте его, у него нос разбит, он и маму мою побил.

Ладно, дядя, не горюй! Хочешь медаль получить? Через две недели вернешься, я домик подожгу, ты меня спасешь. Привет, дядя!

Горестная повесть о Якумиракотоку Юкатасикагаве

С нележкой душой приступаю я к написанию этих заметок, и сердце мое переполняется скорбью и тревогой.

Я расскажу вам о творчестве современного японского поэта Якумиракотоку Юкатасикагавы (1970 — 1974 гг.). Он является учеником великого Басе, произведения которого не сохранились до наших дней и потому остаются для нас непревзойденными.

Итак, Якумиракотоку. Рано, за девять месяцев до рождения поэта, ушел из семьи его отец. За три месяца — мать. Да, ранний период творчества Якумиракотоку Юкатасикагавы был труден. Видимо, поэтому он не дожил до позднего.

Трагедией всей его жизни стало прощание с любимой — когда поэту было два годика, из дома выгнали кошку. Именно ей, незабвенному другу на четвереньках с романтическим именем Кэтахомяу, посвящено первое стихотворение Юкатасикагавы. Мы приведем его полностью.

Серенький козлик ушел погулять.

Козлика волки загрызли.

Рожки и ножки... Увы!..

Вслушайтесь! Сколько здесь затаенной грусти, нежности и скрытого огня. И невольно вспоминается раннее утро, искрящийся туман, ключьями повисший у подножия Фудзиямы...

А теперь вслушайтесь еще раз! Какой океан таланта! Какая полнозвучная, грохочущая сюрреальность! Ассонансы и диссонансы, алогизмы и силлогизмы звучат как предвестники патетической эстетики и провозвестники синтетической поэтики.

И подумайте: козел. Это же символ. Чего? Не знаете? И я не знаю. И никто не знает. Это искусство...

Интересно, какой он. Я вижу его волевой взгляд и гордо поднятые рога. Козел страдающий, козел протестующий, чем-то похожий на самого поэта.

Рожки и ножки, товарищи! Они оба хотели жить.

И хотя я больше люблю телятину, я вижу эту картину. Маленький козлик среди серых вол-ков, отражающих отдельные недостатки, все еще у нас имеющиеся. Козлик вскрывает их. А потом они его.

Загрызли, товарищи, хорошего человека загрызли. Надеюсь, что он хотя бы был вкусный.

И снова — солнце, туман, мертвая бабочка на снегу... Экая бездна неоромантизма — это первое стихотворение поэта. Как жаль, что так и не было написано второе.

31 марта 1974 года, в возрасте четырех лет, Якумиракотоку Юкатасикагава зверски погиб под колесами автомобиля. Глубокий и злобный смысл чувствуется в том, что автомобиль этот принадлежал американскому военному атташе.

1981

Предупреждение

Вадик! Вчера ты сказал, что тебе нравится паять микросхемы.

Вадик, одумайся! Это не доведет до добра.

Когда человеку нравится паять больше, чем гулять с девушками и петь песни, он медленно гибнет. Для всех это закончилось одинаково.

Ты будешь жить ублюдочной жизнью, называя эту ублюдочность компромиссом.

Сначала слепнут глаза. Они видят только свет и цвет, не различая настроения людей. Печально розовый и радостно розовый станут для тебя одним цветом. Через полгода ты не сможешь отличить полусладкое шампанское от полусухого по цвету.

Потом появляется шум в ушах и плохой аппетит. Ты перестанешь просыпаться ночью оттого, что три дня не ел. Вадик, ты будешь есть три раза в день как в сумасшедшем доме. Это очень опасно, многие сходят с ума.

Это скользкий, опасный путь. Скоро ты начнешь дружить с людьми, которые знают, чем транзистор КТ315М отличается от транзистора КТ315К.

И глаза покроются лиловой пленкой убежденности.

Ты начнешь изменяться в лице и ужасно, катастрофически глупеть.

Извини, Вадик, но это уже началось. Понимаешь, транзистор отличается от телевизора тем, что у транзистора три ножки, а у телевизора четыре. А ты два дня чинил телевизор, вместо того, чтобы припаять к транзистору еще одну ножку!

Это начало угасания.

Потом перестанет болеть голова, и появится такое ощущение, будто под кожей ползают жужелицы. Они длинные и пощелкивают. Как будто двое в темноте чокаются чашками из китайского фарфора.

Теперь, Вадик, самое главное. Однажды ты проснешься в холодном поту с синей пеной на губах и с этого дня начнешь каждый день ходить на работу.

Ты будешь молча бродить по коридорам, и странные, неверные картины будут стоять перед твоими глазами. Белые квадраты схем в чаду канифоли. Последний крик «Помогите!» — и волнующееся море бумаг.

Ужас...

У тебя испортится сон. Вадик, ты начнешь вставать в семь утра. Это конец. Вадик, тебе захочется спать по ночам, а это понижает обороноспособность державы.

Помнишь, как праздничными ночами мы отпугивали криками самолеты противника, по утрам передавая вахту проснувшемуся ПВО.

— Лейтенант Кондратьев защите СССР сдал.

— Маршал Кутахов защите СССР принял.

— Удачи вам, маршал.

— Служу Советскому Союзу, коллега.

Воспаленные глаза! Поэзия битв!

Это уже не вернется.

Еще одному человеку понравилось паять. Еще один станет хитрым и зеленым, чтоб маскироваться на фоне настольного сукна, и глаза заслезытся от света настольных ламп.

Вадик, ты гибнешь медленно и неотвратимо, как проценты в сберкассе, превращаясь в злое лопухое чудовище.

Одумайся, Вадик! Или ты станешь сплюснутым существом, чей остекленевший взгляд устремлен в рабочий стол. Твой рот усохнет, а одинокие зубы будут похожи на соленые валуны.

И с этого дня ты заживешь нормальной жизнью советского человека, чего я тебе и желаю.

И дольше века длится матч...

А теперь, дорогие телезрители, угадайте, откуда мы ведем свой репортаж. Да, конечно, из Севильи, где Анатолий Карпов и Гарри Каспаров начинают свой двадцать четвертый матч-реванш. «Наши реваншисты», — любовно называют их здесь.

Напомним, что из двадцати трех предыдущих матч-реваншей двадцать два прекращены федерацией шахмат, потому что матчи были, а реванша не было. В последнем матче выиграл Карпов. Это матч был опротестован Каспаровым, так как проводился в его отсутствие.

Спортсмены так изучили друг друга, что когда один из них уходит отдыхать, другой делает ходы за соперника. Не обходится и без конфузов. Так, в третьем матче Карпов ушел обедать, а Каспаров играл за него. Вернувшись, Карпов заявил, что играл испанскую партию. А Каспаров утверждал, что было больше похоже на индийскую, потому что много слонов. Пришедший судья принял единственно правильное решение — отправил обедать Каспарова. С тех пор Каспаров не выносит испанскую партию и испанскую кухню.

И вот двадцать четвертый матч-реванш.

Судья стреляет из стартового пистолета — и время пошло.

Начало игры. Шахматисты называют его дебютом. Сейчас их скорость — пять ходов в секунду. Задача каждого — ударить по шахматным часам и попасть по руке партнера — это собьет ему скорость.

Вот нервно подскочил Гарри Каспаров. Это Карпов случайно задел его ногу ботинком, который случайно оказался подкован железными шипами. Друзья вскакивают и молча смотрят друг на друга. Подошедший судья успокаивает Карпова, просит его не волноваться. Карпов садится — и тут же с криком подсказывает — на сиденье его стула стоят четыре черных ферзя!

Кто же играет черными? Маленькая заминка — оказывается, оба соперника играли белы-ми, — и оказывается, что черными играет Каспаров. Судья мирит соперников, и игра переходит в главную стадию.

Середина игры — миттельшпиль. На этой стадии главное — незаметно перевести часы партнера. Соперники внимательно следят друг за другом. Молниеносное движение — руки противников сталкиваются у часов... Ход. Еще ход.

Какая игра, товарищи! Математически точный стиль Карпова. Импульсивная, энергичная игра Каспарова. Каспаров отдает фигуру за фигурой, чтобы улучшить свою позицию. Вот он в третий раз подставляет своего ферзя. Но Карпов не хочет брать, он тоже хочет улучшить позицию. Каспаров в четвертый раз подставляет ферзя. Карпов невозмутимо подставляет своего. Какой поединок нервов!..

Конец игры. Эндшпиль. У Карпова восемь пешек, конь, слон и две ладьи... простите, даже три ладьи. И двадцать минут времени! У Каспарова один король. Зато какая позиция! Его король прошел всю доску и стоит позади всех фигур противника. Каспаров заявляет, что его король вышел в дамки, и требует второго короля. Судья листает правила. Карпов спорит, а судья хочет разобраться. А Карпов нервничает. Это и понятно, ведь идет его время.

Осталось двадцать секунд. Каспаров говорит, что когда остался один король, он ходит, как все фигуры одновременно. Судья не верит, но в правилах этого нет.

Осталось две секунды. Каспаров, не торопясь, идет к доске.

Осталась секунда. Чей флажок упадет первым?

Свисток судьи. Флажки упали одновременно. По регламенту спортсмены выкидывают на пальцах, кто выкинет больше пальцев, тот выиграл.

Оба выкидывают по пять пальцев. Опять ничья.

1986-90

Рыночное интермеццо

Над горизонтом ярко и празднично светило Солнце по 15 тысяч за минуту, не спеша протекала река по 4,500 за литр, и тихо шумели деревья по 2,100 за децибел.

С высокого утеса по 5,600 за метр сбегала прекраснейшая девушка по 21,800 за килограмм.

В ее голубых глазах (15,900 за глаз) застыла легкая печаль по 46,800, и белое платье трепетало на ветру (чем выше, тем 5,500).

— Знаете, вы мне очень нравитесь, — медленно проговорила девушка (9,300 за слово), — Помогите мне финансово!

Я увидел на ее щеке маленькую родинку — рублей 200, не больше.
Я погиб. Мы обнялись и пошли строить рыночные отношения.

Романтическая пастораль

Капли падают с деревьев, и собака лает на велосипедиста. В воскресенье утром я почти люблю эту страну, где воздух ласков, как вкус спелого абрикоса.

Здравствуй, душа моя, я пишу тебе письмо. У нас все обычно: погода хорошая, и большевики особенно не досаждают.

Время перемен на Руси бывает редко. О его приближении узнают по исчезновению продуктов. И стая голодных галок на каланче — это к переменам.

Сила большевиков в том, что они совершенно не знают, что делать, и смело говорят об этом народу. И мы идем вперед, волоча за собой свой авангард.

Знаешь, мы похожи на людей, которые идут к пропасти, издеваясь над теми, кто уже упал. Наша демократия — еще ребенок, а кто видел ребенка, который бы не орал и не пачкал... И все же, ведь борьба за свободу не может быть важнее свободы.

Ты знаешь, есть что-то особенное в воздухе. Такое ощущение, что что-то скоро кончится.

Мне будет очень не хватать этой смешной страны. Песенки про Чебурашку. И нашей национальной гордости великороссов — сидеть без штанов и читать Достоевского.

О, Россия, ты похожа на колокол, поэтому тебя часто бьют. Ты — бред сумасшедшего бога. Ледяной айсберг между двух океанов.

А погода хороша по-прежнему. Клены бросают листья, и иные милые мелочи в природе.

Леса пахнут медом, и золотистая пчелка, кружа, огибает меня, пишущего это письмо.

Большевики... Да впрочем, что мы о большевиках. Давай лучше о вечном.

Клен подрос и стал загораживать солнце. Не сажай кленов — они загораживают солнце.

Двое мальчиков, Миша и Гриша, выросли и называют себя колхозниками. А в детстве — ты помнишь? — они так хотели быть чернокнижниками.

Наша крыша прохудилась, но ее не чинят, потому что советских денег уж никто не берет, а новых еще не напечатали...

Нет, все-таки, почему же на одной шестой части земного шара творится пять шестых всего идиотизма?

Прощаясь, я желаю тебе жить долго. Хотя в нашей стране невозможно долго жить без пистолета, а с пистолетом можно, но недолго, потому что сразу хочется застрелиться.

Ты помнишь, у Тургенева — в деревеньке, где чирикают птички, есть могилка с цветочками, они говорят о вечном спокойствии, а также о вечном примирении и бесконечной жизни...

Прощай, я посылаю тебе серебряный колокольчик. Звони мне в любое время.

1989

Школьный вальс

Давно, друзья веселые,
простились мы со школою,
мы школу взяли штурмом как рейхстаг.
Помянем павших в скверике,
Один теперь в Америке,
а четверо — в совсем других местах.
Сияет солнце яркое
над скверами, над парками,
и весело нам вспоминать о том,
как за углом курили мы,
как в комсомол нас приняли,
и как в тот день мы приняли потом.

Как для металлолома мы
тащили танк поломанный,
и как наш класс газету издавал.
Как хулигана Валю мы
в газете рисовали, и
как он нас всех потом разрисовал.
Как увлекались скачками
с портвейном для раскачики мы,
у стенки целовались не таясь.
От счастья лез на крышу я,
смеялась Танька рыжая,
учительница первая моя.

А разве вспомнить нечего
о выпускном нам вечере,
как в школу мы в последний раз пришли.

И, сжав девчонок пальцами,
как закружились в вальсе мы,
стоять поскольку ровно не могли.
 Какими тогда были мы,
 науки все забыли мы,
 но мы привыкли начинать с нуля.
 Учились и старались мы,
 и каждый день смеялись мы.
 И здесь спасибо вам, учителя!

Страхагент

Граждане, вы не застраховали свое имущество?

Советую поторопиться, в жизни всякое бывает. Вот недавно гражданка Сидорова, тридцати восьми лет, ушла из дому, забыв выключить газ, воду, свет, утюг, забыв запереть квартиру и закрыть клетку с королевской коброй.

Мальчик Кузя, семи лет, проснувшись, вышел на кухню. Чтобы посмотреть, что это там шипит и булькает, он начал зажигать спички.

Не давайте детям спичек! Через несколько минут соседи начали наперебой вызывать пожарную охрану, скорую помощь, милицию, Мосгаз и батальон саперов. Одна глухонемая старушка по ошибке вызвала парашютный десант.

Мальчик Кузя, добравшись до шкафчика с лекарствами, ел крысиный порошок и мозольную жидкость. Товарищи, прячьте лекарства от детей! От обжорства у малыша две недели болел живот.

По затопленным комнатам плавала королевская кобра и чихала от дыма.

Парашютный десант запутался в высоковольтных проводах, что категорически запрещено инструкциями ДОСААФ. На работе у гражданки Сидоровой погас свет, и она стала собираться домой.

И в это время в незапертую дверь квартиры вошел рецидивист Собакин.

Мальчик Кузя прокручивал кобру через мясорубку. Родители не научили его любить животных. Рецидивист Собакин выносил вещи. Все принимали его за спасателя. При его появлении духовой оркестр пожарных играл туш.

Мальчик Кузя споткнулся об оставленный без присмотра пылесос и сломал ногу. Товарищи! Не оставляйте пылесос без присмотра. Он может стать источником детского травматизма.

Из окон верхних этажей лилась вода. Нижние этажи сгорели и лежали в руинах. Мальчик Кузя сидел в детской и плакал, глядя, как обугливаются любимые игрушки.

Рецидивист Собакин на руках вынес ребенка из пламени.

Жильцы дома эвакуировались на улицу. Глухонемая старушка собрала в узелок бумаги о страховании имущества и пошла и пошла куда глаза глядят. Глаза ее глядели в разные стороны.

А рецидивиста Собакина укусила королевская кобра, которой не сделали вовремя прививку от бешенства. Он скончался через двое суток в машине «скорой помощи».

Мальчик Кузя на костылях выбрался на проезжую часть улицы и стал там играть. Проезжавший мимо грузовик круто свернул и сшиб гражданку Сидорову, переходившую дорогу в неполюженном месте.

А через два месяца, выйдя из больницы, счастливая мать получила премию за страхование жизни, здоровья, ребенка и имущества на сумму восемьдесят две тысячи рублей. И тут же застраховалась еще раз.

Товарищи! Страхование — это важный источник ваших доходов. Все желающие могут застраховать у меня свою жизнь.

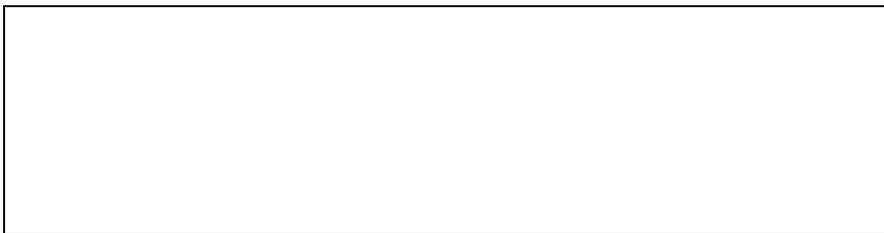
Баня

Похабная, грязная, порнографическая повесть

Жила-была красивая девушка. По субботам она ходила в баню и мылась там абсолютно голая.

Остальное вы придумаете сами, на свой вкус.

Вот мы вам место оставили.

Железная дорога

*Дням физика разных городов и стран
посвящается*

*Эпиграф
— Папаша! кто
строил эту дорогу?*

Это наш печальный жребий. Мы приезжаем по утрам, а уезжаем вечером. Поэтому нас встречают хмуро, а провожают радостно.

Большая толпа вваливается в плацкартный вагон, занимая места с целенаправленностью тараканов.

Поезд трогается. Проводник бродит по вагону, сверяя билеты с пассажирами. Дело идет медленно: билеты на пассажиров не похожи.

Стук колес.

То ли сидим слишком тесно, то ли две руки для человека много...

Девушка, вы сидите здесь, такая одинокая в этом плацкартном вагоне.

А за окнами грязь. И погода как в гастрономе. Сегодня сыро, вчера колбасило...

...Журналов не надо. Нет, журналов не надо...

...Журналов не надо. Пиво есть свое...

Да. Давать девушкам нижние полки жестоко — не заснешь, пока не уймутся мужики.

Не путай! Дорога железная, а я нет.

Пойми, я как вежливый человек, тебе предложил. А ты как вежливая, должна была отказаться. Раз ты невежливо согласилась, то считай, что я не предлагал.

Таня, да? Откуда в тебе столько затаенной агрессии? Меня — на верхнюю полку... Хочешь, поговорим об этом.

Я не боюсь упасть, но ты через час заснешь, и мне придется думать мои умные мысли стоя.

Ты замечательная девушка. Был бы повод — я бы не раздумывая на тебе женился.

Ты же можешь осчастливить одну шестимиллиардную человечества. Подумай: шесть миллиардов таких как ты — и все человечество счастливо.

У тебя такая мощная энергетика. Тебе, наверное, жарко. Сними свитер.

На остановке вагон заполняется гомоном старушек.

Да ты ешь, не бойся. Это просто порода такая — железнодорожная курица.

Почему я должен брать ближайший кусок? Человек должен тянуться к лучшему.

54 пары челюстей синхронно дробят кости. Поезд приучает к коллективизму. Невозможно же читать, когда сосед ест.

54 человека. 108 ног, не считая приبلудных.

А вам что? Вагон-ресторан в 3-м купе, 5-м и 8-м.

Звон. Лязг. Скрежет.

Куда они так торопятся? Это гонки. Кто первым напьется — выиграл. Остальные его всю ночь успокаивают.

Очарование у меня неброское, зато немаркое.

Посмотри мне в глаза. Что ты видишь? Правильно, радужную оболочку. А в центре, черное?.. Это светится мой ум.

Скажи, Таня, ты счастлива? Хорошо, я отошел. А теперь?

Видишь — это звезда! Надо немедленно читать стихи. Вот послушай, из Элюара...

«Мы купались с тобой под Купавной. Я держал тебя пальцами за.

Восемнадцать испуганных фавнов отводили косые глаза...»

«Дурак», — сказала она и ушла. Примерно на метр в сторону. Есть в поездах свое очарование.

Давай поговорим откровенно. Здесь так темно, что краснеть бессмысленно.

Я люблю тебя с такой/бешеной/ силой, обратно пропорциональной квадрату расстояния. Когда расстояние обращается в ноль, любовь немного зашкаливает.

Подвинься, пожалуйста, ближе. А то мне неудобно к тебе приставать.

Кстати о свитере... Ладно, молчу.

Человек, Таня, существо статистическое. Он ставит перед собой случайные цели и предпринимает никак не связанные с ними действия.

Да, это **моя** проблема. А я с этой проблемой — твоя проблема.

Мы летим куда-то вдаль, и смотрят хмуро из окна жители невнятных полустанков. Мы для них одинаковые, они — для нас.

Нас 50 в этом маленьком вагоне. И каждый хочет счастья. Такой большой концентрации счастья не бывает. И мы начинаем отъедать его друг у друга.

Мы о чем? Да, о поэзии. Помнишь, у Пушкина?
«Мы памятник себе воздвигли. И фигли?..»

А эти опять откупоривают. Быстро они сегодня... Третий тост за присутствующих здесь дам. Как предупреждение о том, что будет после четвертого.

Что ты сказала? Тактичный человек никогда не слушает других. Вдруг наши мнения не совпадают?!

Почему они уже напились? Много лет назад у ямщиков была привычка: бутылка каждые сто верст. Кто виноват, что поезда быстрее лошадей!

Друг, отойди. Тебе выпить не с кем? Вот, смотри, в газете. «Запой. Анонимно. Круглосуточно».

Распаренная темнота. Руки, ноги, простыни. В стробоскопе огней рваные куски чужих организмов.

Плакатный вагон. Если бы я писал роман ужасов, я бы назвал его «Нога, нацеленная в голову»...

Почему непременно вяжутся в драку? Это же наши товарищи, интеллигентные люди. Нет, я не идеалист и тоже думаю, что им дадут в морду. Но давай надеяться на лучшее. Результат тот же, а процесс веселее.

Ребята, вы мешаєте спать всему вагону. Задумайтесь, завтра по Москве будут бродить 50 невыспавшихся человек... Нет, не 54. Четыре будут мерить шагами провинциальный вытрезвитель.

Сейчас я с ними разберусь. Самое обидное в замирении пьяных товарищей — что утром никто не будет тебе благодарен. Все запомнят, как скучный дурак мешал общему веселью...

А можно еще стишок? Ну хоть Агнию Барто?
«Ежик съел два литра браги, и теперь лежит в овраге»...

А ты нелюбопытная... Тебе не хочется знать, что будет утром после того, как мы поцелуемся.

Так тебе не мешает свитер? Ну ладно.
Я не однообразен. Я разнообразен в узком диапазоне.

Теперь вы, ребята. Драться не надо. Кто на кого напал? А, это и выясните...

Хорошо, наливайте. Лучше быть среди тех, кто мешает спать, чем среди тех, кому мешают.

Таня, ты веришь в приметы? Я тут бутылку коньяка приметил.

Ну, за тебя. Жил я, жил на свете, а тут смотрю — ты!

Прострация закончилась, плавно переходя в эйфорию.

Пьем в общественном месте? Одно из двух, или вагон не общественное место, или эти 50 человек заняты публичным стриптизом.

Это мы шумим? Кстати, звук затухает пропорционально квадрату расстояния.

Да, вот в такой интеллигентной формулировке... Женщина, вы сходите, послушайте, как шумят в пятом вагоне, а потом сравните.

Таня, так я насчет свитера... Не вытирать ноги о твой плащ?.. А я иду, смотрю: твой плащ на полу. Я подумал: нельзя же по нему грязными ногами ходить.

Вы?? Настоящий проводник??

Прекратить безобразия? Сами и прекратите. Стоп-кран видите?

А я вижу!..

Мне потом сказали, что мой отвратительный поступок стал украшением вечера.

Можно, я потеряю человеческий облик?

Скажите, лошади попадают в рай? Тогда иго-го.

«И родина щедро поила меня. За это спасибо. А дальше фигня...»

И голову на подушку... Не бывает неудобных полок. Бывает неудачная анатомия.

Уйдите, я полежу. Я пил коньяк, который лежал в бочках десять лет. Хотите, чтоб я переварил его за три часа?

Медленное возникновение света и звука. «Граждане, сдавайте белье, живо, сволочи». Ощупать лицо, проделать отверстия для глаз.

Поезд стоит у перрона. Пока, Таня. Одевайся потеплее. Нынче девушке так легко забеременеть.

Нырком ухожу от пощечины. Я проснулся. Здравствуй, утро, молодое, незнакомое.

Апрель 2004

Топ-топ

Топ, топ, топает малыш.
Для него Долгопа — как Париж,
для него учитель — как Ньютон,
и гулять занятя — моветон.

Топ, топ, топает студент,
безупречно выбрит кое-где.
Пусть звонок студента извинит,
у студента свой портфель звенит.

Топ, топ, топает декан
общежитье прибирать к рукам,
где ночами, тяжело дыша,
делают студентом малыша.

Топ, топ, топают они.
Тикают часы, проходят дни,
тянутся недели и года...
Мы идем.
Ах, если б знать куда.

Andante

Зима в общежитии

Густые и пряные, приторно черные московские ночи. Ты лежишь под одеялом, слизывая иней с воспаленных губ. От окна к твоим ногам тихим котенком крадется холод.

Тревожная ночь под шелест электричек. Тихие шаги и голоса.

— Я вернулся из Парижа, иду менять белье к кастелянше. А ведь задержись на день — и не успел бы.

— Я успел побывать в восьми странах — а они так и не включили горячую воду. Ничего, завтра поеду в Нью-Йорк — помоюсь.

И истерический крик:

— Ребята! наших бьют!..

— Кто?

— Наши...

— А-а...

Здание погружается в спячку как гигантский медведь. Одинокие парочки догуливают по коридорам.

— Девушка! Скажите уравнение Больцмана в самом общем виде!..»

— В самом общем? Левая часть равна правой!

И надпись на стене: «Петя плюс Маша минус Оля, но плюс Надя помножить на Сергей равняется любовь»...

Иней. Промерзший кафель. Густой требовательный голос труб...

А потом тишина. И только на запасных путях с лязгом совокупаются паровозы.

И сосед бизнесмен, включив заиндевевший «Панасоник», идет умываться в конец коридора. Бизнесмен счастлив. Он подарил институту компьютер и ему поставили «четверку» по зачету. Теперь он получит стипендию.

А из стен выпирает красный кирпич. И в углу лежит снег. И от всего этого летит на стол бу-тылка коньяка и одинокий стакан уворачивается от дрожащих рук.

Что ты заводишь песню военну флейте подобно, милый снегирь?.. И пропасть забвения.

А годы идут, и распадаются страны, и кошелек все больше похож на бумажник...

А потом выпадает снег. И вдруг становится легче на душе. И кажется, не все еще потеряно.

Это просто ночь. Воздух пахнет снегом. И над тихим городом Д. простер крылья одинокий ангел.

Сержантская песня

Когда в июле я
стоял, на списки глядя,
когда я в сентябре
на лекции бежал.
Собравшись на совет,
минвузовские... дяди
постановили, что
я будущий сержант.

И вот я кросс бегу
и отсыпаюсь в классе.
Что съел бы я один,
то здесь едят втроем.
Я ночью на х/б
себе нашу лампасы —
и посмотрю тогда,
кто крикнет мне «подъем»!

Здесь, конечно, не лафа,
бьются ноги об асфальт.

Я бросаю взгляд косою
на погоны с полосой.
Ты запомни, старшина,
что я буду лейтенант,
и тогда я всех старшин
пошлю в наряд.

Наверное, сержант
кому-то тоже нужен.
Что делать, маршируй,
но, главное, смотри —
уж если вышло стать
сержантами снаружи,
то главное — не стать
сержантами внутри.

Настанет этот день,
как будто день рожденья,—
и выйдет капитан
ворота открывать.
Я никогда не знал,
какое наслажденье —
смотреть ему в глаза,
и честь не отдавать...

Я в пилотке калачом,
пряжка, не скажу, на чем.
Снова студбилет в руках.
Ну-ка здравствуй, замдекан.
Я в газетке прочитал —
ты меня своим считал,
значит, за два года
стипу заплати.

Когда вы на ФОПФе...

***ФОПФ — факультет общей и прикладной физики
Московского физико-технического института***

Когда вы на ФОПФе,
и «нет» стоит в графе,
и помыслы начищены до блеска,
прохладна голова,
и звонкие слова
в нее ложатся правильно и веско.

Когда вы на ФОПФе,
лежите на софе,
запасы все доедены до донца.
Нам нечего скрывать —
подушка и кровать,
и желтое стоваттовое солнце.

Когда вы на ФОПФе —
вокзалы и кафе,
и вечные ночные разговоры.
Дела, дела, дела,
стипендия была
уже давно и будет так нескоро.
И вечно в тучах над
тобою деканат,
а в голове весна, и солнце в лужах...
Не то, чтоб я любил
его, но если б был
не на ФОПФе, наверно было б хуже.

1985

Когда вернемся мы в Долгопу...

Я третий год играю в ящик,
и шеф глядит темно и хмуро.
Как славно было на Физтехе,
в давно прошедшие года.
Когда вернемся мы в Долгопу,
меня возьмут в аспирантуру.
Но вот в Долгопу воротиться
нам не придется никогда.
Ах, как печально жить на свете
на инженерскую зарплату,
когда пустые магазины
и подступают холода.
Когда вернемся мы в Долгопу,
я буду выть под деканатом,
но вот в Долгопу воротиться
нам не придется никогда.
Глотаю залпом чай вчерашний,
ловлю автобус на рассвете.

На проходной два шкафа с кольцом —
и не туда, и не сюда.

Когда вернемся мы в Долгопу —
я соглашусь быть в студсовете.

Но вот в Долгопу воротиться
нам не придется никогда.

Что ж, раз в Долгопу нет возврата,
толкнем науку для израта.

Простор критическому взгляду
и извращенному уму.

Когда вернемся мы в Долгопу,
жизнь у нас будет то что надо...

Но вот в Долгопу возвращаться
тогда нам будет ни к чему.

Вводник

Физтех. Сюда приходят будущие физики. Отсюда выходят бывшие.

Студенты – это такой статистический ансамбль. В среднем на курсе девяносто человек, а конкретно никого не найдешь:

— Вы учитесь на Физтехе?

— Вероятно.

— На каком курсе?

— Максимум на третьем...

Зачем мы поступали в этот институт? Теперь уже трудно вспомнить...

Взрослая жизнь, свобода от родителей...

Приятно, когда сам за себя отвечаешь, — даже когда за себя не отвечаешь.

Ошибаясь и спотыкаясь, терпя бедствия и лишения, человечество в нашем лице постигало непостижимую истину — водки иногда бывает больше, чем нужно.

Зачем мы поступали? Нет, конечно, были и мысли о большой науке.

Мы думали: электродинамика — ерунда! 200 страниц. За месяц написать можно.

Мы повзрослели. И круг знакомых все больше состоит из бывших жен, друзей бывших жен и бывших жен друзей.

Мы уже менеджеры. Хотя еще не топ-менеджеры. Мы так — «топлесс менеджеры».

Мы стали старше. Старость, это когда выпить — просто повод для того, чтобы поесть.

«Выпьем за то, чтобы девушки к нам приходили почаще. А уходили пореже. Но при этом не накапливались».

К сорока годам человека подстерегают три опасности. Кризис среднего возраста, кризис малого заработка и кризис большого ума.

Однообразный труд перестает напрягать. В молодости все просто: если твой начальник младше тебя — значит, ты лузер. А потом всю жизнь пытаешься придумать, почему это не так.

Я никогда не мог понять, почему в институте месяц не ходишь на учебу — и ничего. А потом — неделю не походил на работу — и все.

Такое странное занятие — сидеть внутри себя и смотреть, как стареют все вокруг.

Все-таки странные существа женщины. Ей говоришь, что она красивая, а потом: «Давай выключим свет», — и ее ничто не пораживает.

Или это и называется — мудрость...

Меняется восприятие времени. Не понравились нынешние молодые — пьем коньяк в уголке, ждем следующих.

На репетиции старики сидят в уголке. И бывший режиссер объясняет нынешнему, что поручить будущему.

Бывший режиссер всегда умный. Надо делать молодых сразу бывшими режиссерами.

Вновь попасть на Физтех уже не получится. Зато можно сюда приезжать.

Мы приходим сюда как в зоопарк — посмотреть на вас. Вы приходите в этот зал за тем же. Зоопарк — это всегда взаимно.

И когда вырем мы — последнее поколение, которое помнит пишущие машинки, вы останетесь один на один со своими компьютерами...

Глобус девяностых

На западе у древних ирландцев находилась страна мертвых. Быть «увлекаемым на запад» — приближаться к смерти.

Из комментариев к «Улиссу»

Счастье первой загранички

США, 1990

Первое впечатление от загранички: расступаются тучи — а там Ирландия. Близко — рукой можно достать. Зеленая как маскхалат советского десантника.

Ирландия — первый форпост загранички. Там на вопрос «Можно пива?» отвечают «Вам какого?»

А пиво в Ирландии хорошее. Темное, маслянистое, оно оставляет свой вкус на губах, который не забывается аэрофлотовской кока-колой.

В окружающее медленно проникает заграничка.

На подлете к Канаде стюарды разносят лотки с яблоками. Протянувшего руку ждет тяжелое потрясение, от этого можно сойти с ума: все яблоки совершенно одинаковы. Красные одинаковые яблоки!

Самолет коснулся американской земли. Пассажиры аплодируют. Даже члены КПСС.

В крови играет дублинское пиво, поэтому границу пересекаешь безболезненно, а супермаркеты игнорируешь.

А дальше...

В Вашингтоне в два часа ночи на просьбу принести стаканы горничная отвечает: «Вам для пива или для вина?» После чего, подвыпив, можно пойти по гостинице искать лед — и найти. Оказывается, надо позвонить официанту.

А потом пьешь это пиво на огромной развратной кровати, на которой одно одеяло и почему-то три подушки. Поэтому в голову лезут мысли о разложении капитализма. Причем с твоим участием.

Калифорнийское сухое шампанское, смирновская водка, пиво «Будвайзер» и виски «Олд скотч» в магазинах ночной торговли стоят дороже, чем днем. Поэтому рекомендуется пить их днем. Потому что купить днем, а пить ночью американцам не приходит в голову. В этом все великие народы схожи.

Утром тебя будят и ведут завтракать.

Ах, знаете ли вы, что такое разврат! Разврат — это когда из всех кусочков ананаса выбираешь самый маленький.

Разврат — это ехать за сто километров в Балтимор, чтобы посмотреть на выставку ядовитых жаб. Нужно побывать в Америке, чтобы узнать, что морские звезды пахнут чесноком.

На этой выставке нас сопровождает русский.

В Америке есть русские люди. Они называются эмигранты. Вроде цыган в Москве.

Их язык отличается от русского. Прежде всего — употреблением суффикса «чик». «Пойдем вечером в рестораничик». Я знаю в Москве два десятка ресторанов, но ни одного «рестораничика». А уж «куплю себе автомобильчик» вызывает у нас блаженную улыбку коровы на пляже.

Сейчас во всем мире такая мода: в маленьких рестораничках варить свое пиво. И вы можете со мной поспорить, но мне пиво рестораничка «Филипс» на втором этаже на углу Фёрст стрит нравится больше обычного «Будвайзера» и «Хайнекена».

А рядом в супермаркете шампанское круглосуточно, и двое нищих, собирая милостыню, играют в шахматы...

А еще имеется Джорджтаун.

Когда мы говорим американцам, что едем в Джорджтаун, они раздражаются радостным ржанием.

Кому мы не говорим об этом — все веселятся и повизгивают.

Джорджтаун — район ночных баров, борделей, стриптизов и университета.

Мы решили посетить один приличный ночной клуб и один низкопробный кабац — для общего кругозора.

В вашингтонском ночном клубе River club подают коктейль Sex on the beach и второй, «Малиновый Вуву», тоже ничего.

Там внутри есть водопад. Так себе водопадик.

И карамельный вкус ликера «Амаретто». Будете в Италии — попробуйте.

Теперь о стриптизе.

Стриптиз на первый взгляд нравится. Впрочем, на второй тоже. Стриптиз смотрят сосредоточенно и пьют пиво.

Рядом по телевизору показывают президента. Кто хочет, смотрит президента, кто хочет — стриптиз.

В зале явственно видны советские туристы — по глубине и неподдельности счастья. Еще они все время обижаются на вторую половину зала. Им кажется, что ей видно больше.

А иногда как запиндюрят стриптиз под мелодию, под которую тысячу раз танцевал в подмосковном общежитии. Неподражаемое ощущение...

Разврат... Разве это разврат, ребята! Разврат — это когда на вопрос «Дайте легкого красного вина» отвечают «Вам какого?»

И мяса — поджаристей или нет? А до какой кондиции довести гарнир и пудинг?

Разврат... Это когда в магазине продают — вы только не волнуйтесь, ладно? — чехол для бутылки пива. На молнии. Всего пять долларов.

Вот это разврат, мужики.

Вот это вспоминаешь, когда истекают последние часы. Это окидываешь мысленным взором.

И идешь сдаваться советским пограничникам, как нашкодивший вор идет сдаваться в милицию.

Когда возвращаешься в Россию, первая мысль: черт возьми, почему так много матерятся! Потому что отвык.

А потом спотыкаешься о первую колдобину — и живая, бессмертная русская речь льется из твоих уст свободно и плавно. Великий язык, достойный великого народа.

Russkij Samovar

Нью-Йорк, 1995

В Нью-Йорке на 52-й стрит, под хвостом у Бродвея, притаился маленький кусочек России. Ресторан Russkij Samovar.

Там можно устало опуститься на стул, хрустнуть усталой от небоскребов шеей и услышать по-русски: «Чего желаете?»

И поностальгировать о березках. Раскатисто, со слезой.

Там наш знакомый бардак. Можно зайти за стойку, налить себе и еще стрельнуть у официанта червонец. Там на стене портреты — Солженицын и Ахмадулина. То ли властители дум, то ли просто лучшие клиенты.

Грустный старик поет «В степи молдаванской». И «Утомленное солнце». И, конечно, «Русское поле».

И негры. Настоящие, вот они, рядом. Плачут, слушая «Русское поле». И тоже, небось, вспоминают березки, снег и беззаботное детство в коридорах института Патриса Лумумбы.

У нас ведь душа как у них. Мы тоже не любили белых — с семнадцатого года.

Россия...

Настойка хреновая, настойка клюквенная. Льдистая, с инеем. И официанты с какой-то элегической хрипотцой в голосе:

— Пора пельмешки нести, сэ-эр?

Прямо плюшевые официанты. Облако в штанах.

За неимением мест меня столовали у стойки бара, и я слушал все их разговоры.

«Я думал, эта толпа чудаков на 400 баксов наела, а они еще за 200 не перевалили. Сволочь комиссарская».

А потом идут и служат плюшево.

Там в сокровенных, но для общего пользования предназначенных местах, вся та же графика, что у нас. Кроме разве что «ДМБ-95». Ну это я восполнил.

А рядом Бродвей. Разные японцы бегают. Одна старушка совсем меня затолкала. Я ей так вежливо:

— Don't be a beach, lady!

Я уходил по улице, а она всё стояла и смотрела мне вслед. А потом спросит ее дети: мама, что ты больше всего запомнила в жизни?...

Бродвей, театры, девушки на афишах. Это жизнь. Из всех «Нью-йорк таймсов» для нас важнейшим является «Плейбой».

И надо всем ленивый пьяный голос по-русски: «The New York is the large derevnya...»

Эти, в ресторане, все едят свои пельмешки.

И в глазах их светится гордость: мы в Америке!

А что она, эта Америка?

Их хваленая Уолл-стрит — восемь метров в ширину. Переплюнуть можно. Я, конечно, попробовал. Но не получилось. Я десять минут пробовал, пока полицейский не пришел.

Вежливо посмотрел. Ну я конечно сказал, что у нас в стране, когда нужно измерить ширину...

Кажется, он поверил. Ну страна идиотов, ей-богу! О чем с ними разговаривать!

Скука!

Вот и сидят в «Самоваре» люди с добрыми русскими лицами — смесь меда со скипидаром. И едят пельмешки золотистой вилочкой.

А чего им! Сидят в Америке, думают: может на Бродвей сходить? А может лучше еще водки выпить?

Просперити, растак их.

И от этого ощущения начинаешь процветать и процветать. Процветать и процветать, пока в тебе не проснется духовность, а звезды не начнут двоиться.

Америка у них, видите ли...

Это же возмутительно, когда все дела мира решаются в Нью-йоркской бирже размером с Лобненский оперный театр. Попробуйте залезть в оперный театр в Лобне и диктовать миру свои условия. Засмеют же!

Они этого просто не понимают. Вот и диктуют. А их слушают. Это же биржа. Символ.

Америка вообще полна символов.

Надо карабкаться сто метров по ступенькам внутри статуи Свободы, чтобы оказаться в ее пыльной, загаженной мухами голове. Вот, мол, вам свобода. К тому же безмозглая.

Еще надо сказать, что вход в эту Свободу — не скажу, с какой стороны, но вы поняли.

А ведь предупреждали их, предупреждали: куда ты, дура... Там Америка.

Долларов тебе не хватает — так их в России больше.

Нет.

Сидят теперь, 52-я стрит угол Бродвея, тянут хреновую настойку.

«И легко мне в степи молдаванской
кочевать, никого не любя...»

А к утру и вовсе загул, и накрашенная дама в мехах клянит у всех 20 баксов до конца вечера. И понятно, что не вернет, — но ведь хрен кто дал.

На четыре рюмочки клюквенной — а пожадничали.

И уже оркестр сбивается с ритма. Эту черту российского характера мы бережно пронесли сквозь эмиграцию.

«Л-лиловый негр вам п-подает м-манто...»

Пора расходиться. Завтра хромоногие птицы «Аэрофлота» понесут меня на родину.

Значит, пора. Все. Последний аккорд.

До. Ми. Соль.

Земля обетованная

Израиль, 1994

«Шолом, леди и джентльмены!» — говорит пилот в самолете. Самолет делает вираж над морем и заходит на посадку. В аэропорту пальмы и запах эвкалиптов. Мимо меня проезжает скорая помощь с красной шестиконечной звездой...

И я понимаю, что попал, куда не надеялся попасть никогда.

Золотой песок. Средиземное море. Я стою на берегу в плавках с чужого плеча. То есть не с плеча, а вы понимаете, с чего. Мне хорошо.

Средиземное море. Чайки. Жгучее солнце. И на стене надпись по-русски: «Панки — это круто».

Я — за границей. Я живу на набережной в большом заграничном отеле. Кроме меня, в отеле есть горничная Лена и лифт-бой Сергеа. Они совсем забыли Россию и на просьбу принести полотенце — приносят.

Улица Дизенгоф. Маленькие открытые кафе, полотняные навесы. Такое ощущение, что ты в Италии. И вдруг замечаешь на столе в добропорядочном кафе скатерть с эмблемой чужого ресторана, и понимаешь — это наши, наши люди!

Тель-Авив. Пальмы, апельсины, заполненные людьми пляжи... Русские, негры, китайцы. И все как один — евреи. Тысячеголосый гомон...

И вдруг, среди рокота чужой речи, крик в мегафон: «Шлёма, телефон!» И ты понимаешь, что так никуда и не уехал.

Что, если иностранец достал сотовый телефон, то он тут же начнет говорить в него по-русски.

Незримое присутствие России придает всему неповторимый колорит. На углу улицы Нордау единственный на километр бесплатный туалет. Там лежит русская газета. В газете написано: «Ельцин — иуда».

Еще через километр — улица Иуды. Какой ненавязчивый, но достойный ответ коммунистам!

Жаркое солнце. И на бульваре беседуют два старичка, которым очень не хватает ордена Красной Звезды на сюртуке. Японские автомобили как в Москве. Пальмы как в Сочи. Те же сникерсы в ларьке, те же мультики по телевизору. И в ларьках так же любят доллары.

Ничего нового. Только пляж и акцент... Все ясно. Израиль — это просто Сочи, населенный одесситами!

Здесь даже улицы называются как в России: по Финскера и Жаботинского выходишь на угол Соколова и Фришмана. Глаз упирается в табличку «Ленинский проспект». Нет, слава богу, все-таки Левинский. Ленинского проспекта в Тель-Авиве нет. Зато есть улица Каплан.

По улицам бродят очень толстые дети. Я долго удивлялся обилию толстых детей, пока не попал в магазин игрушек. Все куклы, зайцы и мишки были такие же толстые. Детям свойственно подражать любимым игрушкам.

Вдоль моря парочками гуляют солдаты. Здесь солдат — это такая длинноногая девушка в мини-юбке, с очень большой грудью и зеленым автоматом.

— Спи спокойно, ты под защитой! — издевается надо мной бармен.

Я чувствовал себя под защитой, но всю ночь спал очень беспокойно.

Второй день. Обожженная солнцем кожа, прохладный номер отеля. По телевизору фильм про войну. Кому-то очень пригодился опыт, накопленный на «Мосфильме». Мужественные наши бьют подлых ихних,

в промежутках между боями страдая от любви. Правда есть отличия из-за местной специфики. Я не видел, чтобы в ленте «Мосфильма» полковник в перерыве между боями начал рожать.

А вокруг все те же русские типажи. Пытался заговорить с одной московской старушкой. Оказалось, она из Лондона. Мы побеседовали о герцоге Глостерском. Оказывается это совсем живой человек, у него есть свой характер и большой автомобиль.

Подошел муж старушки с хитрым лицом. На наш вопрос сказал, что муж Маргарет Тэтчер тоже пьет. Это всех убедило, и день был потерян.

Третий день. Пью водку с горничной Леной и обсуждаю с ней, почему Тель-Авив хуже Кисловодска. Горничная Лена всегда мечтала побывать в Кисловодске, но теперь, видать, не судьба. Я рассказываю о городе ее мечты. Мы целуемся и плачем от ностальгии по Кисловодску.

Вечерний бриз. И два пьяных мужика на набережной поют «Союз нерушимый республик свободных».

Четвертый день. Постепенно осваиваюсь.

На улицах продается шаурма и большие голубцы с дурацким названием «фалафель». В каждом втором ларьке грузины, которые здесь называются арабами. Тебе все время улыбаются и норовят подсунуть гнилые персики.

Ходить по Тель-Авиву очень интересно, потому что чувствуешь себя полным идиотом. В любой Норвегии или Голландии через три дня соображаешь, что Apoteekka — это аптека. Но когда вместо букв—эти комбинации черточек справа налево...

Приходится подходить количественно. Три закорючки — это кафе. Пять закорючек—ресторан. Парад интеллекта!

Дальше — больше. Четыре закорючки—открыто, и столько же — закрыто. Приходится различать закорючки. Покопавшись полчаса, догадываюсь, что можно толкнуть дверь. Я начинаю понимать, почему евреи — такие умные!

Каждый день наступает вечер. Каждый вечер возле отеля дежурят четыре шлюхи. Ни одна не понимает по-русски. Не понимают еще нас за границей!

Ко мне пристают:

- What is the time? May be you want massage?

Я сдуру ляпаю:

- I can not speak Russian.

На меня смотрят, как на идиота. И тут я начинаю оправдываться. Потом очень трудно отвязаться.

Для разнообразия нас возят по стране. Мертвое море. Гид предупреждает: надо много пить, иначе наступает обезвоживание

организма. Весь день много пили, поэтому море помню плохо. Помню, плавал на поверхности и все время пытался попасть внутрь воды. Но ничего не получалось. Наверное, это и есть тяжелая вода.

Еще помню, нам в туристском магазине дали купоны, по которым можно купить с пятипроцентной скидкой. Я взял у друзей двадцать купонов и хотел все купить бесплатно. Что было дальше, не помню, но кажется, я им не понравился.

Еще были Голанские высоты... Гиды на экскурсиях говорят так убедительно, что к вечеру начинаешь думать, «как наши побили арабов».

Ах, эти Голанские высоты! Эти холмы среднерусской полосы! Какое русское сердце не наполнится гневом оттого, что эти дубочки и елочки надо отдать арабам! Нет уж, нам чужой земли много не надо, но и своей — пяди не отдадим. И мы еще разберемся, какая сволочь назвала эти высоты голландскими!

Вечером я сижу в номере и пью холодное вино. Во мне крепнет ощущение, что я в России. Наверно поэтому в Россию не очень тянет. Здесь все то же самое!

Мой друг Паша из Харькова пьет чай и рассказывает:

- Арабов в нашем городе мало. В основном, бедуины.

Мы переглядываемся и долго смеемся идиотизму жизни.

Последний вечер. Торжественный обед. Фаршированная рыба. Мясо, фаршированное овощами. В качестве гарнира — фаршированные помидоры, фаршированные кабачки и картошка. Когда я наедаюсь, приносят фаршированный огурец и фаршированный лук.

И это всё — закуска для аппетита перед едой.

Потом дают традиционное еврейское блюдо — шашлык. И на закуску еврейский напиток — кофе в шестигранных чашечках.

Меня выносят из ресторана и везут в аэропорт.

Прощай, страна Библии и гневных сводок ТАСС! Я в последний раз провожу взглядом по островку пальм, затерявшемуся между пустыней и Средиземным морем.

Прощай, Израиль!

Съесть фалафель. Обнять пальму. И бросить шекель в Средиземное море.

Собиратель ракушек

Южная Корея, 1995

Я сидел на берегу Японского моря и думал, что быть корейцем легко и просто. Нужно сидеть на берегу Японского моря, и говорить «йе» вместо «да» и «аньо» вместо «нет».

Когда придет отлив, надо ловить ракушки, а когда придет прилив — продавать их богатым американцам, десять штук за доллар. Я за два часа наловил тридцать штук.

Это смешно. Надо было прожить тридцать лет и пролететь полмира, чтобы узнать, в чем мое призвание. Я удачливый искатель ракушек в Японском море.

Все просто. Я удачливый собиратель ракушек. Я нашел свое призвание и теперь сижу на берегу океана и пью мутное сакэ. Человек произошел от обезьяны, поэтому он ко всему может привыкнуть.

Нет больше дилерских сетей и процентов по кредиту, и мой дом не заполняют незнакомые люди в малиновых пиджаках. Краснознаменная дивизия имени ММВБ. Они машут руками и кричат последние новости. Доллар опять изменил марке с японской иеной.

А мне все равно. Я сижу на другой стороне Земли и болтаю ногами. Я окунул ноги в Японское море, и соленый прибой делает из них маринованные огурцы.

Миноги и трепанги — эй, миноги и трепанги! я сварю вас на обед! — с визгом впиваются в песок. Я обманул вас, трусливые морские огурцы! Я съем вас живыми...

Я собираю ракушки. Истерический телефон больше не будит меня по утрам. Безжалостный голос, радостно кричащий: «Какой сегодня курс доллара? Это почему в пять утра у доллара нету курса? В Америке уже полдень».

В шесть опять звонок. «Эй, не ты у меня просил цистерну керосина. Зря, я на тебя очень рассчитывал. Только цистерны не было, я взял в молочных пакетах. Пока! Захочешь керосина — звони в любое время...»

И снова звонки. «Эй, ты где? Я разоряюсь с каждой минутой. Мой пудель заперся в сейфе и жрет доллары...»

А я на другом конце мира надеваю пахнущее хвоей кимоно. Я пью сладкое мутное сакэ, и у меня нет телефона.

Здесь на монетах изображен Конфуций. Я мог бы жить в Корее, по утрам собирать ракушки, а по вечерам — считать Конфуциев, глядящих на меня добрыми мудрыми глазами.

И мечтать, что когда-нибудь я разбогатею. Я надену пиджак и котелок. Куплю себе большого пса, откормлю его и съем. Собачье мясо в Корее недоступно трудовому народу.

И куплю дом, где красивые девушки будут танцевать передо мной, играя на дубовом барабане и корейской арфе с одной струной.

А я буду... Впрочем, о сакэ я уже говорил.

Я удачливый собиратель ракушек. Они разноцветные — красные, желтые, сиреневые. Как флаги неизвестных и очень экзотических государств. Я хожу между ними, собирая с себя таможенную пошлину.

На море спускается туман, и люди теряют головы. Ветер рвет туман, головы то исчезают, то появляются, и кажется, что люди подмигивают всей головой сразу.

Ветер, туман и покой...

Ну вас всех. Я нашел место, где хорошо. Я до ночи буду бегать под крупными восьмиугольными звездами.

Только надо пораньше лечь спать. Потому что утром нужно брать сети и идти собирать ракушки.

Деревенька с небоскребами

Сингапур, 1994

По пути в Австралию можно на два дня остановиться в Сингапуре.

В этом райском уголке можно прожить 36 часов без визы. За превышение срока по местным законам бьют палками.

Вообще, законы в Сингапуре суровые. За курение в лифте — штраф тысяча долларов. За еду в метро — штраф пятьсот долларов. За провоз наркотиков — смертная казнь.

Я не знаю, что полагается за переход улицы в неположенном месте. Когда я спрашивал, все делали большие глаза и говорили: «Пожалуйста, не переходите улицу в неположенном месте!»

При таких законах не удивляешься, что здание верховного суда в Сингапуре в пять раз больше здания парламента.

Перед напоминающим дачный туалет зданием парламента стоит памятник с изображением слона. На нем написано, что Великий Слон Король Сиам в первый раз выехал за границу в 1870 году. Он приехал в Сингапур и разочаровался в парламентаризме.

В переводе с местного «Сингапур» означает «город льва», поэтому ни одного льва здесь нет. Зато есть много магазинов.

Я иду по городу и глазею по сторонам. Магазины в Сингапуре собраны в многоэтажных домах, названных шоппинг-центрами. На первом этаже — магазины для женщин, которым вечно некогда. На средних этажах — магазины для серьезных людей. А на самом верхнем этаже — для детей, потому что дети способны затащить родителей на куда угодно.

Чтобы отдохнуть от напряженной капиталистической конкуренции, магазины в Сингапуре работают с 10-ти до 15-ти, кроме субботы и воскресенья.

На каждом углу — меняльные конторы. За американский доллар дают полтора сингапурских. «Инфляция...» — вздыхают сингапурцы.

По улицам катят рикши. Рикша — это китайский биндюжник, замученный белыми колонизаторами, поэтому он стоит в три раза дороже такси. Местные рикши обладают странным и мистическим менталитетом: куда бы ты ни ехал — это стоит 15 долларов. Поторговавшись, можно сбить до десяти — тоже независимо от расстояния.

Сингапур — это маленькое, но гордое государство. Представьте себе деревеньку, окруженную канавой, причем по ту сторону канавы — Малайзия.

А по нашу сторону канавы добрые английские колонизаторы построили сотню небоскребов и повесили табличку — «Сингапур». У сингапурцев нет истории, есть только небоскребы. Они от этого балдеют и ездят на экскурсии в Париж.

Улицы в Сингапуре очень запутанные. По городу ходишь, глядя по сторонам и разыскивая нужный небоскреб. Чтобы гражданам было проще, на каждом небоскребе сверху написано его имя. А чтобы граждане при этом не умничали, на некоторых из сторон оно написано по-китайски. Это очень развивает знание языков.

...Вот из-за Парадиз-центра выглянул Кроун Плаза. Значит тебе туда, и ты уже час идешь не в том направлении.

Я иду по Сингапуру. Мягкий морской бриз приносит свежесть и снижает температуру до плюс тридцати пяти градусов. Влажность 100%, поэтому не совсем понятно, с какой стороны от берега я нахожусь.

На улицах смешение языков и рас. Вокруг гуляют китайцы и малайцы. Малайцы отличаются от китайцев степенью узости глаз, но где пролегает граница, не знает никто.

И я это уже не узнаю. Я уезжаю в Австралию. Пограничник задумчиво ставит штамп в мой паспорт и печально вздыхает. За его спиной — какие-то палки. Наверное, те самые. На этот раз не пригодились.

Кенгуру и акулы

Австралия, 1994

Пузатый «Боинг» тяжело вырулил на старт. Стюардессы радостно лопочут по-английски. Всем раздают наушники для слушания музыки и маленькие пакетики, в которых...

черная наглазная накладдка на тесемочках, чтобы спать при свете;

пластмассовая расческа;

складная зубная щетка, в которую встроен маленький тюбик с пастой;

и даже — барабанная дробь и аплодисменты! — новые шерстяные носочки, чтобы вы могли снять туфли, не раздражая окружающих.

Самолет тряхнуло, и мы влетели в южное полушарие.

День-донг, наш полет проходит на высоте... День-донг, мы идем на посадку...

Первая австралийская радость ожидает вас прямо по прилете. Я учил по географии, что когда у нас зима, в Австралии лето, но никогда не думал, что когда у нас лето, в Австралии зима. И очутился в легкой курточке при плюс пяти градусах.

Потом к полудню потеплело до плюс двадцати пяти и я вообще перестал что-то понимать...

Хорошо! Июль, но на дворе зима. Но если зима, то почему все ходят в шортах. В чем они тогда ходят летом?!

Это даже удивительно, до чего Австралия похожа на Австралию. Кенгуру, коалы, утконосы, вомбаты. Смеющаяся птица кукабурра, о существовании которой советская зоология и не подозревала.

Кенгуру — это большая наглая белка. Она весело скачет по лужайке. Отожравшаяся кенгуру придуривается маленькой белочкой и кланчит еду. Если ей не дают орешков, она скалит большие острые зубы.

А воспетая в детских книжках коала оказалась маленькой свиньей. Она тихо сопит на тоненькой ветке, уткнувшись носом в ствол. Она дремлет и делает вид, что зовут не ее.

— Коала больная? — спросили дети у служителя.

— Нет, просто обнаглела, сволочь, — сказал служитель, подумав.

Он снял коалу за шиворот с ветки, и она тут же стала стрекотать и улыбаться детям.

Говорят, что двести лет назад Австралию заселяли английские каторжники и принесли туда свое отношение к жизни. Так вот за двести лет эти каторжники так и не научились хорошим манерам.

Веселые каторжники со своими малолетними преступниками гуляют по улицам и показывают на меня пальцами. А я все время норовлю попасть под машину. Потому что левостороннее движение.

Когда привыкаешь к движению, замечаешь, что солнце ходит по небу не в ту сторону — справа налево.

Хочется погасить свет и, надев смирительную рубашку, пойти искать доброго доктора.

В ста метрах от отеля пляж. Эти глупые австралийцы лезут в воду со своими досками для серфинга, надевая трусы до колен и теплую майку. Когда я залез в воду, я понял, почему. Зимой вода холодная, и австралийцы думают, что в майке теплее.

Впрочем, чего вы хотите от каторжников!..

Живя в средней полосе России, как-то трудно понять, что такое период штормов. Когда высота волн — полтора метра, купание бывает недолгим. Получаешь по морде от первой волны и, удовлетворенный, лезешь на берег.

Через каждые сто метров вдоль пляжа расставлены флажки. Красный означает, что рядом акулы. Желтый — что акулы нет, но скоро обещала. Зеленый — что спасательная служба акулу не заметила.

И вот ты целый день, как дурак, торчишь на пляже, получая по морде от волн и глядя на светофоры для акул.

Потому что больше делать нечего. За двести лет жизни в Австралии каторжники совершенно перевоспитались и теперь ложатся спать в семь вечера. К семи часам город вымирает, и ты тихо бродишь по улицам, глядя на миллиарды звезд. В Москве час дня, и тебе очень хочется завтракать.

В общем, пороком эта страна еще совершенно не охвачена!

В большом двухэтажном автобусе нас везут на экскурсию. Значит так. Западную половину Австралии занимают пустыни, в отличие от восточной половины Австралии, которую занимают полупустыни. Поэтому там есть место для нескольких городов.

Жители Австралии подразделяются на австралийцев и австралийских аборигенов. Первые угнетают вторых. Вторые бросают бумеранги, поэтому угнетают сами себя.

Пятьдесят лет назад Австралия воевала с Японией и героически отразила ее агрессию. С тех пор все надписи в Австралии продублированы по-японски и все отели забиты японцами.

Веселые японцы фотографируются у монумента победы над Японией и, по-моему, не догадываются, что не сумели захватить Австралию.

А я гуляю по этой безумной стране, попадая под машины и бормоча извинения на ломанном английском. И самое смешное, что мне это нравится.

И вот настал самый последний день. Сияющий двухэтажный автобус отвез меня в аэропорт.

Прекрасная девушка ставит штамп в мой паспорт.

— С вас двадцать пять долларов за выезд из страны.

Гениальный план созрел в моем мозгу, и все заботы растворились в лучезарной улыбке.

— У меня нет денег, — сказал я. — Я остаюсь в Австралии.

Постскриптум.

Я третий день в эмиграции. Работаю официантом.

Прощайте, друзья! У меня никогда не будет двадцати пяти долларов.

Зайчонок Чу

Моя бабушка была детской писательницей. Все мое детство прошло в бесконечных публичных чтениях. Школы и дворцы пионеров звали мою бабушку читать вслух детям. Она надевала роговые очки, засовывала в сумку пару книг с пионерами на обложках и отправлялась в люди. Я был обязан ее сопровождать. Я ведь тоже ребенок, неужели мне неинтересно!

Десятки умных мордочек сосредоточенно смотрели на бабушку. Она утомленным надломленным голосом обрушивала на них потоки слов.

«...Квартирант посмотрел на Дениску.

— Честный мальчик должен рассказать маме, кто разбил чашку!

— Я скажу, я решил всегда быть честным, дядя Владимир Ильич!

Постоялец мудро смотрел вдаль. И крупный белый снег засыпал Шушенское».

После аплодисментов кто-нибудь из детей обязательно просил:

— А прочтите вашу самую первую сказку!

Такой пионер всегда находился. Учителя и пионервожатые знали, как порадовать бабушку. По настоящему ей удалась только одна сказка «Зайчонок Чу». Написанная еще в детстве, до революции. Много лет назад эту ее сказку похвалил Лев Толстой. Об этой похвале знали все, от этой сказки было куда не деться. Она изменила всю жизнь бабушки и ее родственников. И мою тоже.

Году в 1910 семнадцатилетняя бабушка где-то в гостях поднесла свою первую книжку великому старцу. Толстой пролистал эти десять страничек, похвалил какую-то фразу об избушке и взял красный карандаш. Он начертил на обложке автограф и вернул книжку юной бабушке.

Она тихо вскрикнула в смешанных чувствах. Там было написано:

«Охуеть!

Левъ Толстой».

Бабушка сразу стала знаменитой. Только слава была какой-то неоднозначной, мутной. Знакомые шептались за ее спиной.

Родители категорически возражали — чтобы та самая книга в раме и под стеклом висела в комнате семнадцатилетней девушки. Бабушка ушла

из дому и увлеклась социал-демократами. Они защищали равноправие женщин и матерились через слово.

Сама бабушка стеснялась материться. Но все были уверены: при ней можно ругаться без стеснения. Уж если сам граф Толстой...

К 1917 году бабушка была замешана в двух покушениях на царя и воспитывала двух детей. У революционеров не было много времени на ухаживания. Молодые организмы требовали женщину. А бабушка — сразу видно — свой человек. При ней даже матерятся. Так чего там...

А она продолжала писать сказки. О счастливом будущем детей, о злом двуглавом орле и храбром кузнеце, который вызывает его на бой.

После революции ее сказки стали печатать. Передовые родители читали их своим детям. Не про елочку же читать, когда вокруг такая стройка социализма.

Бабушка поселилась в Москве, подружилась с Маршаком и Чуковским.

«Знаешь, если честно, — признавались ей будущие классики. — Ты написала только одну отличную сказку. Ну ты знаешь, какую...»

Бабушка знала. Она диктовала литсекретарю сотни страниц о Ленине и Сталине.

«...— Что это за человек был? Какой замечательный человек, — изумился Ленин.

— Его зовут Сталин. Он ваш верный ученик...»

А в ее гостиной под стеклом в рамке висела та самая книжка. Бабушка пила чай стоя и долго смотрела на нее.

Когда мама и тетя стали подрастать, рамку накрыли батистовой салфеткой с серпами и молотами по краям. Конечно же, дети знали, что там написано. Очень скоро об этом узнали все их одноклассники — когда бабушки не было дома, они поднимали салфетку.

О неприличной надписи провели учителя. Кто-то из детей, застигнутый за написанием неприличных слов на стене дома, привел аргументы в свое оправдание. Вот тетя писательница тоже не только о пионерах пишет...

Классная руководительница написала бабушке возмущенную записку о разращении детей. В ответ была прислана книга Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции».

Против Ленина учителям было нечего возразить, но другим детям настрого запретили ходить в гости к моей маме и тете.

— Это мещанство, — возмущалась бабушка на родительских собраниях. — Я в партии с 1912 года, мне Луначарский плечи целовал...

Я видел дореволюционные фото бабушки и вполне понимаю Луначарского.

Моя мама и тетя с детства с детства невзлюбили мещан. В институте, приглашая домой однокурсников, они снимали батистовую салфетку. Глупо же, в самом деле. Вот в шкафу собрание сочинений Толстого. Никто не закрывает эти девяносто томов салфеткой.

И вот это тоже написал Лев Толстой, карандашом на обложке.

В конце концов, Ахматова тоже ругалась матом. На удивленные вопросы Лидии Чуковской она отвечала так: «Что вы, Лидочка, мы же филологи».

Однокурсники считали маму и тетю неоднозначными девушками. Активисты-общественники не ходили к ним в гости. Приятели, пытавшиеся перейти к физическому общению, получали пощечину.

Потом мама познакомилась с папой. В канун Нового года подвыпивший папа обматерил ее в очереди за шампанским. Он не разглядел, что внутри тулупа и ушанки — трепетное девичье тело. Папа долго извинялся. «Чего там, — сказала мама. — Я привыкла, что все матерятся».

Потом они пили шампанское на морозной улице, и мама рассказывала, почему она привыкла...

На Новый год папу пригласили в бабушкину квартиру. Стареющая писательница, твердокаменная коммунистка откинула кружевную салфетку, внимательно следя за его реакцией. Папа был так впечатлен, что через девять месяцев родился я.

* * *

— Прочтите вашу первую сказку! — просил пионер с честными до прозрачности глазами.

И бросал взгляд на учителей. Учителя едва заметно кивали.

— Когда-то, еще в гимназии, я написала историю про зайчонка Чу, — говорила бабушка. — Ее похвалил Лев Толстой.

Она открывала свою лучшую сказку.

«В большом лесу жил зайчонок. Он был очень чутким. Едва про шумит в ветках – тревожно поводит ушками. Вот так: чу! Его так и прозвали — зайчонок Чу...»

Зайчонок преодолевал трудности. Детские трудности. Что знала о мире гимназистка-бабушка в семнадцать лет.

«...Это твоя избушка? — спросил большой медведь. Моя! — храбро ответил зайчонок и сжал кулачки...»

Голос бабушки теплый, дети замирали. И в такие моменты я готов был простить графа Толстого.

Хомка

Еще на Петра и Павла Хомке стукнуло девяносто. Он сидел на дороге, на краю свекольного поля, поросшего замерзшей травой, и смотрел вперед. Было раннее утро.

Хомка вытащил из земли свеклу и, обтрусив ее от земли, начал есть. На душе было спокойно и уютно. Хомкина правая рука гладила старого кота Мефодия, и тот довольно постанывал, вытянув худую шею.

Хомке хотелось подумать о чем-то, только он не знал, о чем.

Хомка и кот помнили, как по дороге в блестящем тарантасе катался пан Браницкий. У него был черный сюртук и большое ружье, а по правую руку всегда сидел господин Фальцфейн, который называл Хомку Томасом, а иногда величал Неотомизмом... Хомка любил длинные, тягучие слова. Давным-давно от проезжего человека услышал Хомка слово «асимптота». Ночами, когда душа просилась выть на Луну, он часто повторял его и плакал...

Что-то заурчало. Вдали по дороге ползет мокрая и грязная машина. Люди... Хомка не испугался и не обрадовался.

Машина остановилась, бросив в Хомку комьями земли, потом из нее вылезли люди и обступили Хомку со всех сторон.

— Эй, мужик! — позвал один из них.

«Мужик, — обиделся Хомка. — Тоже, барин нашелся». Он хотел рассказать им про пана Браницкого, но они не стали слушать.

— Мы на три недели, вас к нам бригадиром поставили!

Бригадиром?.. Так звали старого барина, в бакенбардах и золотом мундире. Потом ему повесили голубую ленту со звездой и сделали генералом. Хомка представил себя в мундире и с лентой, и ему стало весело. Он дернул Мефодия за хвост. Кот заорал.

Люди обступили Хомку со всех сторон и стали что-то кричать вразнойбой. Кажется, они хотели работать. За долгую Хомкину жизнь мимо него прошло много людей. А эти вот хотели работать.

«Помирать пора», — решил Хомка. Он лег на бок, свернулся калачиком и помер.

Январская ночь, или Комната на четверых *Драматические сцены, по счастью, всего в одном действии*

Действующие лица:

Сергей, Таня, Первый, Второй, Студсоветчик, Метелкин

Ты бурлишь как река,
странное название,
где пустые слова
льются как вода.

Ах, Физтех, мой Физтех,
ты мое призвание,
ты и радость моя,
и моя беда.

Сколько было у нас
встреч и расставания,
сколько пролито здесь
пота и чернил.

Ах, Физтех, мой Физтех,
если ты призвание,
почему же призыв
нас разъединил.

Архимеда закон
выучу по-гречески,
но в зачетку опять
загляну скорбя...

Ах, Физтех, мой Физтех,
ты мое отчество.
Никогда до конца
не пройти тебя.

*На сцене много стульев, на четырех из них — подушки без наволочек.
1 и 2 беседуют.*

- 1.— ...А я говорю — только Учредительное собрание. Завтра же Учредительное собрание! Заводы рабочим, земля крестьянам, все остальное — нам. Кто против демократии — расстрел на месте.
- 2.— Понимаете, коллега, ваша концепция...
- 1.— Наша партия анархистов-максималистов отвергает компромиссы. Поставьте будильник на девять утра: сегодня рано — послезавтра поздно!

Входят Таня и Сергей.

- Т.— Это твоя комната?
- С.— Моя, на одну четверть. Иногда — на одну восьмую... Нет, глупо ходить в тридцатиградусный мороз в пиджаке. Но без пиджака еще холоднее...
Познакомься, это мужики.
- 1+2.— Мужики. *(Вежливо кивают головами.)*
- Т.— Вы здесь живете одной большой семьей.
- С.— Нет, четырьмя большими семьями... Погоди минутку, я сейчас приду. *(Убегает.)*
- 2.— Садитесь, Таня.
- Т.— Откуда вы знаете, что я Таня?
- 2.— Мы знаем Серегин вкус.
- 1.— У него плохая память, боится перепутать. Вот ты — Таня Четырнадцатая.
- Т.— Да? А кто была Таня Тринадцатая?
- 1.— А, это была большая любовь, их отношения зашли так далеко, что он познакомил ее со всеми своими женщинами...
2. *(нарочито громко)*— Вы что больше любите, чай или кофе?
- Т.— А что у вас есть?
- 2.— Нет ни того ни другого, это я так, интересуюсь. И вообще мы скоро уйдем.
- Т.— Вы уходите? А по телевизору «Евгений Онегин».
- 2.— Ну, по-видимому, не судьба.
- 1.— Ты расскажешь, чем там все кончилось.
- 2.— Да все равно ведь телевизор не работает.
- Т.— Зачем же он вам?
- 2.— Ну как... заходишь в комнату — а там телевизор...
В комнату вваливается студсоветчик с блокнотом.
- Ст.— Мальчики! Почему в вас так накурено? У вас девочки были? Говорят, капля никотина убивает лошадь.
- 1.— Где ты видел курящих лошадей?
- 2.— Они все вымерли.

- Ст.— Так. В комнате сидят три человека разного пола и разговаривают. Так и запишем. (*Убегает.*)
1. (*встает, демонстративно*)— Партия анархистов-максималистов не признает студсовета! Партии анархистов-максималистов всё по фигу! (*Садится.*)
- Т.— Партия анархистов-максималистов? Никогда о такой не слышала.
- 1.— За нами будущее. Мы партия анархистов-максималистов имени двухсотлетия своего прихода к власти.
- Т.— И много вас в партии?
- 1.— Я один. Поэтому у нас единство. Хотя иногда приходится бороться с правым уклоном. Это он (*кивает на 2*), он кандидат.
- Т.— А как вы проводите собрания?..
- Входит Сергей с чайником и пакетом в руках.*
- С.— Ну все! Есть чай и сколько хочешь сухарей. Конечно, если ты хочешь не больше двух... (*К 1.*) Коля, тут пришло письмо на твое имя. Только на другую фамилию. (*Дает письмо.*)
1. (*к Т.*)— Конспирация.
- Т. (*к 1.*)— И у вас есть устав и программа?
- 1.— Еще раз объясняю. Мы анархисты-максималисты. Нам все по фигу.
- Сергей расставляет на столе чайник и стаканы.*
- 2.— Надо помыть стаканы.
- 1.— Проводим партийное собрание. Есть два предложения. Я за то, чтобы не мыть стаканы, ты за то, чтобы мыть. Проходят оба предложения. Я не мою стаканы, ты моешь.
- 2 берет стаканы и идет к двери.*
- С.— А, вы уже познакомились. Это моя комната. Самая хулиганская комната в общежитии.
- Т.— А ты бы переехал.
- С.— Тогда там будет самая хулиганская комната в общежитии! Опять будут разбираться на студсовете.

Ночью замерло все, где придется,
только слышны удары и мат.
Это где-то бесшумно крадется
одинокий дежурный наряд.
То врывается в двери сердито,
то обратно вернется опять,
словно ищет в потемках бандитов
и не может никак отыскать.

Веет с поля ночная прохлада,
на востоке заря занялась.
Ты признайся, кого тебе надо,
и не делай загадочных глаз.

Может просто зачет ты, бедняга,
по поимке бандитов сдаешь?
Что ты ходишь всю ночь по общаге,
что ж ты девушкам спать не даешь?

2 возвращается.

- 1.— Дверь заперта. (к 1.) Дай ключ!
- 1.— Мой у Метелкина. Он умеет закрывать только моим ключом.
- 2.(к С.)— А где твой?
- С.— У Метелкина! Он умеет открывать только моим ключом!
- 2.— Мы что, заперты?
- С.— Нет притворяемся.
- Т.— А кто такой Метелкин?
- С.— Это такое маленькое землетрясение.
- 1.— Главный внутренний врах!
- С.— Это землетрясение сейчас учится в читалке и придет ночью.
- Т.— А как же я ?
- С.— Да ты не бойся, не пропадешь.
- 1.— Относись к делу философски. Вот мы, странствующие философы...
- Т.— Кто?
- 1.— Странствующие философы. Мы гуляем и философствуем.
- Т.— Тогда вы — гулящие философы.
- 2.— Нет-нет. Гулящие бывают только девки.
- Т.— Ну тогда — ходячие.
- 2.— Ходячие бывают анекдоты. Философы бывают странствующие.
- Т.(к 1.)— И что, вы — философ.
- 1.— Да. В нашем городе моя фамилия каждому известна.
- Т.— А как ваша фамилия?
- 1.— Горбачев. Николай Горбачев. Я даже немного знаком с Хулио Кортасаром.
- Т.— Как это — немного?
- 1.— Я с ним знаком, он со мной нет.
- Т.— И как вы философствуете?
- 1.— Чтобы сделать открытие, надо взять большую идею — и отбросить все лишнее. Поэтому все открытия я делаю в бане. Хочешь стать философом нашей школы?

- Т.— Да нет, спасибо... Сережка, ты тоже философ?
- С.— Нет, я хорошо учусь.
- 1.— Он физик. Покажи свой прибор!
- С.— Да ладно!..
- 1.— Ты покажи!.. Он сам сделал!
- С.*(достает прибор)*— Вот. Это амперметр.
- Т.— Да, спасибо... А... а почему стрелки не видно?
- С.— Это амперметр переменного тока. Стрелка колеблется с частотой 50 Герц.
- 2.— Нам в институт вольтметр привезли. Импортный. Австро-Венгерская империя.
- Т.— Вы тоже физик?
- 1.— Он теоретик. Он открыл число одиннадцать!
- Т.*(рассеянно)*— А вольтметр я однажды видела, мне папа показывал.
- 2.— А кто у вас папа?
- Т.— На заводе работает. Директором.
- 2.— А мама?
- Т.— По хозяйству управляется. Зампредседателя Госплана.
- С. закашлялся.*
- С.— Ну пейте чай, живодеры! *(Разливает чай.)* Если к вам неожиданно пришли гости — сме-шайте варенье с горчицей и сметаной. И они больше не придут к вам неожиданно. *(К Т.)* Хочешь сухарей?
- Т.— Нет, мне нужно уменьшить свой вес.
- 1.— Отрежь от себя несколько кусочков.
- Т.*(к 2.)*— И что нового у вас в теории?
- 2.— Нашли древнеиндийский манускрипт. О магическом числе «ом», лежащем между 44 и 45.
- Т.*(к 2.)*— Да?!
- 2.— Не знаю. Я в первом классе проболел II четверть, теперь не умею считать от сорока до семидесяти.
- 1.— А я недавно участвовал в олимпиаде по физике.
- С.— Да? И кто занял ПРЕДпоследнее место?
- 2.— А я баночку нашел!
- Достает из стола банку с чем-то.*
- 1.— Давай сюда! *(Забирает.)* Гран мерси!
- Т.— Он что, полиглот?
- С.— Нет, он проглот... *(К 1 и 2.)* Это для вас!
- 1.— Что там?
- С.— Крысинный яд.

1 ставит банку на стол.

- Т.— Какие у вас странные отношения.
- 2.— Да нет, почему... У нас в группе каждый рад меня видеть. Я им стипендию разношу. Я иду, и каждый кричит: «Ко мне! Сюда!...»
- Т.— А сколько человек учится у вас в группе?
- 2.— Один. Метелкин. Поэтому он такой сдвинутый. Зато он знает, что такое группойд. Хотя я не видел, чтобы это ему помогло.
- 1.(*набирает в ложку крысиный яд, нюхает, потом ест*)— Мы недавно в лаборатории транзисторный усилитель сделали. 50 копеек на входе — семь рублей на выходе... М-м, удивительно вкусный крысиный яд сегодня. (*Быстро все доедает.*)
- 2.— Что это было?
- 1.— Клубничное.
- 2.— Я так и думал.
- Стук в дверь. Из-за двери кричит Студсоветчик.*
- Ст.— Эй!
- С.— Дураки приходят и уходят. Но приходят больше.
- Ст.— Эй! У вас девушка в комнате?
- С.— У нас!
- 1.— У нас!
- 2.— У нас!
- Ст.— Вы что там, вчетвером?
- С.,1.и 2.(*нечаянно хором*)— Нет... вдвоем... (*Злятся, глядя друг на друга.*)
- Ст.— Это у вашей девушки документ на вахте?
- С.— Нет, у нее вообще нет документов!
- Ст.— Тогда все в порядке.

Темная ночь,
 только пули по десять за вист,
 только рок из колонок ревет,
 стаи женщин мелькают.

В темную ночь
 ты, любимая, знаю, не спишь.
 Я приду к тебе — или не я —
 Это завтра узнаем.

Верю в тебя,
 дорогую подругу мою.
 Только во сне
 Вижу я каждый раз все то же.
 Вижу я сон
 все о том же, как ты меня ждешь

и у детской кроватки не спишь...
Тьфу-тьфу-тьфу, не дай боже.

Нужно не раз
с неизвестностью встретиться мне.
Вот и сейчас
кто-то в танце со мной кружится.
Бдительны все
комсомолки в советской стране,
и, поэтому, знаю, со мной
ничего не случится.

- Ст.— Ладно. Но сидите тихо, а то я войду!
С.— Войди!
Ст.— А у меня ключа нет!
С.— Тогда не входи!
Ст.— Тогда я пойду!
С.— Тогда иди! (*К Т.*) Этот козел на меня заявление написал: «Прошу
выяснить личность студента Иванова, который ложится спать
в 23 часа и встает в семь часов по Вашингтонскому времени».
1.— Опять же, сидим мы с Серегой, играем в шахматы по три копейки
за вист. А я на картах гадаю, каким ферзем ходить. А тут входит
обход и заявляет, что мы играем в карты.
2.— Ничего, говорят, его посылают в провинцию.
1.— Куда?
2.— Не помню, куда-то в Техас.
С.— Да... приказ — ему на Запад, нам — в другую сторону!... Нет,
здесь свободно можно жить только при запертых дверях.
Т.— Так перестройка же!
С.— Ага, перестройка... «Должны ли советские студенты работать
в колхозах?» — «Нет, не должны». — «Должен ли студент
Иванов работать в колхозе?» — «Ну конечно должен!»...
Там, где мы картошку убирали, указатель висит: «Большевик —
10 километров».
1.— Ну тоже мне, демократия. На военных сборах идем мы и два
майора: один полковник, другой подполковник. Полковник
кричит: «Газы!» — а сам противогаз не надевает.
2.— Он в детстве свинкой болел, у него иммунитет к иприту.
С.— Нет, оборони нас бог от обороны, а от врага мы уж как-нибудь
оборонимся...

2 медленно выходит на авансцену, смотрит вперед.

1. (*погрустнев*)— Эх, всюду невезуха. У меня денег нет, и в бюджете «Общего рынка» дефицит...

С.— Развернешь движение за коммунистическое отношение к деньгам.

1.— Ничего, мужики сказали, завтра здесь все изменится. Они динамит нашли.

С. (*задумчиво*)— Земля российская богата нефтью, пушниной и дураками...

Такое поколение — все по колено.

Пауза.

2. (*мечтательно*)— За окном метель...

С.— Там тепло или холодно?

2.— Не знаю, термометр замерз... Эх, батареи центрального охлаждения...

Т.— Который час?

2.— Четыре часа. Или пять. Это зависит от того, сколько времени. (*Достает из стола будильник.*) На одних часах 4:36, на других 5:50. Итого 9:86.

1. (*оживившись*)— А! У нас есть будильник! (*Вырывает у 2 будильник.*) Партия анархистов-максималистов награждает вас именным будильником. Анархисты-максималисты, к борьбе за дело будьте готовы!

Т. (*четко*)— А ну — его — на фиг!

1 дает Т. будильник, пожимает руку и мужественно кивает головой.

С.— Пять утра, пора спать. (*Берет подушку.*)

Т.— А когда Метелкин придет?

С.— Как общий кризис капитализма — в любой момент... Ну, с добрым утром!

2.— С добрым утром!

Все сидят на стульях, с головой на подушке. С. — в обнимку с Т.

Ворочаются, постепенно затихая.

1.— Мне в июне кошмар снился: будто захожу я в Кремль — а там американский флаг и Рейган ходит... (*Мечтательно.*) Эх, пойти бы в геологи, найти месторождение — 20 тонн золота. Мне, как нашедшему, полагается четверть...

С.— Иди на фиг.

1. (*вздохнув*)— Мы всегда понимаем друг друга ну буквально с трех слов.

Пауза.

1. (*опять нагло*)— Но мы, партия анархистов-максималистов, настаиваем на немедленном созыве...

2.— А может завтра?

1.— Да мы... (*Опять грустно.*) Ну ладно, завтра...

Т.(с закрытыми глазами)— На чем он настаивает?

С.(тоже с закрытыми глазами)— Лучше всего — на коньяке...

*Уменьшается свет. Все спят. В комнату тихо, на цыпочках входит
Метелкин со стопкой книг. Он задевает Т.*

Т.— Ой, ты кто?.. (Поднимает голову.)

М.(выпускает книги из рук, они с грохотом падают)— Я?.. М-метелкин.

Т.(обрадовано)— Да?!

М.— Да... А что, непохож?..

Т.(оглядев его)— Да нет, очень похож... А дверь открыта?

М.— Я сейчас закрою!

Т.(громко)— Нет-нет, я люблю сквознячок!

Т.(трясет С. за плечо)— Эй, надо бежать на электричку!

С.(сонно, не открывая глаз)— Ага, побежали на электричку. Кто первый
прибежит, тому больше достанется... Спи покойно, шесть утра,
до последней электрички далеко. Спи, не ворочайся.

Т. кладет голову на подушку. Гаснет свет.

Звучат позывные «Маяка» и бой курантов, медленно затихая.

О вы, кто силою единой
студентов держите в руках,
чьи благородные седины
на бронзе выбиты в веках,
и не заносит ветер пыли
в ваш легендарный кабинет —
так неужели вы забыли,
что вы физтехи прошлых лет.

Возврата нету, жребий брошен.

Вот монумент — вы на коне.

Мир стал реальнее и проще,

и делится на «да» и «нет».

И в ночь на первое апреля

вы спите в ласке и в тепле.

Вы очень рано постарели,

друзья физтехи прошлых лет.

Не тянет в гомон общежитий
и в сонный гул ночной Москвы.

И песни, те, что вы сложили,

поют другие, но не вы.

Нам не вернуть тех, кем вы были,

назад возврата больше нет...

А все же жаль, что вы забыли,
что вы физтехи прошлых лет.

Август 1988

Рождественский романс

Религиозная пьеса

Действующие лица:

Мария, Иосиф, волхвы — 1,2,3, Малыш Иуда

Часть первая. Вифлеемская звезда

1.— Уважаемый Гаспар, проснитесь. Вы пророк и волхв, а спите как биндюжник. Вредно же спать двенадцать часов.

2. *(открывает глаза)*— Юлий Цезарь спал четыре часа в день. Приятно думать, что я равен трем Цезарям.

1.— Уважаемый Гаспар, вам не кажется?.. Что-то странное в природе...

2.— Вечером будет дождь. Температура от 13-ти до 17-ти, по области до 18-ти. В Александрии наводнение, в Риме снег, в Афинах нелетная погода, но кого это волнует в первом году нашей эры.

1.— Уважаемый Гаспар. Мы все волхвы и умеем предсказывать погоду — и не кичимся этим. Но в воздухе определено что-то странное, какое-то ненастье. Или землетрясение, или родился новый пророк...

3 начинает гневно жестикулировать.

2.— Да отвяжись ты!!

1.— Нет, вы подождите! Уважаемый Балтазар — лучший волхв и пророк в мире, и он не виноват, что он немой от рождения. Я слушаю тебя, милый.

3 начинает стучать ложкой о миску.

«На небе зажглась звезда, ЗПТ, родился бог, ЗПТ, короче, идёте Египет, целую, бог, ТЧК».

Все понятно! Бог родился и шлет об этом телеграмму!

Мимо пророков, олядываясь, проходит малыш хулиганского вида.

Мл.— Эй, я не здесь оставил свой ножик?

2. *(повелительно)*— Малыш! Ты потерял ножик!

Мл.— Да, воткнул в кого-то.

1.— Мальчик, где-то здесь родился младенец...

- Мл.— Вифлеемская, 9, квартира 4. Купи яблоко, а?!
- 1.— А где здесь Вифлеемская улица?
- Мл.— Купи яблоко — покажу!
- 2.— А почему яблоко?
- Мл.— Пять римских денариев. Или шесть греческих драхм.
- 2.— На тебе рубль, малыш!
- Мл.— А почему ваш третий молчит? Он что, немой?
- 1.— Нет, просто сильно заикается. Между буквами проходит лет десять.
3. А!
1. О!!
- 2.— Малыш, мы пророки, наше слово дороже денег. Тем более, что денег у нас нет. Мы научим тебя мудрости. Где ты взял яблоко?
- Мл.— Ну украд.
- 2.— Давай сюда яблоко, мальчик. Всегда будь честным и говори правду. Как тебя зовут?
- Мл.*(убегая)*— Иуда!
- 2.— Как есть хочется... Давай предскажем кому-нибудь будущее и заработаем деньги. Вот идет стражник. Как думаешь, он даст нам денег, если мы расскажем, что он завтра умрет?
- 1.— Сколько у тебя будет зубов, если ты это скажешь?
- 2.— Шесть-семь.
- 3 показывает четыре пальца.*
- 1.— Ты же все знаешь, а спрашиваешь.
- Они медленно идут по городу.*
- Мы бредем, всеми гонимые, питаюсь лишь апельсинами, бананами и манговым соком как последние бедняки...
- Мы ищем бога...
- Выходит Мария с младенцем Иисусом на руках.*
- М.— А-а-а... Этот младенец пачкает столько пеленок, как будто он один в трех лицах... Вы бродячие пророки?
- 1.— Здравствуйте, это Вифлеемская, 9?
- М.— Да.
- 1.— Квартира 4?
- М.— Ну да.
- 2.— Мы принесли вам радостную весть. У вас родился ребенок.
- М.— Что вы говорите! А я думаю кто это тут родился!
- 2.— Это не женщина, это богиня!
- Выходит Иосиф.*
- М.— А это мой Йосиф.
- 2.— Отец?

- М.— Отчим. Ну, вы знаете.
- 1.— Да!
- 2.— Да!
- И.— Когда мы жили в Житомире, мы выгоняли со двора таких попрошаек.
- 1.— Но мы ничего не просим!
- 2.— Толоко поесть, вина и кое-что из одежды.
- 1.— Мы принесли вам хорошие вести.
- 2.— Царь Ирод хочет убить вашего мальчика.
М. резко поворачивает голову. И. смотрит скептически.
- 1.— Мы принесли и плохие вести.
- И.— Я их себе уже представляю!
- 2.— У него это почти получится.
- М.— Это что значит «почти»!! Это ж ничего себе «почти»!!!
- 1.— Вам надо бежать в Египет.
- 2.— Это приказ.
- 1.— Да не в этом дело. Просто в Египте солнце и пальмы, апельсины и яблоки.
- И.— А откуда царь Ирод узнал про нашего мальчика?
- 2.— Так я ему сказал.
- М.— Шо?!!
- 1.— И теперь мы с вами побежим в Египет. В компании даже веселее.
- И.— Это же чушь! Пришли три оборванца и говорят невозможные вещи...
- 1.— Понимаете, пророки не лгут. Если они лгут, их за это побивают камнями.
- И.— Тогда почему в Палестине еще остались пророки?
- 1.— Потому что пророков в Палестине больше, чем камней.
- 2.— Вы так не стойте, нам надо идти в Египет!
- И.— Ерунда!
- 1.— В Египет! Где обелиски стройны как пальмы, а пальмы — как девушки.
- М.*(тихо)*— Иосиф...
- 1.— В Египет! Где поет ветер в серых песках, и годы тянутся как караваны.
- М.— Иосиф. Конечно, все это неправильно, и так делать не нужно, но я подумала... *(Громко, почти крича.)* Иосиф! Неужели мы проживем всю жизнь, так и не увидев Египта...

Рождественский романс

Часть вторая. Утро в пустыне

Краткое содержание первой части.

Рече отец сынови: о сыне и слове, о сияние славы моя! Аще промышляеши созданием Своим, подобает Ти облещися в тлимаго человека, подобает Ти по земле ходити, апостолы восприяти, пострадати и вс я совершити». И отвеца другий: «Буди, Отче, воля Твоя». Сице всяк веруяи в онь не постыдится, а не веруяи осужден будет и во веки погибнет.

Вот такая картина. Аминь.

Привал в пустыне. Пророки совещаются.

2.— Может, в карты сыграем?

3 достаает колоду карт, тасует, но не раздаает.

1.— Ну, что у нас здесь будет? Ты закажешь семь пик, я возьму две, он две. Короче, ты без одной.

2.— А я зайду с бубны!

1.— Не зайдешь.

2.— Почему?

1.— Ума не хватит.

1 и 3 синхронно щелкают 2 в лоб.

2.(*после паузы*)— Я чувствую какую-то внутреннюю пустоту.

1.— Да, мне тоже хочется есть.

2.— Мы идем по этой пустыне уже третий день, и здесь совершенно нечего есть!

1.— Уважаемый Гаспар, вы умный человек, вы пророк. Но вы меня удивляете. В пустыне же должно быть совершенно пусто, иначе это бардак, а не пустыня.

Входят Иосиф и Мария.

И.— И они называются пророки. У нас в Житомире таких называли «фраера ушастые».

М.— Он груб, но вы его простите, он простой плотник. Он учится, читает Ветхий завет. Это книжка папы Иисуса. Иосиф тоже хочет написать книгу. (*Ребенку.*) Ну не плачь, не плачь.

Вы знаете, я иногда думаю: почему именно я родила бога, достойна ли я? Может, нужно было провести конкурс.

2.— Я думаю, богу виднее.

М.(*задумчиво*)— Ему виднее. А мне рожать.

1.(*указывая на ребенка*)— Как вы его назвали?

М.— Васенькой.

1,2,3.— А?!

И.— А я хочу назвать его Иисусом. Мой отец был Иисусом и дед был Иисусом. Должно быть в этом ребенке хоть что-то от меня!

3 подходит к младенцу и гладит его.

3.(внезапно)— Только идиоты умирают от голода в ста шагах от еды!

1.— Ну да. Стоп, но ведь ты немой!

3.— Да, случилось чудо. Я прикоснулся к божественному младенцу — и произошло чудо. Только вы ходите через всю Галилею и Самарию, чтобы просто пялить глаза.

1.— Почему ты не сделал этого сразу?

3.— Мне не о чем с вами говорить. Так вот, за этими скалами хижина. В ней есть хлеб и вино.

И.(к 2)— Идем поищем еду. (к 1.) Ты остаешься с моей женой. Если что, ты пророк и знаешь, что будет.

Иосиф, 2 и 3 уходят.

М.(к 1)— Да. Интересная у вас работа. Побираться на улицах, ночевать под кустом, общаться с людьми...

Погуляйте со мной, пожалуйста. Вы такой духовно развитый.

А то у нас и поговорить не с кем.

1.— Вы тоже такая подсознательно готовая к чему-то загадочному...

У вас в роду адептов не было?..

М.(отмахивается)— Давайте поговорим об умном. Я вот думаю: почему солнце горячее, а вода холодная. И почему пар идет вверх, а вода падает вниз. Ну ничего, сынок вырастет — объяснит. И вы представляете, сколько мы узнаем! Скорей бы он рос!

1.— Берегите его! И тогда через много веков люди изобретут вальсы, полонезы и красное фалернское вино. И картину «Андромаха перед статуей Пасифая». И такие маленькие-маленькие бутербродики с икоркой...

Возвращаются 2, 3 и И.

2.— Паровозы, дифференциальное исчисление и теорию глобальной нравственности материи...

И.— Нет, я, конечно, здесь человек случайный. Я не пророк и не святой, и мое мнение вас не интересует. Но мы уже третий день бежим в Египет. А я так и не понял, зачем.

М.— Так бог приказал.

И.— Боже мой, этому ребенку всего 10-й день, а он уже мной командует!

1.— Черт возьми, это же просто весело. Если мы убежим в Египет, то через двадцать веков люди будут купать балерин в шампанском...

- 2.— Хотите вина?
- 1.— Ох, завтра будет голова болеть. Я пророк, я знаю... За ребенка, господя! За будущее! За кордебалет с белым вином!
- 2.— За прогресс! За железобетон и асбестоцемент! За шпиндели, суппорты и паровозы!
- И.— Ну кто-нибудь меня спросит, на черта мне все это надо?!
У меня есть жена и мой бог, который всеведущ и всемогущ, и от этого плачет и хочет есть каждый день. Чем мне их тут кормить? Зачем я бегу в Египет?!
- 2.*(отчетливо, раздраженно)*— Ты бежишь в Египет, чтобы через тысячу лет твои потомки сказали нам спасибо...
- И.— Нет, а можно я скажу вам спасибо сегодня, и мы разойдемся?
- М.— Ну Йосиф!..
- 3.— Я объясню. *(Иосифу, резко.)* Нельзя!! Понял?!!
- И.*(обреченно)*— Так бы сразу и объяснили...*(Мрачно обходит всех с кружкой и чокается.)* За паровозы! За паровозы! За паровозы!..
- 3.*(мрачно)*— За будущее!
- 1.*(весело)*— За весь этот веселый идиотизм! За устрицы с изюмом!
- 2.*(восторженно, увлеченно)*— За то, что будет!! За то, что бога нет!!!
- М.*(сердито)*— Тише! Бог спит!..

Cats

Коты: Пусик, Градиент, Варфоломей, Анофема

На авансцену выходит дирижер во фраке. Стучит палочкой по микрофону. Поднимает палочку и начинает дирижировать.

Фонограмма — разнузданный кошачий концерт.

Дирижер управляет невидимыми котами. Через несколько минут мяуканье стихает.

Дирижер.— Жизнеутверждающий мюзикл из кошачей жизни.
Посвящается Эндрю Ллойд Уэбберу.

Уходит. Занавес поднимается.

На горе мусора сидят Г. и А. Г. хвастается, А. с усмешкой его слушает.

Г.— А я его задней! А он меня когтями за ухо! А я его клыками!..

Осторожно входит несчастный и ободранный П.

А.— Ой! Кто это?..

- П.— Я...
- А.*(немного кокетливо)*— Вы так странно на меня смотрите...
- П.— Извините, я три дня не ел.
- Г.— В нашем общежитии появился новый кот. Давай знакомиться.
Фыркает на П. и выставляет когти. Тот шарахается.
Они движутся по кругу, трогая друг друга лапой.
- Г.*(кивая головой)*— Градиент.
- А.— Апофема.
- П.*(разводит лапами)*— А я Пусик. Извините за тривиальность.
- Г.— Городской, что ли?
- П.— Был. Изгнан за любовь к знанию. Хотел узнать: а в той банке и правда сметана?..
- А.— Ну и как?
- П.— Многие знания умножают скорбь. Бит и изгнан. До сих пор, как вспомню — зубы сводит.
- Г.— Почему?
- П.— Это была не сметана, а алебастр.
- А.*(обреченно вздыхает)*— Дурак...
- П.*(не слыша ее)*— Дурак я, дурак... А какой хозяин был! Селедкой кормил, колбасой...
- Г.— Замолчи, ну!
- П.— А какая к нему девушка ходила! Волосы рыжие — во!
(Показывает.) Глаза черные — во! *(Показывает — на пол-лица.)*
- Г.— Дурашка, это черные очки!
- П.*(вздыхает)*— И попугай у него был. Какой умный, воспитанный...
А какой вкусный...
- А.— А он даже милый... Садись к нам, блохастик!
П. садится. Услышав последнее слово, Г. резко отодвигается.
Вваливается В., волоча что-то большое в простыне.
- В.*(выходит, выплевывая перья)*— Тьфу. Грачи прилетели...
Ну что, все собрались? Пираты ночей, акулы рыбьих хвостов. Я на банкет колбасы принес.
Разворачивает простыню — там свернутый в трубочку матрас.
А это что за факт с ушами?
- П.*(разводя руками и извиняясь)*— Пусик.
- В.— А я Варфоломей. Можно просто Вор.
Обнюхивают друг другу морду на расстоянии.
Все, коты. Мой хозяин купил квартиру на Тверской. Сегодня я устраиваю отходную. Сей-час прикачу валерьянку.
В. важно уходит.
- П.— Это кто?

- Г.— Варфоломей. Он здесь главный. Он нас колбасой кормит...
Сволочь...
У него хозяин есть.
- П.— А что его хозяин делает?
- В.— Его хозяин торгует.
- П.— Чем?
- В.— Всем. Что плохо лежит.
Чуть где что-то плохо лежит (*любовно поглаживает колбасу*) —
так он сразу же этим и торгует.
- П.— Но это же как это... плохо...
Входит В., волоча большую банку.
- В.— Это кто говорит?! Это чемпион мира по честности говорит?..
Мой старый хозяин тоже приучал меня к честности, личным
примером.
- П.— Как?
- В.— В тюрьме сидел.
Но я быстро от него ушел. К тому, у кого комната получше
и холодильник побольше.
- Г.— Сволочь. Хозяина бросил и хвастает.
Я тебя и раньше не любил, а теперь понял, почему. Ты сволочь!
При этом Г. продолжает уплетать колбасу.
- В.— Ты вот что... Колбаской моей не подавись...
Г. продолжает есть.
- Мы — коты. Нам где больше сметаны — там и родина.

С чего начинается родина?

С боязни глаза не открыть.

С красивой и ласковой девушки,
решившей тебя не топить.

А может она начинается
с знакомой скамьи у ворот,
где сосредоточенно тыкает
Сапог тебе в морду народ.

С чего начинается родина?

С весенней попевки скворца.

С березки, где, загнан собакою,
орешь, ожидая конца.

С веселых мальчишек с удавками,
селечочных тухлых хвостов...

С чего начинается родина,

и есть ли она у котов?..

А. (*облизывая лапы*) — Они — коты!.. Разве сейчас кот пошел... Вот у нас в деревеньке был кот! Красив как бог, умен как черт... В общем так себе, ни рыба ни мясо.

П. — У него, наверное, хозяин хороший был.

А. — Хозяин! Ненавижу это холуйство.

П. — Ты не хочешь иметь хозяина?

А. — Нет... Нет! Когда тебя кто-нибудь разок погладит ласковой рукой (*сладострастно потягивается*) — это хорошо. Но видеть его ежедневно, семь раз в неделю... И даже хуже — тридцать раз в месяц... Бр-р!

Вдруг мрачно задумывается.

Эх... Да! Жила я у бабки в деревне, сметану кастрюлями жрала.

Она меня нежно так, Муркой звала. Я сметану съем — а она говорит ласково: Эх ты, Мурло... Да...

А я думала, здесь в городе — золотые горы!..

В. — А что? Приходи ко мне — покажу!

А. — Похабник ты. А я гордая кошка. Меня один дохлой крысой соблазнял (*смотрит на Г.*) — я и то не пошла.

Г. вздыхает.

Г. — Хорошая крыса — это мертвая крыса.

Эх... Смотрю я на тебя и думаю: а чего я на тебя смотрю...

Влюбился, я в тебя, наверное...

Хочешь — что-нибудь героическое сделаю? Сосисок в буфете украду! Хочешь?

А. — Скучно тут с вами... Никакого разнообразия!..

(*Скучает. К П., грустно.*) Эй, блохастик, скажи, что-нибудь...

П. — Вы умная и красивая...

А. кивает головой.

Вы добрая...

А. скептически кивает головой.

(*Внезапно и страстно.*) Вы так призывно молчите...

А. обреченно вздыхает.

Вы... А давай встретимся завтра в интимной атмосфере — только ты и я!

А. (*зло*) — А давай в еще более интимной — только ты!

Встает.

Все! Ни минуты больше не останусь в этом вертепе. Я одинокая и очень гордая!..

Уходит.

П. — Ты ее правда любишь?

- Г.— И чем дальше, тем больше. В смысле, чем она дальше, тем больше люблю. Вблизи она трудно переносима.
- П.— Ты для нее правда готов даже... сосиску украсть...
- В.— В основе всякого подвига лежит март и избыток гормонов.
(Зевает.)
- Г.— Дурак ты все-таки...
- В.— А ты умный. И поэтому ешь мою колбасу.
- Г.— А ты хозяина бросил!
- П.— Да!
- Г.— Хозяина... Вот у меня был хозяин... Боевой капитан! Ордена — во! Медали — во!
- Показывает все в своем кошачьем масштабе, широко разводя руки.*
Я все за его бальком охотился. Он меня так и прозвал — Вероятный противник. В генштаб меня с собой брал.
- П.— Врешь!
- Г.— Не вру. Я у него секретный документ съел, так он меня в секретном портфеле носил.
- П.— И что он? И как...
- Г.— Понимаешь... по уставу капитан должен спастись последним... После майоров и полковников... И вот я — кот общего пользования.
- В.— И жрешь мою колбасу!
- Г.— Слушай, ты! Я одинокий и гордый кот!..
- В.— Где-то я это слышал...
- П.— И я тоже — одинокий и гордый! Мы вдвоем — одинокие и... Да!..
Г. и П. встают рядом, обняв друг друга за плечи.
- В.— А что? Даже трогательно... Жир с усов сотрите!
- Г.— Да тебя убить мало! А оставить в живых — много!..
Пошли, Пусик. Пошли от этого пошляка. Мы пойдем с гордо поднятыми хвостами.
- В.— Я себе воображаю это зрелище!
- Г.— Лучше быть голодным и отважным, чем сытым и большим...
- П.— Да?
- Г.*(пожимает плечами)*— Наверное...
Пошли, малыш! Я знаю, где дадут сосиски!..
Оба высоко поднимают головы, гордо мяукают и уходят.
- Голос за сценой *(нагло и пьяно)*— Варфоломей! Варфоломей, дрянь полосатая! Иди, я из тебя чучело сделаю!
- В.— О! Это меня! Любимый хозяин с утра продрал личико...
Мурр-мурр!..
Демонстративно ласково мурлычет, нежно улыбается и уходит.

*Снова фонограмма кошачьего концерта.
Выходят певцы с повязанными головами и репликами вроде
«Совершенно невозможно заснуть», «Разорались проклятые коты».*

Напиться в дупель, дочиста,
плевать на все потом.
Ужасно в марте хочется
стать мартовским котом.
 В зарю, с репьями в волосах
 чтоб приходиться домой.
 А кто-то б за ухом чесал:
 «Ах, глупый котик мой!»
В холодной лунной высоте
взобраться на карниз
и снова рухнуть в пустоте
упруго сверху вниз...
 Окно забито ватой,
 и лампа над столом.
 Читаю, сплю, печатаю
 и делаю диплом.

Август–сентябрь 1994

*Весной 1987 года перестройка сыграла с Физтехом злую шутку.
Половина первого курса попала в армию. Расставанию с друзьями на два
года был посвящен этот мюзикл. Непосредственно перед его написанием
немецкий летчик Матиас Руст приземлился на Красной площади, что
привело к отставке министра обороны СССР маршала Соколова.*

Армюзикл

*Текст — Александр Кондратьев; песни — Александр Кондратьев, Вадим
Вагапов, Александр Снижско и др.*

*Действующие лица:
Нехорошие люди: А, Б; студенты: 1, 2, 3, 4.*

0. Вступление

Один солдат на свете жил,
Красивый и отважный,
А то, что он студентом был,
Так это нам не важно.

Младенцев мало родилось
В конце шестидесятых,
И вот студентов всех пришлось
Забрать в военкоматы.

Солдат исполнит без затей
Все, что не приказали,
Но если нужно вам детей —
То так бы и сказали!..

1. Черный кот

Б.— А теперь выступает проректор по ускорению товарищ Де-два-икс-по-де-те-дваждын.

А.— Наш министр высшего образования, руководствуясь высшими соображениями, сказал: «Если ничего нельзя сделать со священной обязанностью — считайте ее почетным правом». Как известно нам, марксистам, все, что происходит, имеет две причины: плохие погодные условия и сложное международное положение. Ситуация в мире сложная, мы закончили мораторий, и на каждый их взрыв в Неваде можем ответить своим взрывом в Неваде.

Вы все знаете, ВУЗ у нас особый, программа сложная и, посоветовавшись с министерством обороны, мы решили увеличить срок обучения на Физтехе с шести до восьми лет.

Армия — это как академотпуск, только на два года. Режим дня, прогулки на свежем воздухе — в противогазе, и ник-какого матанализа! Как сказал академик военной академии товарищ Генерал-Майоров, нет ничего научнее хорошо вычищенных сапог.

Короче говоря, вручать повестки — так с музыкой!

Жил да был кое-кто кое-где,
Он всё знал разбирался везде.
Он сказал: враг мешает нам жить,
Пусть студентики будут служить.

Дескать страшно повезет,
Увеличится страны моей оплот...
Может, все наоборот...
Только рад ученый заграничный кот.

2. Соколы

- 3.— Нет, ну я не понял: как можно призывать студентов?
4.— Ты же видел, сколько на военной кафедре полковников. Надо же каждому дать по полку!
2.— Эх, столкнуть бы военную кафедру с английской — пусть едят друг друга.
1.— Да у нас и раньше была всеобщая воинская повинность. Провинился — в армию!
4.— Мужики, я книжку читал воениздата: «Физики дошутились». Там написано: «Самой образованной стране — самую образованную армию!».
2.— А, армия, армия... Ну бывает армия, а бывает землетрясение. Нужно переждать, а потом ликвидировать последствия.
4 (*читает газету*).— Мужики! Говорят, разоружаемся, министра обороны уволили.
2.— Слыхали? министра обороны сняли! Еще несколько таких самолетов, и министры кончатся.
1.— Я думаю, раньше у них самолеты кончатся, чем у нас маршалы.
3.— Министра обороны? Эх, лучше б министра оставили старого, а оборону сделали новую.

Главный штаб ПВО сутки совещался,
Да решенья, видать, приняли не те.
Один сокол у нас вдоволь налетался,
И за это другой сокол полетел.

А орлов в ПВО — словно кур на птичнике,
Но никак не могу я найти ответ
Кто же там загулял на День пограничника,
Раз охраны границ у нас вовсе нет.

А на руках наличные,
гуляйте, пограничные.

Устарели видать, в чем то наши методы,
Раз им наши орлы стали не страшны,
Раз в стране ПВО на сегодня нет у нас,
Завтра может быть, что нет у нас страны.

Совещанье в Москве провели высокое,
 Не обходим теперь острых мы углов.
 Раз без дела летят в небе наши соколы —
 Полетело у нас много соколов.
 Раз без дела летят в небе наши соколы —
 Так лети же, лети, маршал Соколов!
 А на руках наличные,
 гуляйте, пограничные.
 Важней для службы дела нет,
 чем экономия ракет.

3. Мне звезда...

Выходят два военкома.

- Б.— Министерство, пере-стройсь!
 А.— Для вас, у кого плохой аппетит, для вас, кого мучают сомнения —
 Б.— Рекламный проспект:
 А. и Б.— СОВЕТСКАЯ АРМИЯ ПРИГЛАШАЕТ!
 А.— Только у нас — комфортабельные казармы на любой точке
 Советского Союза, спецодежда, спецобувь и питание за счет
 фирмы.
 Б.— Только у нас вас научат слушаться старших, выполнять указы
 отцов и дедов.
 А.— У нас вы можете стать генералом, а можете не стать! Но плох тот
 лейтенант, который не мечтает стать генерал-лейтенантом.
 Б.— Только у нас — не скажем чего, не скажем где, не скажем как, но
 в 3 раза больше, чем у противника.
 А.— И самая передовая трофейная авиатехника.
 Б.— Только у нас ответят на любые ваши вопросы.
 А.— У меня интеграл не перенормирован...
 Б.— Десять километров бегом марш! Еще есть вопросы?!
 А.— Фирма гарантирует исправную службу в течении двух лет.
 А. и Б.— ЗАХОДИТЕ В НАШ ВОЕНКОМАТ!

А.— Мне звезда упала на погоны,
 Я ее спросил: откуда ты?
 «Дайте мне призывников погоны,
 Я с такой летела высоты...»
 А потом добавила, сверкая,
 Словно колокольчик прозвенел:
 Б.— «Не смотрите, что невелика я,

Я умею делать много дел».
 А. Вам необходимо только вспомнить
 Реку, лес и девушек знакомых...
 «Я могу желание исполнить...
 Б.— Только не твое, а военкома.»
 А.— Но зачем же так, они же дети.
 Мы заменим им отца и мать.
 В армии согреем и приветим,
 Будем их любить и баловать.
 И прикажем нежно и лукаво
 По тревоге с раннего утра
 Б.— «Взвод! равняйся налево! вспышка справа!
 Лечь! Отжаться! Встать! Вперед! Ура!!»

4. Подводная лодка

- Б.— Долгопрудненскому военкомату перейти на самоуправление!
 Есть! *(Сам же исполняет команды.)* Кругом! Кругом!
 Поздравляю с переходом на самоуправление! Ура-а!
- А.— Мы будем перестраиваться. Все пишут заявления о приеме.
 Сначала примем здесь, потом утвердим в райвоенкомате.
- Б.— Следующий!
- 2.— Товарищ военком, рядовой Следующий по вашему приказанию
 прибыл!..
 Я Петя Суслик, студент первого курса МФТИ, кажется холост,
 родственников до 1917 года не имею, за границей не был и не
 буду, прошу принять меня в ряды Советской Армии, так как в
 военкомате меня назначили добровольцем.
 Если можно, пошлите разведчиком к вероятному противнику. В
 контакты с иностранцами обязуюсь не вступать.
 Устав изучил, обязуюсь выполнять. Служу своему старшине и
 Советскому Союзу.
 Дата. Подпись.
- А.— Вопросы будут?
- Б.— Права и обязанности солдата? Что такое демократический
 централизм, и кому он здесь нужен? Служили ли раньше в армии,
 если да, то в какой? Нуждаетесь ли в казарме?
- А.— Районный военкомат постановил: принять П. Суслика
 в Советскую Армию, за — пять, против — один, воздержалось —
 три. Направить за границу на не всплывающей подводной лодке.
- Б.— Пусть там лекции прогуливает.

А.— В случае отказа направить в учебный тир работать бегущей мишенью — единогласно.

А. и Б.— ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС СО ВСТУПЛЕНИЕМ В РЯДЫ
СОВЕТСКОЙ АРМИИ!

Светит ярко-красная звезда
На моей засаленной пилотке.
Где-то есть большие города,
Ну а я сижу в подводной лодке.
 Где-то дискотеки до утра,
 Девушки по улицам гуляют...
 А у меня торпедный аппарат
 Я им словно в тире забавляюсь.
 Одежда — потертый х/б,
 За пазухой ложка к обеду...
 Сижу я в железной трубе,
 Вбиваю взрыватель в торпеду.

Медленно спускается на дно
Крейсер с звездно-полосатым флагом —
Может быть снимается кино,
Может просто так оно и надо.
 Надо мною натовский буксир,
 Их радисты надрывают глотки
 А авианосец «Теннесси»
 Сделал я вчера подводной лодкой.
 А где-то в далекой стране
 На той стороне океана,
 За пультом — такой же студент,
 Не сдавший в колледже матана.

Очень надо отпуск мне добыть —
Две недели минус путь до дому.
Может мне кого-нибудь подбить,
А потом прийти к нему на помощь?
 Чувствую, что я не дослужу,
 Затоскую по своим знакомым,
 Я письмо в ракету положу,
 Ты лети, лети к родному дому.
 Долгона — мой город родной,
 А служба — расплата за смелость,
 А кнопки довольно одной,
 Чтоб больше о доме не пелось.

5. Проводы

Снова студенты в общежитии.

- 3 (входит).— Мужики, завтра в восемь утра все в военкомат. Первыми — женщины и дети! А сегодня — проводы!
- 2.— Так. Я пошел разбирать Новодачную!
- 1.— У вас заварка есть? Чаю, что ли, попить...
- 3.— Чаю!.. Последний вечер не можем по-человечески провести!
- 4.— Вещи собрать надо.
- 2.— Мужики, мне надо общежитие почистить. У вас бензин есть?
- 3.— Эх, разве это проводы!.. Вот раньше были проводы!

Возьмем по абрикосовой,
Добавим виноградного,
С вишневою и клюквенной
Мы посидим в тени.
Медовые, имбирные,
Дешевые, прохладные —
Как-будто в детство давнее
Зовут меня они!..

Горячий спирт
Мы пили с теплым молоком,
Хоть нам потом
И было очень нелегко.
Горячий спирт
Петля в горло протекал.
Никто из нас
Дороги легкой не искал!..

6. Гол-стоп

- 3.— Мы, студенты, — на переднем крае науки. И сейчас, когда наступает армия, наука жертвует своим передним краем.
- 2.— ...Я военкому говорю: «Я стихи пишу!». А он меня как Лермонтова — в Закавказский военный округ...
- 4.— Интеллигенция всегда страдала.
- 2.— А прапорщик говорит: «Кругом!» — а я ему: «Я к тебе через пять лет лейтенантом вернусь!..».
- 3.— У нас вчера последний урок английского языка был: «Хау ду ю ду», «Хендз ап» и «Уэар из Рейган?!».

- 2.— Он спрашивает: «Почему в комнате грязь?» — а я: «Вы в каком звании, корнет? Я требую сатисфакции...».
- 4.— Мужики, сейчас всюду демократия. Давайте будем выбирать себе майоров!.. И голосовать, выполнять их приказы или нет.
- 3.— Гулять так гулять!..

Разливают алкоголь из чайника. Пьют.

Ать-два, меня забрал военкомат
Ать-два, смотрите, я какой солдат —
Какой не снился Пентагону,
И войскам ООНа,
Посмотрите на погоны,
На мою прическу —
Дайте мне расческу —
Мне она нужна в последний раз.

Ать-два, ты отказал в отсрочке мне.

Ать-два, ты перестроился вполне.

Теперь придут на дискотеки,

В клубы на Физтехе

Мальчики из педа

И второго меда,

Будут наших девушек любить.

Гоп-стоп, но я вернусь еще, вернусь.

Гоп-стоп, и вот тогда повеселюсь.

Всю ночь веселый будет праздник —

Этот безобразник,

Дембель Петька Суслик,

Гадкий первокурсник —

Мне ль тогда бояться? —

В армию не выгонят меня!

Всю ночьку яркий будет праздник

Фейерверков разных.

Рыжая девчонка,

Музыка в колонках...

Мне ль тогда бояться? —

В армию не выгонишь меня!

7. Ваше благородие

- 1 (*после паузы*).— Поставь будильник. Завтра рано вставать.
4 (*после паузы*).— Мужики, как думаете, дождь будет? Мне взять с собой зонтик?..
3.— У нас студенты — на переднем крае науки.
1.— У нас студенты всегда крайние!

Ваше благородие, милый замдекана,
Горестно оплакивать нас, пожалуй, рано.
Перестань ты клясться, что любишь горячо.
Погоди, вернемся, наплачешься еще.
 Ваше благородие, госпожа наука,
 Нагадал военкомат нам с тобой разлуку.
 Подожди два года, такие вот дела.
 Ты и так, любимая, столько лет ждала.
Ваше благородие, главный ум страны.
Благородно вроде, чтоб были все равны.
Чтобы нам хозяйство наладить, говорят, —
Надо на единый нам перейти наряд.
Чтобы нам хозяйство наладить, говорят, —
Надо на зеленый нам перейти наряд.

Май-июнь 1987

Конференс Традчасти

Традиционная часть «Физтех-песни-96» Конференс

- К.— Эпиграф.
*Сегодня это существует лишь в книгах,
это лишь полузабытый сон.
Мир, унесенный ветром...*
Маргарет Митчел

Часть 1. Allegro

- Ч.— Мы — физтехи. Мы университетов не кончали.
К.— И разлегвшись по свету, мы иногда приходим сюда.
Ч.— Вспомнить этот город, где такие долгие пруды, и такие короткие ночи...
К.— И физики — люди которые искренне верят, что электроны знают закон Кулона и меряют расстояние между собой.
Ч.— Мы вспоминаем. Помните, Шура, вас на Физтех принимать не хотели.
К.— Да, у меня зрение 0,5. Буквы от «А» до «М» читаю, а от «Н» до «Я» не вижу.
Ч.— К нам поступали со всего Советского Союза. Вот молодой человек, вы откуда?
К.— Я? Из Сибири.
Ч.— И я из Сибири. Что-то я вас там не видел!..
К.— Помните, Шура, Долгопрудный тогда... Маленький грязный городишко. Не то, что сейчас — большой грязный городишко!
Ч.— Помните: корпуса, столовая, на ней объявления... Объявления Физтеха — это же поэма!
К.— Нашедший купюру в миллион рублей — выброси ее, это шутка.
Ч.— Тот, кто взял в умывальнике мои золотые часы! Имей совесть, зайди, обменяй на простые.
К.— Мужик, который стащил в столовой мой первый том Булгакова! Зайди за вторым в 6-402.

- Ч.— Мужик, потерявший студбилет 457/10! Зайди в издательство «Сельское хозяйство», попроси книгу «Справочник козла».
- К.— Желтые стены. Облупленные двери. Замызганная парта с надписью «Кто не верит в псевдоголдстоновские бозоны — нарисуй паровозик».
- Ч.— Эти длинные темные коридоры. Крики «Ау-у-у!..»
- К.— Ты чего...
- Ч.— Ничего. Измеряю скорость звука...
- К.— Физтех — это институт, в котором хотелось учиться. А еще больше хотелось не учиться.
- Ч.— Мы приходили сюда как в театр — после третьего звонка.
- К.— Седые академики с опаской косились на нас.
- Ч.— Министры и генералы уступали нам дорогу в коридоре, чтоб не стать до срока табличкой в кремлевской стене.
- К.— И среди всего этого величия мы жили своим нехитрым бытом — как табор цыган на Красной площади.
- Ч.— И каждый день решали нетривиальную задачу — возвращать невымытую сковородку стыдно, а вымытую — глупо.
- К.— А что много пили, так что ж... Наука — это святыня, к ней нельзя подойти, не причастившись.
- Ч.— Мы привыкли к этой жизни: когда на бумаге — проспект МФТИ, а на деле — Институтский переулок.
- К.— Когда с женой на двоих комната восемь метров...
- Ч.— Квадратных?
- К.— Кубических! И еще три товарища — а это как минимум еще шесть человек в комнате...
- Ч.— И всё это живёт на стипендию твоей жены.
- К.— А у тебя-то стипендия есть?
- Ч.— С 16-го по 20-е есть, а потом нет.
- К.— И все пристают с дурацкими проблемами.
- Ч.— Эй, одолжи червонец до коммунизма.
- К.— И так жаль, что «Капитал» Маркса написан не про тебя.
- Ч.— Мы жили в великой стране, рухнувшей от величия своих планов.
- К.— Мы. Бывшая будущая элита советской науки.
- Ч.— Сегодня Физтех — это флагман науки российской. Он стоит на приколе, и все с него прикалываются.
- К.— В России никогда нет денег на физику и демократию одновременно.

- Ч.— И только обидно: красные придут — грабят, белые придут — грабят. Когда же наконец физики придут?
- К.— Теперь студенты знают английский лучше преподавателей. Особенно оборот «Give me please».
- Ч.— И чтобы пообщаться с иностранцем, не нужно дежурить у американского посольства. Достаточно зайти к Феде из соседней комнаты.
- К.— И перефразируя Сталина, скажем: одним стало жить лучше, а другим — веселей. Ибо одно и другое несовместно — как теплый спирт с подсолнечным маслом.
- Ч.— Студенты — совсем как в Америке — вечерами продают Биг-Маки и моют машины.
- К.— Только в Америке студент моет свою машину.
- Ч.— Преподаватели волокут их по извилистым колдобинам науки.
- К.— А потом около тебя вдруг тормозит сверкающий кадиллак, и парень в черной тройке кричит «Спасибо! Спасибо, дорогой!»
- Ч.— Я писал вам диплом?
- К.— Нет, вы выгнали меня из института!..
- Ч.— Мир изменился. Я шесть лет учился в институте, теперь собираю компьютеры и знаю, что они состоят из атомов.
- К.— Что ж. Мы молодые. Нам нужно «щастье» — от слова «щас».
- Ч.— Не будем жалеть о прошлом. Это было просто прекрасное детство.
- К.— Мы смотрим картинки своего детства, повторяя: «Все нормально. Просто общество падает прослойкой вниз.»

О Физтехе

- Ч.— Студенты бывают разные. А некоторые еще хуже.
- К.— Молодой человек, расскажите нам, что вы думаете о Физтехе.
- Ч.— Я пришел в институт, чтобы помочь советской науке.
- К.— А зачем вы ушли из института?
- Ч.— Да затем же!
- К.— Но говорят, что по ночам в аудиториях, где не ступала нога человека, сидят живые отличники.
Они учатся, они даже приносят пользу государству. Только никто не знает, какому.
- Ч.— И те из них, кто еще жив, поют свой гимн.

Гимн положительных студентов

- Ч.— Если плохо учиться — будешь плохим инженером на 100 долларов. Если хорошо учиться — будешь хорошим инженером на 110... Знаете, вот вам 10 долларов, и я пошел!
- К.— И студенты ищут себя. В барах, ресторанах, дискотеках. Меняя право на труд на второе право на отдых.
- Ч.— Это понятно. Ведь их главная задача — учиться, а главное всегда в последнюю очередь.
Но вдруг...
- К.— Декан. Есть в этом слове что-то дикое. Позовет, побеседует — сначала по душам, потом по шее.
- Ч.— «Вы что издеваетесь, вы не знаете закон Ньютона?»
- К.— А я говорю: «И что? Его сам Ньютон узнал только к концу жизни».
- Ч.— Косой взгляд. «И бросьте пить. Хорошие студенты на дороге не валяются. И вообще, ведите себя достойно. Вы же будущий солдат!»
- К.— Из узких дверей деканатов студенты шагают в большую жизнь. И все шагают, шагают в тесном строю своих единомышленников.
- Ч.— Из их натруженных глоток на всю Н-скую область льется гимн отрицательных студентов.
- К.— Все желающие могут встать.

Гимн отрицательных студентов

- К.— Но все же это крайности. Гораздо более распространен обычный студент.
- Ч.— То есть плохой студент, который хочет быть хорошим.
- К.— Который уже понял, что надо трудиться, но еще не понял, зачем.
- Ч.— Что ж, лучший отдых — это перемена вида работы. А лучшая работа — это перемена вида отдыха.
- К.— И все нормально. У вас есть проблемы? У нас нет проблем. Проблемы есть у физики и энергетики.
- Ч.— Гимн самого обычного студента. Наш гимн, товарищи!

Жил у нас один физтех

- К.— В 60 годах, студенты, выгнанные с Физтеха, могли выбирать между армией и МГУ.
- Ч.— Слаб человек. Не все выбирали армию.
- К.— Не перебегайте дорогу перед близко идущим начальником. Чего доброго, попадешь к замдекану. А чего же доброго в замдекане?
- Ч.— И вот на обрыве над пропастью высится мрачное здание МГУ имени Ломоносова.

- К.— Это известный каждому химику физик.
 Ч.— Который открыл закон Лавуазье.
 К.— Смотрите, они тоже называют себя студентами!
 Ч.— Вместо того, чтобы учиться, они ходят на лекции.
 К.— Вместо того, чтобы прогуливать химию, они ее вообще не изучают.
 Ч.— А до ближайшей электрички — пешком два часа.
 К.— Но даже в этой глуши вы будете грустить о лучшем в Долгопрудном физико-техническом институте.
 Ч.— Потому что, как поется в песне, — не МГУ, не МГУ, не МГУ и не хочу!

Изгнанник

- К.— Да, каждому первокурснику известно, что Физтех — лучший вуз в Долгопрудном. А значит и в мире.
 Ч.— Но с другой стороны, каждый первокурсник МГУ знает, что МГУ — лучший вуз в МГУ. А значит и в мире.
 К.— Таким образом, у нашей высшей школы два флага. Один впереди, другой сзади.
 Ч.— Ну что ж, если непонятно, где у корабля нос, а где корма, значит корабль стоит.
 К.— И пока наша высшая школа сидит на двух стульях, мы продолжаем свой извечный спор, кто же первый вуз страны. А кто единственный.

Не хочу сдавать экзамен

- К.— Знаете, если всех студентов России вытянуть в цепочку от Земли до Луны — то туда им и дорога.
 Ч.— Это же надо было придумать столько институтов! Педагогический, медицинский, этот, как его... МАТИ!
 К.— Но если вы хотите быть одновременно гордым буревестником, лучом света в темном царстве и незнайкой на Луне, вам место на Физтехе.
 Ч.— И вот мы — абитуриенты. Приемная комиссия с ее запрещенными приемами.
 К.— Первое знакомство с женщиной — комендантом общежития .
 Ч.— Студенты с голодными глазами, которые уже как-то догадались, что в рюкзачке — котлеты и варенье.
 К.— Первокурсники, что с них взять! У них еще все впереди. Расклады и доклады. Долгие пруды и пруд пруди долгов.
 Ч.— Вы знаете! Я видел такую девушку!

- К.— Да? А я видел такую задачу на принцип Гаусса!
Ч.— И слово «шеф» еще отдает шпионской романтикой, а не паленой резиной.
К.— Велика Россия, а поступать некуда.
Ч.— И мы поступаем на Физтех.

И не МАТИ

- К.— Плюнуть. Отмахнуться. Бросить все и бежать в луга, где белые коровы любят зеленые звезды.
Ч.— Так хочется относиться к жизни легко, по-ковбойски. Курить сигару, танцевать джигу и верить в приметы.
К.— Скажите, вы верите в переселение душ?
Ч.— Да, только вчера в мою комнату пять душ переселили.
К.— Велика страна Россия! Когда в Москве уже встает солнце, в Долгопрудном еще ложатся спать.
Ч.— И сбившись в тесную кучу, физтехи до утра мечтают о дальних странах и поют ковбойские песни.

Физтеховская ковбойская

- Ч.— Сегодня российский физик — как пророк. Его никогда не бывает в своем отечестве.
К.— И огорчает только одно. Хорошо там, где нас нет — и значит всюду в мире становится все хуже.
Ч.— А в семидесятые годы путешествия физтехов не простирались дальше Дубны и Протвино.
К.— Каждое утро толпы студентов ехали на базу. Ведь баз у Физтеха в два раза больше, чем у Пентагона.
Ч.— Что ж, когда у тебя общежитие на севере, базовый институт на юге, девушка на востоке, а все мысли на Западе — ты все время в дороге.
К.— Ведь как установил Эйнштейн, если быстро двигаться — время сокращается. А значит, чем быстрее бежишь, тем быстрее прибежишь.

Дорожная

- К.— Плохо быть ученым.
Ч.— Точнее, плохо быть российским ученым.
К.— Еще точнее: плохо быть российским ученым в России.
Ч.— А вот американским ученым быть хорошо. К твоим услугам передовая техника, компьютеры — и много российских ученых.

К.— А потом, вернувшись в родную Сибирь или Дальний Восток, российские ученые поют обидные песни об американских.

Теоретик Гарри Смит

К.— Каждый физик, который умеет вкручивать лампочку, считает себя экспериментатором. Остальные гордятся тем, что они теоретики.

Ч.— И только непонятно, почему все знают о физической силе, но никто не слышал о физическом уме.

К.— А если серьезно, то печально глядя вам в глаза, скажем: трудно быть ученым.

Ч.— Августовским утром у списков зачисленных, видя толпу радостную и толпу грустную, невольно сомневаешься: какие из них те, что поступили?

К.— В наших лабораториях каждому дано измерить заряд электрона. Но не дано, чем.

Ч.— А посмотришь на цены приборов — сразу скажешь: ювелирная работа!

К.— Но пусть у них в десять раз больше приборов, чем у нас. Зато каждый наш прибор в десять раз больше.

Ч.— Весело быть экспериментатором.

К.— Захожу я вчера в институт, а там первокурсник с усилителем работает. Там по цепи текут 8 ампер, из них 1 ампер через усилитель, а 7 ампер через первокурсника... Я говорю, слушай, что надо сделать, чтобы сжечь усилитель на 10 киловатт? Он говорит, как что? Подать на него 11.

Ч.— Как говорится в технике безопасности, длинные провода — лишние слезы.

К.— Гимн экспериментатора.

Экспериментатор

Часть 2. Andante

К.— Густые и пряные, приторно черные московские ночи. Ты лежишь под одеялом, слизывая иней с воспаленных губ. От окна к твоим ногам тихим котенком крадется холод.

Ч.— Тревожная ночь под шелест электричек. Тихие шаги и голоса.

К.— Я вернулся из Парижа, иду менять белье к кастелянше. А ведь задержись на день — и не успел бы.

Ч.— Я успел побывать в восьми странах — а они так и не включили горячую воду. Ничего, завтра поеду в Нью-Йорк — помоюсь.

К.— И истерический крик:

- Ч.— Ребята! наших бьют!..
- К.— Кто?
- Ч.— Наши...
- К.— А-а...
- Ч.— Здание погружается в спячку как гигантский медведь. Одинокие парочки догуливают по коридорам.
- К.— Девушка! Скажите уравнение Больцмана в самом общем виде!..»
- Ч.— В самом общем? Левая часть равна правой!
- К.— И надпись на стене: «Петя плюс Маша минус Оля, но плюс Надя помножить на Сергей равняется любовь»...
- Ч.— Иней. Промерзший кафель. Густой требовательный голос труб...
- К.— А потом тишина. И только на запасных путях с лязгом совокупаются паровозы.
- Ч.— И сосед бизнесмен, включив заиндеветый «Панасоник», идет умываться в конец коридора. Бизнесмен счастлив. Он подарил институту компьютер — и ему поставили «четверку» по зачету. Теперь он получит стипендию.
- К.— А из стен выширает красный кирпич. И в углу лежит снег. И от всего этого летит на стол бутылка коньяка и одинокий стакан уворачивается от дрожащих рук.
- Ч.— «Что ты заводишь песню военну флейте подобно, милый санирь?..» И пропасть забвения.
- К.— А годы идут, и распадаются страны, и кошелек все больше похож на бумажник...
- Ч.— А потом выпадает снег. И вдруг становится легче на душе. И кажется, не все еще потеряно.
- К.— Это просто ночь. Воздух пахнет снегом. И над тихим городом Д. простер крылья одинокий ангел.

Догорает старый вальс

- К.— Теорема. Если бы на земле не было женщин, на ней никого бы не было. Следовательно, все, живущие на земле, — женщины.
- Ч.— Эта мировая истина, как и все остальные, нарушается на Физтехе.
- К.— Здесь на 10 девчонок по статистике 150 ребят.
- Ч.— В анкетах в графе «пол» ставят прочерк.
- К.— А мужская половина человечества перестала быть сильной, но не стала от этого прекрасной.
- Ч.— Физтешка. Это странное порождение двадцатого столетия, когда женщина хочет не только химически завиваться, но и физически развиваться.

К.— Да, современные женщины поступают мужественно. Некоторые даже на Физтех.

Ч.— Где сочетание женской логики с физической интуицией приводит к непредсказуемым успехам нашей науки.

О группе нашей

К.— Да. Помните, Шура, весна, прогулки под Луной. Утром комендант заходит: «Мальчики, почему у вас накурено? У вас девочки были?»

Ч.— Любовь, женитьба — это бывает у каждого второго человека.

К.— Почему у каждого второго?

Ч.— Потому что у остальных — замужество.

К.— И хотя убийства традиционно называют мокрым делом, две сотни убийц не вышагивают по лужам столько, сколько один влюбленный.

Ч.— Ты ведешь ее под руку, грациозно проводя между луж и, соответственно, попадая в них сам.

К.— Боже, — скажет она потом, — у тебя мокрые ноги! Выпей чаю с коньяком.

Ч.— И поздней ночью лукавые звезды, отраженные в черной воде, опять напомнят, что лужи — лучший помощник любви.

Появились лужи и влюбленные

Ч.— В эпоху позднего Брежнева — она же раннего Горбачева — было на Физтехе женское общежитие.

К.— Представляете: целое общежитие — и одни девушки... И всюду мужики!

Ч.— Там находился наш клуб по интересам.

К.— В каждой второй комнате пьют чай, и в каждой четвертой — ужинают, и в каждой восьмой ждет та, которая на всю жизнь.

Ч.— Понимаете, Шура, девушка — как светофор: когда она краснеет — значит, дальше пока нельзя.

К.— Пришла весна. В сердцах играет вальс. И даже майор на военной кафедре вчера сбился на «Шагом марш! Раз, два, три...»

Долгопрудненский вальс

К.— Студент — это ребенок, который имеет право иметь ребенка.

Ч.— Весна проходит. И хорошо потренировавшись на девушках, нам приходится потом рассказывать сказки детям.

- К.— Спи, моя хорошая. В черной крепости на окраине живут три злых колдуна —Теорпол, Теормех и Вычстатматфиз. И каждому, кто к ним приходит, они задают три загадки. А потом все равно съедают — чтоб не умничал.
Спи, родная. По-моему, твоя мама ходит там поблизости.
Спи, дурочка. Раньше надо было плакать!..

Спи, моя хорошая

- К.— Верблюды может не есть 20 дней. А у студентов стипендия еще реже. К тому же верблюду не нужно отдавать долги.
Ч.— Но как приятно хоть иногда зайти в родную столовую.
К.— Каждое утро мы просыпаемся с радостной мыслью, что сейчас мы будем завтракать. Но потом вспоминаем, где мы будем завтракать, и тут же засыпаем снова.
Ч.— Ничего! Не делайте из еды культа, ведь культ надо отправлять ежедневно.
К.— Помните: мы живем не затем, чтобы есть.
Ч.— Мы едим не затем, чтобы жить.

Столовая Физтеха

- К.— Нам, нынешним, из компьютерного века, трудно понять, что еще несколько лет назад человеку могло не хватать такой простой вещи, как десять рублей.
Ч.— В эпоху дорыночной экономики, когда вашего соседа по комнате еще не волновало, где взять десять вагонов леса, деньги доставали более простым способом.
К.— Четыре человека садятся за карты, и у одного из них денег станет больше.
Ч.— Физтех играет. На стол пикируют пики, свистят пули: вист, вист!
К.— Физтех играет как Рихтер. Особенно на бубнах.
Ч.— А потом спросит мама: Петенька, сколько у тебя денег?
К.— Ах, мама, мизер!
Ч.— Если вам нужны деньги — играйте в преферанс. Деньги нужны не только вам.

Семь бубен

- К.— По ночам, когда черные громады корпусов стоят как фашистские айсберги, готовые раздавить маленький красный «Титаник»,
Ч.— Физтех глядит в окно и повторяет вечный гамлетовский вопрос:

- К.— To be или не to be... To have... или had been... O! I did have been does not know, совершенно does not know the lesson, — because I had had be has not been не хватило времени.
- Ч.— Английский. Самый бесполезный предмет конца 60-х. Самый нужный предмет конца 90-х.
- К.— О времена! О залого! О паст индефинит в трагическом континиусе, закрученный в тугую спираль перфекта...
- Ч.— И скрепя сердце, мы учим топики и пэттены, чтобы сказать при знакомой девушке что-нибудь по-английски.
- К.— А то еще поймет и обидится.
- Ч.— Мы учим английский. Do you speak English?
- К.— Yes. Но только с русскими.

Ты идешь со словарем под мышкой

- К.— Создавая свою империю, англичане не думали, что и через сто лет в северных иглу и южных кишлаках каждый школьник будет думать о них с гневом и осуждением.
- Ч.— Шевеля толстыми губами, шептали темные папуасы: «Как это по-английски — дух младшей жены моего второго завтрака?..»
- К.— В северных снегах ломали голову студенты: «Послушайте! Ведь если английский изучают, значит, это кому-нибудь нужно?»
- Ч.— С занятий мы уходим по-английски, не прощаясь.
- К.— Потому что проситься по-английски мы все равно не сумеем.
- Ч.— Мы учим английский. Long live the great, powerful, truthful and free Russian language!
- К.— И повторяем: Ах, англичанки, мы перед вами навсегда в долгу!

Мы английского не знаем

- Ч.— На младших курсах нам не дает спать романтика. На старших не дают спать романтики.
- К.— И это хорошо, что есть люди, для которых весенний не только семестр, а вход не только до 24-х.
- Ч.— Люди, для которых что ни вечер — то до утра.
- К.— К чему торопиться стареть? Это всегда успеется.
- Ч.— Будьте всегда романтиками. Помните: наши добрые дела не исчезают — они попадают в наши личные дела.

Романтики

Часть 3. *Adagio Militare*

- К.— Эпиграф.
«Они живут вместе в больших светлых домах и едят из алюминиевой посуды».
- Чернышевский. Четвертый сон Веры Павловны.**
- Ч.— Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Но плох тот студент, который мечтает стать солдатом.
- К.— Мы — на военных сборах. Привыкаем к новым названиям. Не дом, а казарма, не одежда, а обмундирование, не еда, а питание.
- Ч.— Кругом майоры. Офицеры в плащ-палатках, курсанты в плащ-пилотках. И этот — еще такой младший, а уже такой сержант...
- К.— Священный огонь в глазах. Губы потрескались от приказов. Петушиный гребень пилотки бьется о щеки при ходьбе.
- Ч.— Сборы. Вокруг лозунги и транспаранты.
- К.— «Больше хороших изделий».
- Ч.— «Тяжело в учении — легко в очаге поражения».
- К.— «Строевое дело — нехитрое».
- Ч.— «Начальник, помни: сегодня ты старший сержант, а завтра — такой же лейтенант, как и все».
- К.— Равнение налево! Все посмотрели на прапорщика. Вы через неделю уедете, а он так и останется прапорщиком.
- Ч.— Он прожил трудную, героическую жизнь — 25 лет рядом с материальными ценностями.
- К.— Сборы. Слова здесь бессильны. В них можно только верить.
- Ч.— Оказывается, если лечь в десять вечера, то встать в семь утра — это даже забавно.
- К.— Раздается «Батарея, подъем!» — и ты горящим истребителем падаешь с верхних нар,
- Ч.— Заставляя нижнего соседа осознать и прочувствовать подвиг Гастелло.
- К.— Единый шевелящийся организм, как охваченная любовным экстазом сороконожка, прыгает, надевая сапоги,
- Ч.— И вот бежит человеческая река строиться на гулком плацу.
- К.— Ибо, как сказала бессмертная Лайза Минелли, жизнь — это кабаре. А потому, кто выше задирает ноги, того быстрее накормят.
- Ч.— Туман и слякоть. В углу плаца теоретики спорят, что надо делать раньше: поднимать левую ногу или опускать правую.
- К.— «Но господа! Все время с левой ноги — это нарушение изотропии пространства».

- Ч.— «Ну а вы поднимайте правую руку».
- К.— Беседа продолжается всю ночь, за чисткой картошки. Оказывается, чтобы накормить картошкой 50 физтехов, ее должны чистить 100 физтехов.
- Ч.— Середина лета. Цикады в ночи. Споры.
- К.— А время поджигает, часы прессуются в мгновенья, — и скоро раздастся заветный и знакомый до боли крик: «Батарея-а, подъе-ом!...»

Батарея, подъем

- К.— Средняя полоса России. Курлыканье журавлей и погукивание тетеревов, и девки с такими толстыми косами, что неизвестно, есть ли на них сарафан.
- Ч.— Озера в рассветной дымке, поля некошенных одуванчиков...
- К.— Все это будет потом. А пока тебя будит крик старшины: «Подъем, сволочи! Уже семь часов, а ни одна скотина еще не защищает Родину!»
- Ч.— И давая отдых усталым ногам, в десятый раз надеваешь и снимаешь сапоги, дивясь мудреному слову «норматив»...
- К.— Задача. Из МФТИ вылетает студент А. В это же время из МГУ вылетает студент Б. Где они встретятся?
- Ч.— И летят, летят журавли над головами в зеленых пилотках...
- К.— Военная служба. Упокоение заблудших душ...
- Ч.— И через много лет в полуночном казино подвыпивший модельер прихвастнет директору банка: «А я рою окоп за полторы минуты»...
- К.— «Вы гений, — удивится директор банка. — А я как Феллини, за восемь с половиной».
- Ч.— Военная служба. Любимая игра детей и генералиссимусов.
- К.— Мы помним тебя. Под летними теплыми звездами, пронизав спиртом души, мы поем о тебе.

На Дальнем Востоке

- Ч.— А где-то на другом конце земли другой ракете снятся бородатые красные казаки в противогазах на босу ногу, раскачивающие небоскребы.
- К.— Она передергивает гироскопами и, повернувшись на другую ось, засыпает снова.
- Ч.— Империалисты хотят войны. Глупые, они не бывали на военной кафедре.

Над землей балалаечный звон

- К.— Но все это шутки. А если серьезно — оборони нас бог от обороны. А уж от врага мы как-нибудь оборонимся.
- Ч.— Наша армия!.. Как сказал один майор, право не служить в армии надо завоевать. Так что готовь сани летом к труду и обороне.
- К.— Носить погоны. И говорить «здравия желаю» тому, кому желаешь совсем другого...
- Ч.— Наша армия... «Товарищи! Сегодня патронов нет, но обещали, завтра дадут двойную порцию!»
- К.— И вечный кайф. Покой нам только снится...
- Ч.— И еще. Почему в нашей армии каждое утро кроссы? Их учат нападать или убегать?
- К.— Возвращаясь со сборов, студенты поют рычащие агрессивные песни.
- Ч.— О том, что ракеты у нас есть, и нацелены они куда надо.
- К.— Что наша ядерная физика приносит пользу человечеству — целыми мегатоннами.
- Ч.— Что Америка нам друг, а для друга не жалко самого дорогого, что у нас есть — ракет стратегического назначения.

Русская ракета

- Ч.— Да чего там! Есть призвание, нет призвания — все равно призовут.
- К.— И ты вдруг узнаешь, что напрасно называют Север крайним. Потому что крайний — это ты.
- Ч.— Что солдат должен хорошо шагать. Это элегантно, эстетично и вызывает здоровый смех у детей.
- К.— Эту простую истину нам приходилось постигать на своей шкуре, на своих сбитых ногах.
- Ч.— Ведь американцы давно поняли: чтобы лишить Россию армии, не нужно нейтронной бомбы. Надо всей армии выдать сапоги на размер меньше.
- К.— И проклиная их вражескую хитрость, мы маршируем в туманную даль, горлая бравые песни.

Нам вперед шагать не трудно

- К.— Какое отношение имеет к Физтеху следующая песня? Просто на сборах всегда вспоминается тихая семейная жизнь, простой мир, где только ты, она и пистолет.

Глухо лаяли собаки

- Ч.— Издавна на Физтехе существует такой жанр — конгломерат. Берутся нечетные строки одной хорошо известной песни и четные строки другой хорошо известной песни. И получается третья хорошо известная песня.

Конгломерат

Далее без перерыва и конферанса можно петь всё, что в голову взбредет уважаемым певцам.

«Пуговка» & Co., Ltd.

Часть 4. *Finale Apotheoso*

- К.— Мы уже никогда не будем физиками.
- Ч.— Извините.
- К.— Мы бежали кто куда, в бизнес и журналистику, в «Каберне Совиньон» и «суфле а круассан».
- Ч.— Когда мы умрем, наши портреты не будут смотреть со страниц «ЖЭТФа» мудро и печально.
- К.— Но в нас навсегда останется мечта об этом...
- Ч.— Лемма Гейне-Бореля...
- К.— Пустота космических пространств, где перемигивается индексами «же мютое нютое»...
- Ч.— И навсегда врезалось в память с первого курса: «Пептизация зелей из гелей происходит при воздействии пептизаторов»...
- К.— И пьянящая поэтика боя, когда ты встаешь, красивый как в кино: «А наша школа считает, что электрон неисчерпаем, как и запасы кадмия в Заполярье!»
- Ч.— Тридцать минут аплодисментов. Музыка, титры, и ты в главной роли.
- К.— А оказалось, нужно просто чинить паяльники. И что хуже всего, каждый день.
- Ч.— Физтех. Я мыслю, следовательно, я существую. Но почему же такое немислимое существование...
- К.— Надо закончить этот институт, чтобы понять, зачем ты в него поступал.
- Ч.— Ведь учеба на Физтехе — это как любовь. Увлекательный процесс с бессмысленными последствиями.
- К.— И стучит, бьется в голове теория относительности... Час — это долго, а жизнь — очень коротко!

- Ч.— И мы бежали, мы позорно дезертировали на жирные хлеба банков и бирж.
- К.— Оглянулись — а ему уже пятьдесят, и никого рядом.
- Ч.— А мы шлем ему открытки из своих Лиссабонов и Баден-Баденов, и на праздник помогаем материально.
- К.— Я занимался физикой, а потом подумал — надоели мне эти цифры. И ушел в банкиры.
- Ч.— Но все осталось тем же. Вот смотрите.
- К.— Как получить хорошую оценку...
- Ч.— ...кредит в банке.
- К.— Надо иметь отличную зачетку...
- Ч.— ...кредитную историю — и говорить громко и монотонно.
- К.— Наш план строительства аэропорта «Бутырки-3» сулит большие выгоды...
- Ч.— ...Во втором порядке малости, при t , стремящемся к бесконечности.
- К.— Это не шпаргалка, это разработка моих экспертов!
- Ч.— Синус квадрат курса доллара плюс рейтинг президента делить на логарифм возраста председателя Центробанка...
- К.— Не трогайте руками, это тензор!
- Ч.— Уже хватит? Распишитесь здесь.
- К.— И все! А вы говорите, Гарвард, курсы менеджмента...
- Ч.— Мы стали чуть старше. И в долг даем больше, но реже. А возвращаем чаще, но не всем.
- К.— Прости, Физтех. Мы крысы твоего корабля. Не всем же быть капитанами.
- Ч.— Мы помним тебя. Зимним утром я смотрю на себя в зеркало и думаю: какой я умный! Я знаю форму Шлёмильха-Роша!.. И успокоенный еду в банк.
- К.— И «Мускат де Льеж де Шампань» напоминает нам «фи де эpsilon по де икс». И так же наутро похмелье.
- Ч.— Спасибо, Физтех. Ты замечательный флагман, для которого просто не нашлось моря.
- К.— Мы пошли своей дорогой. И через много лет седой банкир будет запирается в кабинете, читать «Ландау-Лифшица» и плакать. И глядя на очередной миллион долларов, думать: это же десять Нобелевских премий!
- Ч.— И где-нибудь в Бомбее или Гонконге старики в малиновых пиджаках скажут:
- К.— Мы крысы этого гордого флагмана. И дай ему бог.

Гимн аэромеха

**Гимн физтеха
Дубинушка**

Как это было

Знаменосный мой флагман

Маленькая повесть о Физтехе 80-х

Все лица, события и организации, упомянутые в данном рассказе, являются полностью вымышленными. Всякое совпадение с реальными лицами, событиями и организациями является совершенно случайным.

Предупреждение из американских кинофильмов

Было лето 1980 года. Мама спросила меня:

— Ну что, ты будешь переводиться на этот Физтех? А то сколько разговоров было...

Мама была права. Два года после непоступления в МФТИ я красочно расписывал, как приеду туда после второго курса, и как они все поймут и прослезятся.

Что ж, подумал я, придется и правда переводиться, а то ведь засмеют. Хотя, конечно, ничего из этого не выйдет. В жизни так не бывает, чтобы вдруг раз — и что-то вышло.

Я опоздал на поезд, к тому же в Москву не пускали из-за Олимпиады. И не читать бы вам этого рассказа, но какая-то добрая кассирша пожалела унылого подростка и продала билет.

Через десять дней я отправил домой короткую телеграмму: «Почему-то получилось». Я и правда до сих пор не знаю, почему.

Было горячее олимпийское лето. По Москве бегали люди с факелами, собирая толпы возбужденного народа. На улицах продавали последний хит сезона — пепси-колу. Повсюду было фруктовое мороженное по семь копеек, и колбаса, моря, развалы колбасы в закрытой олимпийской Москве. Я впервые увидел столько колбасы сразу.

Бравые ребята с пронизательным взором и повязками дружинников озирали веселую праздничную толпу.

В общем, весело было, чего там.

Часть первая. Милые зубастые дети

1.

В июле я прочитал объявление: «Поселение в общежитие с 25 августа» — и с деревенской наивностью приехал 25-го. Конечно, никто никого еще не поселял. Просто коменданта так рано еще не бывает.

Я огорчился и стал представлять себе леденящие картины вокзальных ночей. Добрый вахтер пожалел меня, унылого, дал матрас и разрешил переночевать в комнате номер такой-то. Она не запиралась. То есть вообще.

Утром я надежно спрятал матрас в шкаф и ушел гулять по Москве. Вы, конечно уже догадались, что к вечеру матраса не было. «Ага, — подумал я. — Столица». И стал щелкать меньше.

Я купил матрас. Кто думает, что это было просто — умрите. В общем, откуда-то из Медведкова шел в Долгопрудный молодой человек с матрасом на плечах...

Числу к тридцатому мне нашли место. У таких же, как я, второкурсников. То есть не таких же, а настоящих, прожженных, уже год проучившихся на Физтехе и очень гордых этим обстоятельством.

Естественно, меня поселили на место одного мужика, которого отчислили. Еще более естественно, что этот мужик тоже жил в этой комнате. Но вот что совершенно, по-моему, неестественно — это то, что он проявил необычайную деликатность. То есть на полу спал он.

«Культура, — подумал я. — Щелкать не надо, но — культура».

2.

На Физтехе у меня были одношкольники. На том самом втором курсе, куда я поступил. Только за год они превратились из домашних зверьков в совершенно диких.

Когда маленькую, еще совсем плохо дрессированную обезьянку выпускают на волю, она быстро забывает дрессировку, но долго помнит кнут. И прыгает по веткам, стараясь оттянуться за все потерянные десять лет сразу.

О, второкурсники! В колхозе первого курса они перестали говорить о интересных задачках. Они стали гордиться тем, что ничего не делают — но все как-то само получается — да, наверное, это гениальность. Иногда для этого приходилось заниматься до утра.

Все вокруг не придерживались трезвости и говорили плохие слова. Я тоже этим заразился, чтобы не отличаться от коллектива. А то засмеют-с.

Мы каждый вечер собирались в комнате, и под какую-то чрезвычайно дурацкую музыку играли в преферанс, параллельно дегустируя «Кровавую Мери». Я в преферанс играть не умел, и по причине сирой убогости был назначен разливающим. Я бойко вливал в стаканчики томатный сок, — знаете, эдак по ножичку, не смешивая фракции. А в воздухе кружили непонятные, завораживающие слова:

— Семерную надо было объявить.

— А кто ж их знал, что они втемную.

— Вероятность марьяжа 25%...

Ах, магия свободной жизни!

Так я героически встал в физтеховский коллектив. Только вот курить так и не научился. Таланта, наверное, нет.

3.

И это незабываемое ощущение: когда открываешь свежую, чистую общую тетрадку, и пишешь на первой странице свою фамилию и номер группы...

Поучиться, впрочем, не удалось. Собрал нас добрый улыбчивый замдекан и сказал, что поля зовут. Что урожай стонет, и Родина в опасности.

Вот удивительное дело, не люблю я ездить в колхозы. То есть ездить-то люблю, там воздух и речки, и иная всякая природа притаилась в тумане за овражными далями; а вот работать — просто ненавижу. Меня убивает это дурацкое занятие — таскать из земли какую-то ерунду и складывать ее в мешок. Я не раз им предлагал: давайте купим это в магазине и в тот же мешок сложим. Почему-то никто не соглашался, неужели они любили работать?

Мы с одним Димой Осиповым сидели на грядке и придуривались. Нас озаряло осеннее солнце, девушки опережали нас по показателям, а начальник курса гневно смотрел в глаза.

Через два дня надоело работать всему курсу. Наша группа собралась на совещание в канаве и стала вспоминать способы заболеть. Значит так, если накапать йоду на хлеб и съесть... Но йоду нет. А если сжимать мышцы, когда подмышкой градусник...

Двое отличников бегали вокруг медпункта, чтобы нагнать пульс. Один комсомолец и передовик два часа гулял по улице в майке, чтобы простудиться.

Их оставляли в лагере. Безжалостные медсестры угнетали их всяческими процедурами. Коварные врачи целый день ходили

по палатам — и отправляли на работу тех, кто не желал честно болеть в постели.

Мне как-то было лень изощряться. Я тупо сидел на грядке и не работал. Нету у меня таланта к моркови.

Еще через два дня пошли дожди. Начальник курса медленно прошелся перед строем. «Значит так. Пить в лагере нельзя. Но я понимаю, дожди. Проверять не буду».

Умный мужик! Кажется, теперь он уже профессор.

4.

Но все в жизни минует, и колхоз миновал, как холодная ночь в нетопленном сарае.

Мы вернулись в родные общежития, и стали ходить на занятия, пряча тетрадки за пазуху от унылого дождя. Потянулись бесконечные семинары. Холодная осень, одна из последних осеней социализма, вступала в свои права.

А меня ждало повышение. За свою тупую усидчивость я был избран профоргом группы.

Суть данного ответственного поста сводилась к тому чтобы собирать взносы. Все глубже я потом вращался в сложную иерархию комсомола и профсоюза, — и все более поражался тому, что 90% деятельности этих организаций сводилась к собиранию взносов с разных категорий населения.

Итак, я собирал взносы. В сомнительных и безнадежных случаях — доплачивая от себя, чтобы не ухудшать показатели. Как любил говорить один из вождей институтского комсомола, «Не можешь организовать — работай сам. Но лучше организуй».

Мой богатый опыт собирания взносов — без наглости, а просто так: «Мужики, ну вы же понимаете, они же меня того...» — был замечен массами. И когда комсорг группы самоустранился от поста, предпочтя ему устройство личной жизни и пучины бытового разложения, на его место выбрали меня.

Вот, дескать, человек, который никого не заставит работать, а будет все тянуть сам. Да, да, и профоргом будешь тоже!

А я что, я тянул...

5.

Параллельно с нашей жизнью шли какие-то занятия, где-то читались лекции. Мы сдавали задания — я, к удивлению знакомых, все делал сам. А просто было интересно.

С неотвратимостью песочных часов надвигалась сессия. Знаете это ощущение: когда за рекой гремит гроза, клубятся тучи, и кажется — еще есть время. Но вот уже дохнул ветер, брызнуло где-то разбитое стекло, и вот уже...

На своем первом экзамене на Физтехе я получил четверку. Такую же первую. Дома-то всё пятерки получались. Я расплакался, и экзаменаторы смотрели на меня с доброй угрюмой жалостью. Вот, мол, приехало такое из своего Харькова, к пятеркам там привыкшее. Отличнички такие, провинциальные.

Я обиделся, и больше четверок не было. А сейчас я думаю: а чем они плохи, четверки?

И еще об одном. Стыд удерживает меня, но честность, моя проклятая честность, заставляет признаться. Так вот, жирным шрифтом:

ЗА ВСЕ ГОДЫ УЧЕБЫ НА ФИЗТЕХЕ Я НЕ СДАЛ НИ ОДНОГО ЭКЗАМЕНА БЕЗ ШПАРГАЛКИ.

Я писал шпаргалки на таких больших и честных листах, что никому не приходило в голову подозрение.

У меня просто плохая память. Извини, Родина!

6.

Нам было восемнадцать. Мы понемножку учились и дремали на собраниях. Вокруг нас был Физтех — огромный, полный завораживающей, бесконечно разнообразной жизни. Нужно было выжить, удержаться, стать частью этой жизни.

Впереди, в тумане Швеции, маячила Нобелевская премия. Было безумно интересно и ничего не понятно впереди.

Часть вторая. Веселый паноптикум

1.

К началу третьего курса я пришел комсоргом группы, профоргом группы и еще ответственным за какую-то чушь. В общем, культ личности в масштабе одной группы. Товарищи цитировали мне постановление ЦК о запрете совмещения высших постов, но менять не спешили. Пока лошадка тянет — пусть везет. Я в ответ улыбался и не требовал похвал, по ночам в постели тренируя скромную улыбку с Мавзолея.

От избытка гормонов я с еще несколькими столь же передовыми комсомольцами издавал скандальную газетенку, вывешивая ее на этаже в общежитии. Перед визитами важных лиц студсовет срывал газету,

потом ее вновь вешали. А я впервые ощутил на себе сладкую и запретную славу диссидента курсового масштаба.

Это оказалось так приятно — не бояться, и наглеть, и сметь. А все глядят на смельчака вот такими глазами. И пусть в душе считают идиотом, но это завтра, а сегодня — слава.

Когда мне предложили заняться подготовкой Посвящения первокурсников, я согласился сразу. Желание что-то сказать — это пришло потом, гораздо позже. Тогда было желание постоять на сцене. И чтобы все смотрели.

К тому же тяга к культуре у меня усиливалась день от дня. Зимой второго курса, подделав билет на «Физтех-песню», я попал на это роскошное зрелище и был совершенно очарован.

Вдобавок оказалось, что:

— те, кто готовит Посвящение, в колхозы не ездят, а готовят Посвящение (о своей любви и колхозам и коллективному труду вообще я уже написал в этой повести);

— это все еще и считается комсомольской работой.

Какие могут быть сомнения. Ура, будем двигать культуру!

2.

Шесть групп моего курса приходили ко мне. Я непонятно откуда взявшимся кислым взглядом мэтра оглядывал то, что они написали.

«Вода, братцы, вода, здесь надо подтянуть, — картинно печалился я, удобно откинувшись в кресле Ленинской комнаты. — Идей маловато. Ну что это за идея: группа на семинаре. Это уже было у Шекспира с Овидием».

Как ни странно, от моего руководства Посвящение не провалилось. Просто старшие умные люди помогли.

Старшие товарищи сделали основную работу, я наелся славы полное ведро, и мне это понравилось. Я захотел продолжения.

Но, что гораздо важнее, мне действительно понравилось стоять на этой деревянной сцене. Щуриться от этих желтых прожекторов. Говорить в эти свистящие микрофоны. И чтобы они смеялись.

Ради этого я был готов работать много, упорно, черново. Мы решили возродить театр миниатюр ФОПФа. Старшие товарищи обещали помочь. Спасибо вам, старшие товарищи! Извините, что через пару лет мы шли на изощренные хитрости и прямые грубости, чтобы расстаться с вами. Болезни роста, господа!

3.

А тем временем комсомольская жизнь института катилась по своим рельсам, надежно смазанным партией.

Комсорги групп исправно собирали взносы, передавая их в курсовые бюро. Те направляли эти горы мелочи в бюро факультета, «орги» факультетов относили их на 2-й этаж Главного корпуса, в кипящее чрево институтского комитета комсомола. Там очаровательные девушки из сектора учета оприходовали поступившие суммы...

«А велика ли твоя недоимка, Фрол Петров?» — «Велика, барыня. Но ей-же-ей, до Покрова принесу...»

И где-то вверху, в небесной выси, незримо для простых смертных, парил Первый секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Пастухов верхом на горах медяков. Из его распростертых рук проливалось на землю озаряющее сияние, указующее харизматический путь к блаженству.

4.

Но неужели, спросит придирчивый читатель, кроме взносов, в жизни комсомола Физтеха не было ничего интересного. Нет, господа, почему же.

В начале семестра каждый комсомолец заполнял «Личный комплексный план». Что-то вроде договора о ненападении между человеком с одной стороны — и Родиной, Партией и Комсомолом с другой.

Родина и Партия с Комсомолом обязались и дальше держать человека в институте, не отправляя его в армию. Человек стремился оправдать оказанное ему, дураку, доверие и затраченные на него, балбеса, деньги.

«Закончить сессию не более, чем с одной тройкой», — писал человек в разделе «Учеба». «Сходить в театр 16 раз», значилось в разделе «Культурное образование».

«Содержать комнату в общежитии в образцовом порядке...» «Прочитать Плиния в подлиннике и обсудить с товарищами...» «Не ездить в трамвае зайцем и убедить 69 школьников поступать на Физтех...»

Много чего обещалось Родине. Каждые полгода, ближе к концу семестра, Родина приступала к инвентаризации обещаний. Это называлось Ленинским зачетом.

В морозной, простуженной аудитории Главного корпуса собиралась устало галдящая после занятий группа. За стол президиума садилась высокая комиссия — в лице товарищей из курсового бюро и стороннего наблюдателя сверху.

«Ну что, Петров, — говорила комиссия. — Не выучил ты Плиния в подлиннике, обманул Родину и своих товарищей».

«Да разве их обманешь, — ныл Петров. — Черт меня попутал».

Как правило, отметка, получаемая человеком на Ленинском зачете, слабо зависела от его успехов и отражала, скорее, отношение товарищей. Если тихая, но влиятельная сила общественного мнения считала человека сволочью, его могли закопать независимо от успехов в учебе и общественной жизни. Провалить на зачете любимца публики было почти невозможно. Хотя бывали случаи, когда разгневанная комиссия переносила вопрос в высшие инстанции — ну так не надо было злить людей. Они в президиуме тоже устали. Не злите их — и все пройдет гладенько.

Они же, в президиуме, помнят: скоро перевыборы.

5.

В те дни каждый комсомольский деятель Физтеха шел по незримой нити, балансируя между популизмом и авторитаризмом.

Можно было заслужить дюжину грамот от райкома, понукая товарищей на субботниках, — но очень важно было не перегнуть палку. На следующем собрании разозленные однокурсники могли выступить и сказать:

— Кого в факультетский комитет? Да он и с курсом-то не умеет ужиться. Вы знаете, как-то раз...

Дальше говорилось нечто условное, дающее всем, кто не знает, понять: этот человек не даст нам покоя.

При грамотной работе, — включающей в себя предварительную агитацию среди младших курсов и приискание достойной замены, — успех заговора был почти предопределен.

6.

Нет, упаси господь, я не хочу клеветать на комсомол. При всех неизбежных недостатках (повесил на стенку израильский плакат с книжной выставки? — исключить, конечно!), комитет комсомола играл в жизни института сугубо положительную роль. Культура и досуг — от дискотек до Дней физика и приглашений в Концертный зал — полностью обеспечивались комсомолом. И стройотряды, где ковались кадры для будущих АОЗТ и коммерческих банков.

И даже обязательные слова про «лично товарища Леонида Ильича» наши комсомольские бонзы вставляли в речь не так часто, как по телевизору. И вставляли с какой-то хитринкой, будто существовал эдакий секретный заговор между умными людьми: нужно говорить такие-то слова, а что они значат, неважно. Не мы тот закон писали, так давайте исполнять его с виртуозной легкостью и минимальным ущербом для мозгов.

Мы строили коммунизм по-деловому, как точат заготовки на фрезерном заводе. Велено сделать то-то и то-то, а что это значит в мировом масштабе, — не наше дело. Собрание прошло, и слава богу, до следующей напасти.

7.

Уж так вышло, что круг моих знакомых на Физтехе отличался повышенной отчисляемостью.

Замечательный человек Дмитрий Александрович Кузьмичев, сидящий на должности «проректора по отчислению», с комсомолом советоваться любил. Любой приказ на отчисление неделю лежал в его папке без движения. И если комсомол, или академики с базы, или и те и другие желали походатайствовать — их выслушивали с неизменным вниманием, но без гарантии успеха.

К Кузьмичеву нужно было идти организованной толпой человек в пять. Ни в коем случае не целой группой («Вы что, пугать меня вздумали?!»). Но и не вдвоем («А комсомол курса почему не пришел? Они за отчисление?»)

Беседа с ним напоминала азартную игру, завораживающую в своей непредсказуемости. Вот у нас еще ходатайство от академика Елкина-Палкина. А у меня жалоба от комеданта. Да это он в первый раз. Но ведь сессию завалил. Зато какие успехи в общественной жизни...

Высота ставок рождала вдохновение.

Предмет разговора подпирал стены в коридоре. «Ну позовите его», — кивал Кузьмичев. И желал счастливо учиться на Физтехе. Иногда — сейчас, иногда — через два года.

Временами во время такого разговора раздавался загадочный телефонный звонок, и неуступчивый проректор внезапно мягчал. Это значило, что одновременно с нами о двоечнике радеют органы секретные, от взора людей скрытые, — и значит, о его судьбе на ближайшие сто лет можно не беспокоиться.

8.

Говорят, что Недели факультетов изобрел Кузьмичев.

Не знаю, правда ли это, но это была гениальная идея, на многие годы всколыхнувшая культурную жизнь Физтеха.

Чтобы пионеры по доброй воле начали таскать рельсы, надо устроить соревнование с соседним классом по сбору металлолома. Чтобы студенты не спали ночами, готовя встречу с ветераном или фотовыставку, — надо объявить соревнование с другими факультетами.

И видна удочка, а как не попасться на крючок!

Я вдруг обнаружил, что делать концерты гораздо интереснее, чем заниматься физикой. Такое странное, необычное чувство, когда что-то делаешь — и вдруг получается хорошо.

В детстве я очень хотел научиться летать. Разбегаешься на прямой асфальтовой дорожке, подпрыгиваешь — и не получается. А с концертами вдруг стало получаться.

Нас стали приглашать в другие институты и города. Мы стали наглеть. Первые отделы завели на нас толстые тома. Надо было быть хорошими учениками и активными комсомольцами во внеконцертное время, чтобы не дать им козырей. Но уж зато когда на сцене...

Или — когда в газете. Газеты тогда были отдушиной, через которую можно было выплеснуть накопившееся раздражение от того, что видишь вокруг.

Написанный и нарисованный номер факультетской стенгазеты принимал деканат и партбюро факультета.

А почему в углу нарисован бровастый суслик, что вы имели в виду?

А зачем здесь цифра 26? Намек на XXVI съезд? Замените на 27, а лучше вообще на какое-нибудь 93. До такого съезда ни вы ни мы не доживем.

Эти две статьи убрать, остальное можно.

Принимающие не могли не придраться хоть к чему-нибудь. Иначе студенты расслабятся и обнаглеют. Студенты это понимали. Каждый раз для комиссии готовили пару лишних текстов, заведомых непроходняков, гораздо злее остального. Деканат отметал их — а все остальное по контрасту казалось беззлобным.

Сорвавшись с цепи в понедельник, Неделя факультета, как бешеный летящий с горы асфальтоукладчик, катилась до воскресенья. И нет ни минуты времени. Огромные рисованные плакаты на столовой и в Главном корпусе. Выставки картин. Приглашения бардов. Дискотеки...

9.

Дискотеки? Что сказать о дискотеках...

Сначала никаких дискотек не было. Вместо этого скользкого американского слова проводились вечера отдыха молодежи. Вначале полагался какой-нибудь умный доклад, ну хотя бы о прогрессивной музыке в странах капитала. Никого по сути не волновало, проводился ли этот доклад на самом деле: есть люди, которые отвечают, если они не провели — их риск.

Затем утверждена танцевальная программа, не менее, чем на столько-то процентов, состоящая из советской музыки. Все произведения, исполняемые на вечере, — только с пластинок фирмы

«Мелодия», в крайнем случае — производства соцстран. Номера пластинок требовалось указать. Некоторые группы состояли в особом черном списке. И не дай бог.

Дружина, проверяющая билеты у всех, кроме друзей дружины. Вахтер и ночной комендант, грозящие в 23.00 вырубить электричество в клубе. Статья в «За науку» о прозвучавшей песне фашистской группы «Чингисхан». Проректор, подписавший разрешение: «Ладно, дискотека. Но до 21.00 и без танцев».

Пьяные девушки из института культуры. И неизменный священный ритуал. «Вы знаете, здесь плохая музыка, вот у меня в комнате есть магнитофон. Кстати, чаю не хотите...»

Скучно жить на свете, господа. Но надо же как-то отдохнуть от упорных научных трудов, когда весна и гормоны. И предрасветные электрички, как чилийские подпольщики, перестукиваются у Долгих прудов.

10.

С чилийскими подпольщиками мы были солидарны всей силой своей молодой души: почто хороших людей посадили!

Это не мешало зачитывать до дыр Солженицына и относиться к престарелому руководству страны с презрительным снисхождением.

Где-то в верхах комсомола кто-то умный и хитрый догадался превратить солидарность в веселый праздник. С нечесаными озорными ансамблями политпесни.

— Ну что мужики, но пасаран?

— Но пасаран, — кричал зал. — Бандьера росса!

И можно было играть рок-музыку, перемежая ее похабными частушками в адрес президента США.

С нами лукавили. Мы лукавили в ответ, вписывая в программы вечеров рок как песни протеста американских негров. Мы и они старались не беспокоить друг друга по пустякам.

11.

А рядом была Москва — огромная, безумно разнообразная по сравнению с нашими родными городами. За полчаса с небольшим можно было доехать до лучших в стране театров — весь вопрос в билетах. Когда счастье раздают за два рубля — его никогда не хватает на всех. Нужно было выстаивать вечера около любимого театра, сшибая лишний билетик.

Или проработать день на какой-нибудь Таганке, разгребая мусор в запасниках, чтобы получить желанную пару билетов в партер.

Или съездить на «лом», и, простояв ночь у театра Маяковского, оттеснить общей массой толпу из другого института — вместе с нечаянно попавшими под руку старушками. И взять. И пойти. И увидеть это.

Мы жили своей жизнью в огромной неподвижной стране. Развлекались как умели. Не учились, когда могли. Пытались не врать — и, конечно, врали.

Мы не ждали перемен. Человек всегда хочет быть счастливым. Бог нам судья.

12.

11 ноября 1982 года я работал на базе. После обеда решил уйти домой.

«Говорят, умер. На этот раз и правда умер», — шептались старушки на выходе из корпуса. Боже мой, опять. В последнее время об этом сплетничали чуть ли не каждую неделю.

Я подходил к проходной. И словно холодная волна прокатилась по всему телу, отдаваясь в сжатых зубах.

По радио играли траурную музыку. Бесконечно, мелодию за мелодией. На проходной висели знамена с траурной каймой. И значит, ОН все-таки умер.

Моросил дождь. Под ногами чавкала снежная слякоть.

Жалко? Не жалко?

Немножко страшно. Весело и жутко. Просто пришла другая эпоха.

Что-то будет...

Часть третья. Дальше, дальше, дальше...

1.

Все было в первый раз. Смерть. Комиссия по организации похорон. Очередь в Колонный зал. Протяжные гудки заводов. Страна, как огромная слепая мышь в разрушенной норе, готовилась к переменам.

На Физтехе проводились траурные собрания. На одном из них проректор перепутал фамилию нового генсека и назвал другого члена Политбюро. На другом плохо закрепленный портрет покойного сорвался с веревок и чуть не упал...

Все шло вразнос. В общежитиях студенты по своему отмечали девятые и сороковые дни. На улицах Москвы милиция не арестовывала пьяных — скорбят люди, имеют право. Студентов этого права лишили: за шумную скорбь выгоняли из комсомола и института.

Но мы все равно скорбели.

Ректорат боролся за дисциплину, закрывая учебные корпуса в без десяти девять — ибо нужно 10 минут, чтобы дойти до аудитории. Потом боролись еще с чем-то и за что-то. Менялись портреты Политбюро на первом этаже Главного корпуса.

И казалось, что Государственным гимном этой страны избран траурный марш Шопена.

А потом вдруг запахло свободой.

2.

Все менялось. Мы менялись вместо со временем.

Я стал культургом института, членом комитета комсомола МФТИ. И с удивлением обнаружил, что, кроме желания стать культургом, других желаний, связанных с этим постом, у меня не было. Концерты можно делать и без звания, а проводить комиссии и сравнивать показатели — сучка смертная. Да и командовать людьми я не умею.

Я опечалился, и перестал работать, и вскоре был с позором изгнан с должности.

Место занял Шура Чилингир, у которого все стало получаться гораздо лучше, чем у меня. То ли он правда считал, что проводить комиссии надо, то ли просто был немножко честнее — мол, если уж выбрали, так изволь.

На страну обрушилась перестройка. Комсомольские собрания стали горластее, деканатам все труднее было держать нас в рамках.

Чилингир реализовал вековую мечту человечества — проводить Всесоюзные дни физика. Чтобы все съехались и выступали, а потом (и до, и во время!) вместе гуляли по теплому апрельскому Еревану или дождливому октябрьскому Долгопрудному. Чтобы сидеть в маленьких кабачках старого Минска — или хмурых пивбарах криминальной Казани. И беседовать с теми людьми, с которыми хочется говорить, как бы далеко от тебя они ни жили.

Прожить неделю на свободе от всех учеб и работ — а потом будь что будет. «Одна живем!» — кричали мужики в прошлом веке, бросая шапки об пол.

А ведь действительно — одна!

3.

Месяцы замелькали все быстрее.

Многочисленные народные фронты развешивали в коридорах плакаты на своих языках и хотели независимости. Русофилы боролись с русофобами, демократы сражались с тоталитаристами. Все называли друг друга агентами КГБ и ЦРУ одновременно.

Все быстрее...

Однажды, весной 1991 года, на Физтех приехал Ельцин. Тот, старый, опальный — взерошенный от собственной смелости. Вожди институтского масштаба долго не решались выйти в президиум. Потом вяло потянулись к столу с красным сукном.

— Мы открываем встречу со студентами...

— Одну минуточку! — вмешался Ельцин. — Это встреча с избирателями.

Общежитие Зюзино входило в его округ. Провести собрание в Москве было сложно — и он цеплялся за каждую возможность.

Он рубил фразы. Зал ревел в поддержку, вслушиваясь в обертоны его угрюмого баса.

Ах, молодость. Все революции еще были впереди. Впереди были августы и октябри, ночевки у Белого дома и мечты о взятии его же. Победы и отречения, банки и биржи, черные вторники и четверги.

Вино и свинец. Доллары, ваучеры, знамена всех оттенков.

4.

Сейчас 1995 год. Я стал гораздо старше, и увы — гораздо толще. Два раза женился, два раза развелся. Наконец-то бросил физику и стал заниматься тем, что мне больше нравится, — писанием текстов.

Я все реже бываю на Физтехе. Просто нет времени.

Иногда я приезжаю в Долгопрудный и брожу по коридорам. Это уже не мои коридоры. Мои остались там, в восьмидесятых годах, украшенные красными флагами и листовками бесконечных перестроек.

У меня все хорошо.

5.

Платформа Новодачная утопает во тьме. Рядом со мной в электричке маленькая девочка читает вслух книжку с картинками.

«Глупенький мой мишка, — сказал Кристофер Робин. — Глупенький мой мишка».

Знаменосный мой флагман, подумал я. Да, так это и надо назвать. Знаменосный мой флагман...

*Из книги «Я — ФИЗТЕХ»,
выпущенной в 1996 г. к 50-летию МФТИ*

Антинаука

С давних времен у физиков существует жанр антинаучного доклада. На Днях физика и других фестивалях исполняются пародии на серьезные научные исследования.

О «пришельцах» с «других» «планет»

Товарищи! Сейчас много говорят об экспедиции на атолл Макумаку-фьюить-Нанумангову в Тихом океане, где якобы обнаружены следы пришельцев с других планет.

Что же именно обнаружено на острове?

Во-первых, непонятное круглое сооружение, окружность которого относится к диаметру как число «пи». Якобы таким образом инопланетяне хотели сообщить нам число «пи», и именно поэтому туземцы избрали это сооружение в качестве талисмана. Между тем, этому есть чисто материальные причины. Для туземцев очень важно сельское хозяйство, и понятно, что сооружение, которое уже четыреста лет издает звук «бип-бип» и каждое утро предсказывает погоду на завтра, будет избрано ими в качестве талисмана.

Далее, обнаруженного идола высотой четыре метра из молибденовой стали считают скафандром инопланетянина. Но этот идол совершенно очевидно изготовлен туземцами в ритуальных целях. Они до сих пор изготавливают его копии из бамбука и поднимают их в воздух с криками «Пш-ш... Пайехали!.. Бу-у!!».

Еще сообщают, что туземцы обряжают невесту с ритуальной песней «Набедренная повязка Пифагора равна со всех сторон». Но эту информацию они легко могли услышать по радио. Радиоприемник неизвестной конструкции найден в хижине вождя.

Еще об обычаях острова. Часто проводится ритуальное представление «Ночной полет на Венеру богинь Утренняя заря-7 и Утренняя заря-8», в котором поэтически воплощена вековая народная мечта о неисчерпаемости электрона.

Отдельно следует остановиться на легендах и мифах туземцев. Согласно мифам, бог пространства-времени Долгоногий Длинноух создал Вселенную, взорвав самого себя. Из-за его грехов Вселенная получилась кривой, но со временем она расширится, распрямится и наступит рай.

Понятно, что не идею о кривизне Вселенной выражает этот миф, а вековую мечту о выправлении неравенства в папуасской деревне.

По другому мифу, бог рукоделия Сделай-сам взял земли, которая светится, размешал ее графитовой палкой, и получилась печка без дров, ярче тысячи солнц. А у всех местных жителей, которые над ним смеялись, за грехи перестали рождаться дети.

Здесь мы видим примитивное народное описание естественного, природного ядерного реактора, которым и до сих пор обогреваются четырехрукие жители деревни Дзомба.

И главное — наскальные рисунки на острове. На них воплощены народные мечты об изобилии: черные грибы величиной с гору, уходящие за облака...

Приведем для примера один рисунок (рис. 1). Вот здесь, по утверждениям зарубежных исследователей, якобы изображен космический корабль и инопланетяне, вступающие с туземцами в какие-то контакты.

Что же на самом деле изображено здесь? Изображен герой папуасского эпоса Непосагай. Он уходит корнями в широкие массы папуасов. Рядом с героем — символ добра и справедливости — большая морковка, которую будут вместе есть все папуасы. В руках у героя — легендарная пыхтелка-огнеплевалка,

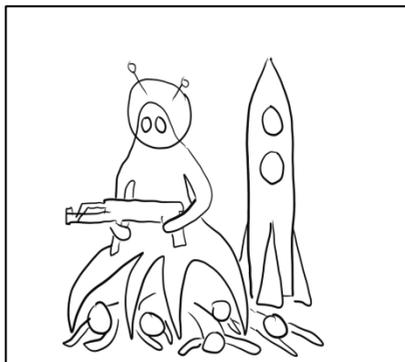

Рис. 1

затворную раму от которой и сейчас носит на шее старший вождь прогрессивной партии острова.

Таким образом, мы окончательно убедились, что следов посещения острова инопланетянами нет никаких, и найденный на острове синхрофазотрон является игрой воды и ветра.

Физика вакуума

Человечество ищет энергию. А энергия скрывается повсюду. Рассмотрим колесо, насаженное на ось (рис. 2). Пренебрежем силой тяжести — например, на правой половине рисунка. Колесо начинает раскручиваться с постоянным угловым ускорением. Элементарный вечный двигатель.

Но не будем брать колесо. Возьмем что-нибудь совсем простое. Например, полный вакуум. Я долго думал, чем можно считать вакуум. Давайте считать вакуум осциллятором с энергией $E = \hbar\omega/2$. Энергия всякой системы $E = kT/2$. Следовательно $\hbar\omega/2 = kT/2$, и частота колебаний вакуума $\omega = kT/\hbar$.

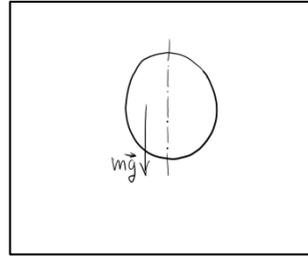

Рис. 2

Но вакуум от температуры зависеть не может — в вакууме ее просто нет. Следовательно T — это время. Частота колебаний вакуума непрерывно возрастает со временем. Вакуум непрерывно поглощает энергию. Вот почему жидкие газы хранят в сосудах Дьюара. Вакуум между стенками сосуда непрерывно поглощает тепло.

А до нашей эры, когда T было отрицательно, вакуум выделял энергию. Теперь понятно, почему вымерли динозавры — они просто сварились.

Интересное практическое применение вакуума. Рассмотрим ракету (рис. 3), внутри которой находится бак с вакуумом, называемый вакуумлятором. Вакуум порциями выбрасывается наружу, в сопле ракеты создается разрежение, и она летит соплом вперед, неся свой боевой задник.

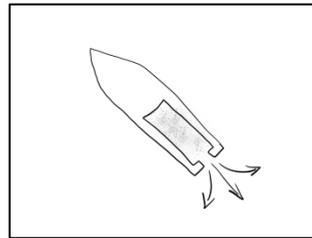

Рис. 3

Заметим, что из одного литра вакуума можно совершенно безболезненно сделать 2, 4, 8, 16 литров. Поэтому вакуум — это топливо, гораздо более дешевое, чем все другие виды топлива.

И вот глядя на это саморазмножение вакуума, невольно задумываешься: а может быть, он живой?! И тогда становится жутко. Представляешь себе огромную живую систему — и совершенно пустую... Но зато становится ясно, зачем вакуум глотает энергию — он ею питается.

А когда-нибудь он сдохнет. Я еще не знаю, как это будет выглядеть, но что-нибудь очень необычное.

Я уже ставил опыты: давил вакуум гидравлическим прессом, обливал серной кислотой. Он очень живучий! Но когда я прошил его разрядом в 10 киловольт, вакуум дернулся и разнес мне всю установку.

Но путь познания не остановить, и мы поставим на службу человечеству новую, могучую силу — дрессированный вакуум.

О системах единиц

Открытое письмо в Государственный комитет по стандартам

Как известно, большую роль в теории играет выбор системы единиц. Так, в ядерной физике удобна система, в которой две основные константы — постоянная Планка \hbar и скорость света c равны единице.

Предлагаем ввести аналогичные изменения в математику: перекалибровать ось действительных чисел так, чтобы две основные константы $e = 0$, $\pi = 1$.

При этом существенно упрощается геометрия: длина окружности равна диаметру, сумма углов треугольника равна единице.

Но гораздо более интересны изменения в высшей математике.

Известно, что $e^{2\pi i} = 1$. Прологарифмировав, получаем, $2\pi i \ln e = 0$, т.е., сокращая на $2\pi i \ln e$, $i = 0$. И все проблемы функций комплексного переменного устраняются сами собой.

Далее $e^{i\varphi} = \cos \varphi + i \sin \varphi = \cos \varphi$. Следовательно $\cos \varphi = 0$ для любых φ . Тогда $\sin \varphi = -\sqrt{1 - \sin^2 \varphi} = \pm 1$. Но $+1 = \pi$, и так как не существует углов, для которых $\sin \varphi = \pi$, то $\sin \varphi = -1$ для любых φ .

Новая основная теорема алгебры. $1 = 0$.

Доказательство. $i = 0$, это мы уже доказали, то есть $\sqrt{-1} = 0$. Возводя в квадрат, получаем $-1 = 0$. И еще раз возводя в квадрат, $1 = 0$. То есть $\pi = e$. Мы доказали это интуитивно очевидное утверждение.

Большие изменения произойдут и в других науках. Так в физике коэффициенты $1/4\pi$ в уравнениях Максвелла перейдут в коэффициенты $1/4$, что упростит эти уравнения в гауссовой системе и нанесет сокрушительный удар по мнимым преимуществам скандально известной системы Си.

Кроме того уравнение электростатики $E = \frac{e}{\epsilon r^2}$ перейдет, так как $e = 0$, в $E = 0$. Это в корне упрощает всю теорию электричества: сила $F = 0$, потенциал $\varphi = \text{const}$ и т.д.

В химии все π -связи молекул станут 1-связями. Автоматически отпадает вопрос о кратности этих связей — все π -связи однократны.

Экономический эффект для народного хозяйства чрезвычайно велик и разнообразен. Отметим для примера только три его аспекта.

1. Экономия на тригонометрических таблицах и логарифмических линейках (напомним, что $\cos \varphi \equiv 1$, $\sin \varphi \equiv 0$, $e^x \equiv 0$).

2. Джоулевы потери в цепях переменного тока вычисляются по формуле $E = IU \cos \varphi$. Так как $\cos \varphi \equiv 0$, то $E = 0$. Электроэнергия доставляется потребителям без потерь.

3. Масса ракеты, достигшей скорости v , $m = m_0 e^{-v/v_{\text{гаса}}} = 0$, по сколь ку $e = 0$. Ракета мгновенно расходует весь запас топлива. Реактивное движение и запуск ракет невозможны. Гонка вооружений автоматически прекращается.

1981

Наш маленький атомный проект

Часть первая.

Как сделать атомную бомбу. Инструкция для начинающих

Необходимые детали:

- уран — критическая масса, 2 штуки (если одна нечаянно сработает);
- щипцы для сахара;
- экспоненциальная функция;
- ускоритель среднего размера;
- две тротильные шашки для эквивалента;
- три будильника;
- две водопроводные трубы;
- ножовка, нитки, тряпки;
- 49 противотанковых мин.

Теоретическое обоснование

$$E = mc^2$$

Или релятивистский вариант этого равенства:

$$E_{\text{релятивистское}} = m_{\text{релятивистское}} c_{\text{релятивистское}}^2$$

Итак.

Возьмите критическую массу урана и ножовкой распилите ее на две части. Полчаса отдохните, пока спадет радиоактивность. Она спадает по экспоненте. Экспонента — это такая прямая, только кривая, и растет быстро, а убывает медленно. Сядьте возле экспоненты, и подождите, пока она спадет. Если вам досталась медленная экспонента — просто протрите уран тряпочкой.

Внимание, это важно! Тряпку сожгите и захороните, а крошки урана аккуратно приклейте к основным кускам. Иначе масса может отказаться недокритической.

Нам понадобится замедлитель. Добыть его очень просто. Возьмите ускоритель и переверните вверх дном. Зачем нужен замедлитель, я не помню. Поэтому разделите его щипцами на мелкие куски и раскидайте повсюду.

Возьмите два будильника. Синхронизируйте их по третьему. Привяжите два будильника к противотанковым минам. Засуньте каждый в отдельную водопроводную трубу.

К другому концу каждой трубы присобачьте кусок урана.

Внимание! Очень важно расположить трубы так, чтобы летящие куски урана столкнулись в воздухе над выбранным эпицентром.

Если не получится с первого раза — помогите им бейсбольной битой. Мы специально запасли много противотанковых мин для экспериментов.

Лишние противотанковые мины раскидайте по местности на случай внезапного появления танков.

Примечание. Отдельное искусство составляет изготовление тактического ядерного заряда. При этом нужно разделить уран на три части. И один кусок быстро утянуть веревкой после начала цепной реакции, чтобы он не успел взорваться.

Еще примечание.

А зачем нужны описанные в списке тротилловые шашки? Их надо взорвать на месте ядерного взрыва, чтобы никто ничего не заметил. Заодно откалибруете оборудование. Сравнив тротилловый взрыв с ядерным, можно вычислить тротилловый эквивалент.

И еще примечание.

Где взять уран, спросит меня въедливый слушатель. Любой, кто смотрел американские фильмы, знает: уран берут у пьяного генераларакетчика в Украине и Казахстане.

Поэтому ваши действия. Приехать в страну. Взять список генералов ракетчиков. Позвонить каждому. Определить пьяных.

Дальше вся хитрость в том, что пьяные ракетчики никогда не видели миллиона долларов и не знают, как он выглядит. Подсовывая им разные предметы под видом миллиона долларов, можно добиться успеха.

Часть вторая. **Релятивистский сглатыватель,** **как средство борьбы с атомными бомбами**

Когда я говорю со знакомыми об атомных бомбах, они как-то нервничают. Я о бомбах. Знакомые тоже нервничают.

Поэтому я разработал средство борьбы с атомными бомбами.

Немного теории. Мой предшественник Эйнштейн гениально установил, что энергия $E = mc^2$. Энергия любого тела складывается из энергии кинетической и потенциальной. А теперь представим себе тело, которое покоится очень глубоко под землей, ниже уровня нулевой потенциальной энергии. Покоится — значит кинетическая энергия равна нулю. А потенциальная энергия отрицательна. Мы получили тело с отрицательной энергией.

Но c^2 всегда больше нуля. Значит (поскольку $E = mc^2$!) мы получили тело с отрицательной массой.

Теперь вы понимаете, почему трудно рыть очень глубокие шахты. Шахтеры и оборудование с отрицательной массой просто всплывают. Чтобы бороться с этим эффектом приходится прикреплять к ним мощные гироскопы с большой кинетической энергией.

Теперь о борьбе с атомными бомбами.

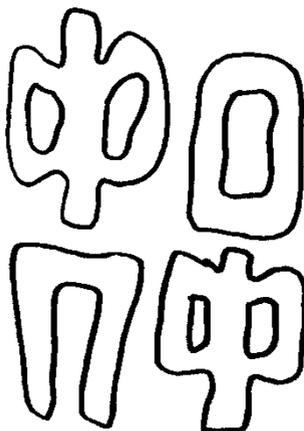
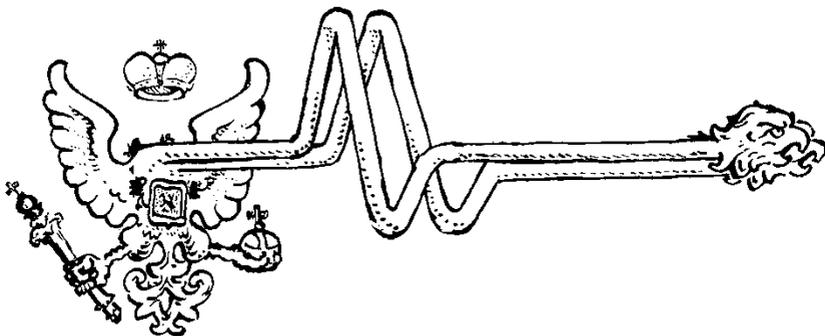
В местах возможного взрыва атомных бомб глубоко под землей нужно заложить свинцовые чушки с большой массой. Их отрицательное mc^2 поглотит положительное mc^2 бомбы. Наша система будет сглатывать ядерные взрывы.

Изобретенный нами релятивистский сглатыватель в принципе позволяет бороться не только с ядерным оружием, но и танками и даже кораблями противника. Об этом эффекте люди смутно догадывались еще в Средние века. Недаром вокруг замков копали глубокие рвы, в которых исчезали рыцари противника. В истории также описаны случаи, как подводные лодки уничтожали корабли.

Мы просто дали всему этому теоретическое обоснование. Спасибо за внимание.

Проспект ФОПФ

Московский ордена этого-как-бишь-его
физико-технический институт

информация
к размышлению

Если вы умный, данная книга позволит вам поступить в Московский физико-технический институт, найти себе дело по душе и заработать много денег. Если вы глупый, данная книга поможет вам не поступать в Московский физико-технический институт, найти себе дело по душе и заработать много денег.

Ну а если вы совсем неспособный, сядьте в переходе на Савеловском вокзале, открыв эту книжку на стр. 12–13. Вам подадут.

Данное пособие предназначено для лиц со средним образованием, подойдет и людям с высшим образованием. Его могут читать и люди без образования, если сумеют. Ну, короче читайте, кто хочет.

**Текст — Александр Кондратьев, Виталий Бычков, Михаил Королев.
Картинки — Александр Кондратьев (но красивого орла на обложке
нарисовал Сергей Орлов).
Первоначальная верстка — Алексей Розанов.
Социальный заказ — Ф. Ф. Каменец**

© СТЭМ ФОПФ МФТИ, 1992-93

— Александр Федорович, что, по-вашему, самое характерное для физтеха?

— Основное, по-моему, это то, что все физтехи чрезвычайно заинтересованы наукой — искренне и творчески.

А. Ф. АНДРЕЕВ,
академик, вице-президент
Российской Академии наук,
лауреат Ленинской премии, выпускник ФОПФ

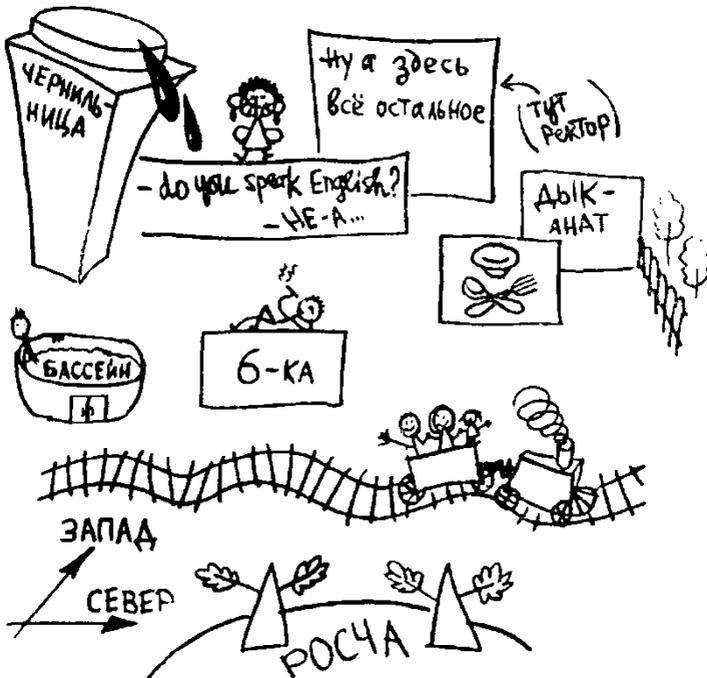
— А вы, студент Иванов, что думаете по этому поводу?

— Дык...

Дважды студент третьего курса
неизвестного факультета И. И. ИВАНОВ

Это Физтех

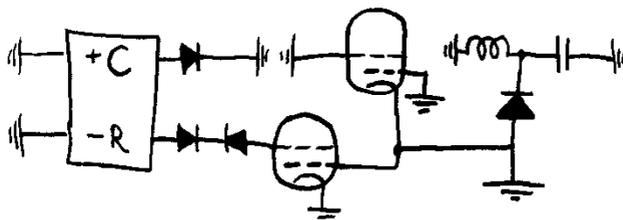
(карта)

Торжественное введение

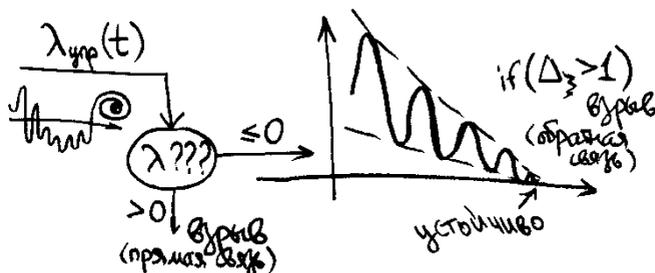
Милое дитя!

Если вы знаете, что это такое,

то вам нужно стать радиотехником.

Если вы знаете, что это такое,

то вам нужно заниматься прикладной математикой.

Если вам нравится запах четыреххлорбутадиенфенола, вы будете счастливы, став химиком.

Встаньте на табуретку, закройте глаза, машите руками и кричите «Ж-ж-ж-ж!», стараясь при этом вращать пропеллером. Понравилось? Займитесь авиастроением.

Если вы любите резать мышей, глядящих на вас добрыми глазами, — вы родились биологом.

А если вы хотите стать физиком — поступайте на факультет общей и прикладной физики МФТИ.

Итак, вы решили поступать на ФОПФ...

Как ни смешно, этот факультет готовит ученых-исследователей, работающих в различных областях теоретической и экспериментальной физики — от исследования элементарных частиц до астрофизики.

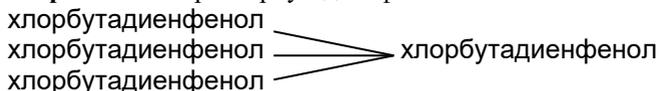
Вопросы для самопроверки

(* — вопросы особой сложности)

1. Встаньте на табуретку, не закрывайте глаза, машите руками и кричите «Ж-ж-ж-ж!». О своих ощущениях расскажите товарищам.

2. Понюхайте четыре раза один хлорбутадифенол. Сравните с запахом четыреххлорбутадифенола.

(Для справки. Четыреххлорбутадифенол:

При температуре ниже 10 К не существует, выше 10 К — разлагается.

3. Кого режут биологи?

4*. Кому не нужно поступать на ФРТК, ФАКИ, ФМХФ, ФФКЭ, ФАЛТ, ФУПМ, ФПФЭ и ФФХБ?

ФОПФ и остальная Вселенная, или Наша маленькая мания величия

Всего четыре миллиарда лет отделяет возникновение первого человека от создания факультета общей и прикладной физики (рис. 1, 2), но и за это время было сделано много интересного.

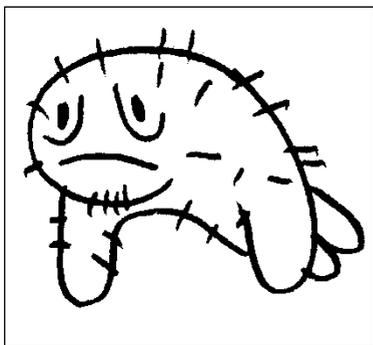

Рис. 1. Первый человек.

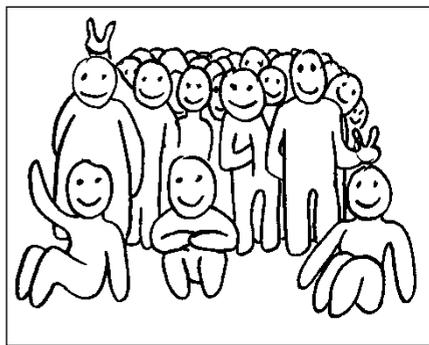

Рис. 2. Факультет общей и прикладной физики

В частности, в 760 году Пипин Короткий взял штурмом Арчибальду, в 1920 году был основан город Долгопрудный, а в 1946-м — Московский Физтех. Причиной взятия Арчибальды была разгневанность Пипина, причина остальных двух событий неизвестна, поскольку задача о наименовании Долгопрудного рекуррентно сводится к определению причины долготы прудов, которая неразрешима в мере Жордана, к тому же очень надоело писать эту длинную фразу.

Поэтому просто приведем несколько цифр. Наш факультет был основан в 1956 году на руинах общей и прикладной физики. В 1965 году было построено общежитие для студентов ФОПФ. В 1969 году в общежитие провели воду, свет и электричество.

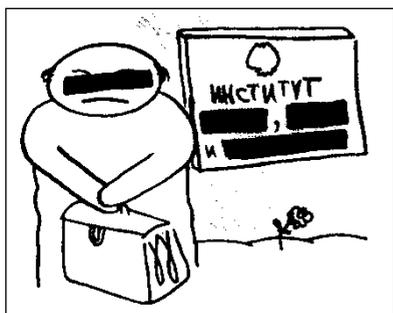

Рис. 3. Первый выпускник ФОПФ
 [REDACTED] ич
 [REDACTED] ов

В 1967 году факультет окончил первый студент (рис. 3). Наш факультет окончили такие физики, как Ааарнэ, Абрамов, Абрамов (мл.), Абрамов (сам. мл.), Аветисян, Бааабкин, Бббыбкин, Вввывкин, Ггыгин и многие другие. ФОПФ так и не смогли окончить лорд Кельвин, Иоганн фон Нейман, Отто фон Герике и Герберт фон Караян, о чем постоянно жалеет Ф. Ф. Каменец (рис. 5).

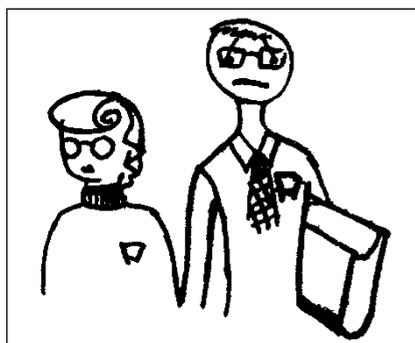

Рис. 4. Маша Иванова (1951-1971) и Витя Булкин (1949-1971), первые выпускники ФОПФ, прочитавшие «Камасутру» (1971 г.).

Рис. 5. Ф. Ф. Каменец, жалеющий о непоступлении Герберта фон Караяна на факультет общей и прикладной физики.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое «Камасутра»?
- 2*. Кто такой Ф. Ф. Каменец?²
- Наводящий вопрос. Кто такой В. П. Слободянин?³
3. Придумайте великих физиков на букву Д. Сравните результат с Большой Советской Энциклопедией.

Общий и прикладной

На нашем факультете наука развивается во многих направлениях (рис. 6).

При этом ФОПФ умудряется вести научную и учебную работу на многочисленных кафедрах.

Ну, с Богом, начнем.

Сейчас, любезный читатель, ты читаешь этот проспект, а сквозь тебя пролетают нейтрино. Их изучает **КАФЕДРА НЕЙТРИННОЙ ФИЗИКИ**, которая базируется в Институте ядерных исследований и Физическом институте им. П. Н. Лебедева. Этих людей интересуют такие проблемы, как поколения нейтрино, стабильность протона и прочие важные для народного хозяйства вопросы.

КАФЕДРА КВАНТОВОЙ РАДИОФИЗИКИ тоже базируется в Физическом институте им. П. Н. Лебедева. Хороший институт, вместительный. На этой кафедре вы можете изучать современную оптику и физику лазеров. А можете и не изучать.

КАФЕДРА ПРОБЛЕМ ЯДЕРНОЙ И ТЕРМОЯДЕРНОЙ ФИЗИКИ уютно располагается в Москве, в усадьбе XVIII века «Черемушки». Эту усадьбу уже целых 40 лет занимает Институт теоретической и экспериментальной физики. Здесь ребята занимаются теорией элементарных частиц, экспериментальной физикой высоких энергий на самых-самых современных ядерно-физических установках, работающих на пучках частиц протонного ускорителя и на пучках нейтронов.

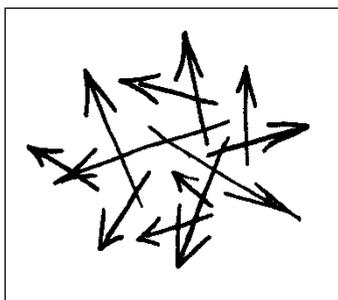

Рис. 6. Наша наука.

² Декан ФОПФ в момент написания данного проспекта.

³ Замдекана ФОПФ в момент написания проспекта.

Вот такие дела.

КАФЕДРА РАДИОФИЗИКИ (простой и некантовой) изучает распространение электромагнитных волн в неоднородных и случайно неоднородных средах, электромеханические поверхностные волны, электродинамику СВЧ а еще статистические (в частности, оптико-акустические) методы обработки информации и даже разрабатывает современные сложные радиотехнические комплексы. Но об этом — тс-с-с!

Что у нас там дальше?

Легко догадаться, что КАФЕДРА ФИЗИКИ ВЫСОКИХ ЭНЕРГИЙ создана при Институте физики высоких энергий.

Основная цель кафедры — подготовка специалистов, которые смогли бы обеспечить качественный скачок в физике высоких энергий, Нетерпеливо ожидаемый в связи со строительством и пуском нового ускорительно-накопительного комплекса на 2–3 тысячи ГэВ (на базе существующего Серпуховского ускорителя на 76 ГэВ), причем, что интересно, деятельность кафедры сосредоточена главным образом в области, во-первых, экспериментальной физики высоких энергий, а во-вторых — автоматизации экспериментов и обработки данных с помощью ЭВМ.

Да, ничего себе фразочка получилась!..

КАФЕДРА ФИЗИКИ ГИДРОКОСМОСА изучает, во-первых, физические характеристики океана, а во-вторых — другие вопросы.

Эта кафедра любит плавать по океану и заплывает в разнообразные моря, чем вызывает зависть всех остальных кафедр.

Надоело говорить о кафедрах. Давайте лучше о бабочках поговорим. Бабочки бывают красивые — желтые и красные и такие бежевые... (рис. 7). Теперь опять о кафедрах.

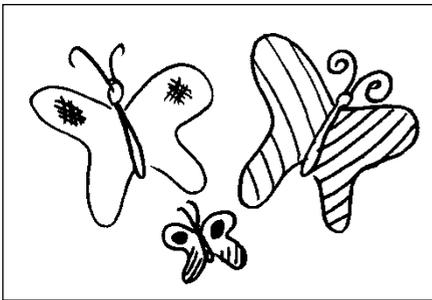

Рис. 7. Красивые бабочки.

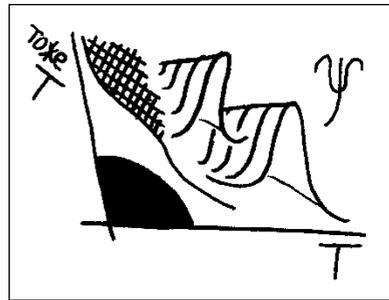

Рис. 8. Квантовые эффекты в жидкостях проявятся при низких температурах.

КАФЕДРА ФИЗИКИ И ТЕХНИКИ НИЗКИХ ТЕМПЕРАТУР, одна из старейших кафедр института, была организована П. Л. Капицей.

База — Институт физических проблем, любимое занятие — исследование вещества в области предельно низких температур, где наиболее четко проявляются квантовые эффекты и слабые взаимодействия в твердых телах и жидкостях (рис. 8).

И вот вы сидите и смотрите — а они проявляются...

А КАФЕДРА ФИЗИКИ ТВЕРДОГО ТЕЛА при Институте — ну естественно, физики твердого тела Российской Академии наук! — находится в поселке Черноголовка. Отличный поселок, где занимаются практически всеми проблемами физики конденсированного состояния. Там изучают электронную структуру металлов и полупроводников, разные там фазовые переходы при высоких давлениях, устройство доменных стенок в магнетиках, сверхпроводимость металлов и сплавов, структуры поверхности твердых тел и мн. др. Жуткие люди.

КАФЕДРА ФИЗИКИ КОНДЕНСИРОВАННОГО СОСТОЯНИЯ при Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова. Основные направления — физика твердого тела, атомарный водород, низкие температуры... Ну-ну. Короче, чем хотят, тем и занимаются.

Те, кто думает, что на ФОПФе проблемами физики микромира занимаются всего четыре кафедры, жестоко ошиблись.

Есть еще КАФЕДРА ФИЗИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧАСТИЦ ВЫСОКИХ ЭНЕРГИЙ. Попасть на эту кафедру очень просто. Нужно сесть в электричку на Савеловском вокзале и проспаться остановку Новодачная. Буквально через три часа вы окажетесь на берегу Волги, в Дубне, где расположен Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ), а при нем — вышеназванная кафедра.

Студенты ФОПФ, желающие обучаться за границей, могут попасть на КАФЕДРУ КВАНТОВОЙ ЭЛЕКТРОНИКИ, НЕЛИНЕЙНОЙ ОПТИКИ И ДИНАМИЧЕСКОЙ ГОЛОГРАФИИ (есть что-то завораживающее в этом кратком, выразительном названии). Эта кафедра расположена в Киеве, на базе Института физики АН Украины. Чем они там занимаются на этой кафедре? Перечитайте название еще раз. Нет, вы перечитайте, перечитайте!

Так, что там еще. Об этом нельзя, об этом тоже, об этом Каменец просил не говорить...

А, теоретики! (рис. 10, 11).

Вы знаете, на третьем курсе у некоторых из вас возникнет странное желание поступить в теоргруппу. Здесь вы можете выбирать между КАФЕДРОЙ ПРОБЛЕМ ФИЗИКИ И АСТРОФИЗИКИ при Физическом институте Академии наук (опять этот ФИАН! Ну никакого спасу нет!) —

гравитация и теория поля, астрофизика и физика плазмы, сверхпроводимость и сверхтекучесть, расширение Вселенной и Общая Теория

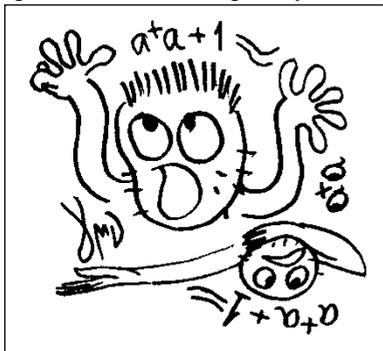

Рис. 9. Дикие теоретики.

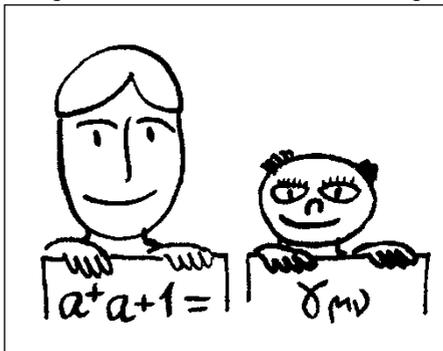

Рис. 10. Домашние теоретики.

Всего (О. Т. В.)...

Ну, еще чуть-чуть, последнее усилие! Нам тоже трудно!

...и КАФЕДРОЙ ПРОБЛЕМ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ при Институте теоретической физики им. Л. Д. Ландау — теория неупорядоченных систем и фазовых переходов, теория магнетизма, снова сверхпроводимость и сверхтекучесть, космология и калибровочные теории элементарных частиц.

Фу-фу-фу. Чашечку кофе с коньяком, и можно читать дальше...

Главным же направлением научной работы ФОПФ традиционно считается общая и прикладная физика. Сейчас это направление развивается во многих странах мира. Кроме одной...

Вопросы для самопроверки

1. Какую одну отдельно взятую страну мы имели в виду в предыдущем абзаце?..
2. Изучите рис. 6. Нарисуйте несколько новых научных направлений.
3. Изучите рис. 9 и 10. Найдите 9–10 различий.

Правила приема на ФОПФ МФТИ

В соответствии с правилами приема, на Физтех принимаются граждане России, впрочем, не граждане России на Физтех принимаются тоже.

Поступающий на Физтех должен сначала позаботиться получить среднее образование, если таковое в его стране имеется. В первом случае абитуриент предъявляет в приемную комиссию аттестат, во втором — справку от своего правительства об отсутствии в стране средней школы.

Желающий поступить на ФОПФ должен иметь паспорт. Или свидетельство о рождении. Или свидетельство о браке. Или справку о смерти. Или хоть читательский билет. Можно еще записку от мамы...

Ну хоть какой-то документ иметь надо, ребята, мы понимаем, время такое, ну хоть что-то. Все же не в ресторан пришли... А, ладно...

Поступающие сдают в приемную комиссию 12 фотографий 3×4 (рис. 12). Не успевшие сфотографироваться описывают свою внешность на листке бумаги в 12 экземплярах.

Кроме того, поступающий должен сходить на экзамены. Вступительные экзамены на ФОПФ бывают письменные и устные. Для неграмотных — только устные. Для немых — только письменные. Немые неграмотные принимаются на ФОПФ без экзаменов.

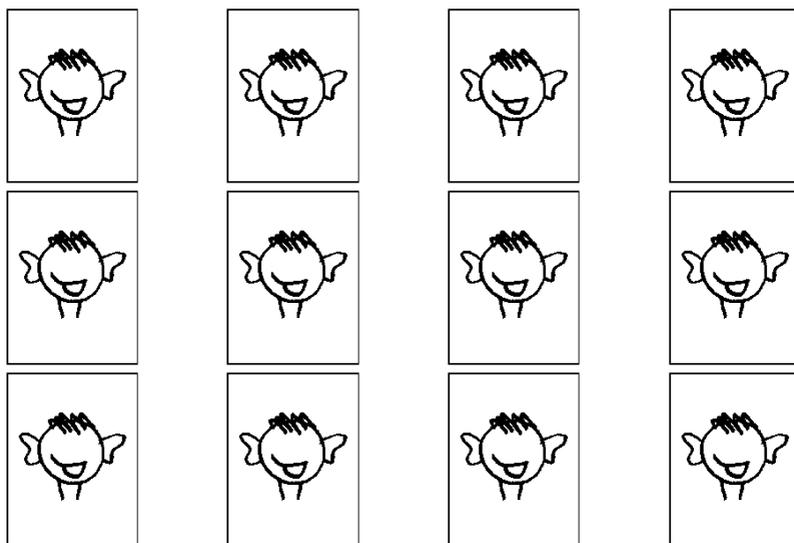

Рис. 11. 12 фотографий 3×4 (масштаб 1:2,5)

Примеры ответов на вступительных экзаменах

а) Математика

Упростить выражение:

$$\begin{aligned} & \left(29\lg x^2 + 45\sqrt{\pi}x^y + (x + \sin y)^2\right)^3 - \\ & - \left(29\lg x^2 + 45\sqrt{\pi}x^y + (x + \sin y)^2\right)^3 \end{aligned}$$

Решение: Ну вот,

$$\begin{aligned} & = 24389\lg^3 x^2 + 91125\pi^{3/2}x^{3y} + x^6 + 6x^5 \sin y + 15x^4 \sin^2 y + \\ & + 20x^3 \sin^3 y + 15x^2 \sin^4 y + 6x \sin^5 y + \sin^6 y + \\ & + 113535\lg^2 x^2 \sqrt{\pi}x^y + 2523\lg^2(x^2)x + 2523\lg^2(x^2)\sin y + \\ & + 176175\pi \lg(x^2)x^{2y} + 87\lg(x^2)x^4 + 348\lg(x^2)x^3 \sin y + \\ & + 522\lg(x^2)x^2 \sin^2 y + 348\lg(x^2)x \sin^3 y + 87\lg(x^2)\sin^4 y + \\ & + 6075\pi x^{2(y+1)} + 12150\pi x^{2y+1} \sin y + 6075\pi x^{2y} \sin^2 y + 135\sqrt{\pi}x^{y+4} + \\ & + 540\sqrt{\pi}x^{y+3} \sin y + 810\sqrt{\pi}x^{y+2} \sin^2 y + 540\sqrt{\pi}x^{y+1} \sin^3 y + \\ & + 135\sqrt{\pi}x^y \sin^4 y + 7830\sqrt{\pi} \lg(x^2)x^{y+2} + \\ & + 15660\sqrt{\pi} \lg(x^2)x^{y+1} \sin y + 7830\sqrt{\pi} \lg(x^2)x^y \sin^2 y - \\ & - 24389\lg^3 x^2 - 91125\pi^{3/2}x^{3y} - x^6 - 6x^5 \sin y - 15x^4 \sin^2 y - \\ & - 20x^3 \sin^3 y - 15x^2 \sin^4 y - 6x \sin^5 y - \sin^6 y - \\ & - 113535\lg^2 x^2 \sqrt{\pi}x^y - 2523\lg^2(x^2)x - 2523\lg^2(x^2)\sin y - \\ & - 176175\pi \lg(x^2)x^{2y} - 87\lg(x^2)x^4 - 348\lg(x^2)x^3 \sin y - \\ & - 522\lg(x^2)x^2 \sin^2 y - 348\lg(x^2)x \sin^3 y - 87\lg(x^2)\sin^4 y - \\ & - 6075\pi x^{2(y+1)} - 12150\pi x^{2y+1} \sin y - 6075\pi x^{2y} \sin^2 y - 135\sqrt{\pi}x^{y+4} - \\ & - 540\sqrt{\pi}x^{y+3} \sin y - 810\sqrt{\pi}x^{y+2} \sin^2 y - 540\sqrt{\pi}x^{y+1} \sin^3 y - \\ & - 135\sqrt{\pi}x^y \sin^4 y - 7830\sqrt{\pi} \lg(x^2)x^{y+2} - \\ & - 15660\sqrt{\pi} \lg(x^2)x^{y+1} \sin y - 7830\sqrt{\pi} \lg(x^2)x^y \sin^2 y = 0 \end{aligned}$$

Удивительный результат!

б) Физика

Если бы моль аммиака был пчелой, с какой частотой он бы жужжал?

Решение: Молярная масса аммиака (NH_3) равна 17 г, отсюда, учитывая, что масса пчелы (*Apis mellifera* L.) равна 0,1 г и что резонансная частота колебания объекта обратно пропорциональна корню его массы,

получаем
$$v_{\text{NH}_3} = v_{\text{пчелы}} \cdot \sqrt{m_{\text{пчелы}} / m_{\text{NH}_3}}.$$

Откуда, считая частоту жужжания пчелы «соль» большой октавы (196 Гц), находим искомое $v_{\text{пчелы}} = 196 / \sqrt{17} \approx 15,03$ Гц.

Моль аммиака жужжит в инфразвуке. Поэтому мы его и не слышим.

в) Сочинение

Тема: *«Катерина — луч света в темном царстве русской литературы».*

Ну к чему всё это, лучше бы водки выпили.

Из писем Белинского Гоголю

В большом холодном Петербурге разлагалось самодержавие, источая пароксизмы и метастазы. А в маленьком городке на Волге (название я забыл), жила женщина Катя. Было у нее две руки, две ноги и одна голова. Словом, типичная русская крестьянка.

Теперь уже трудно и сказать, что она там делала, тем более, что пьесу я не читал, но в душе ее жил протест против унижения русской женщины русским мужчиной в дореволюционной советской семье.

И Катерина запротестовала. Она привязывала мужа за ногу к кровати, чтобы он не мог встать, подсыпала мужу кнопки в щи и пришивала его сапоги нитками к коврику. А муж встал с кровати, поел щей, надел сапоги и пошел на службу. Потому что был неграмотен.

Катерина даже утонула от обиды. А в наше время она бы этого не сделала, потому что зачем?

Собеседование

Самой странной и мистической частью поступления на ФОПФ является собеседование. Знаменитые ученые и другие абстрактные

мужики собираются в душевой комнате, чтобы задать вам несколько ритуальных вопросов. Вы, как ни странно, забираетесь туда же, чтобы на эти вопросы ритуально ответить.

Выглядит это примерно так:

1. *Почему вы решили поступать на ФОПФ?*

Ответ. Потому что это передовой факультет, стоящий на переднем крае науки спереди. И он вносит большой вклад в физическую картину мира.

2. *Чем вы хотели бы заниматься?*

Ответ. Я хотел бы совершить открытия в квантовой теории поля, квантовой гравитации и тиснуть статейку по неэргодичной стохастике фракталов.

3. *Как с помощью настольной лампы и очков определить коэффициент преломления стекла?*

Ответ. Включи лампу, надень очки и посмотри в справочник.

4. *Почему, когда Красная Шапочка бежит, ее шапочка не становится инфракрасной?*

Ответ. Потому что она бежит в другую сторону.

5*. *Вы пригласили в гости девушку, взяли стальную проволоку диаметром 1 мм и намотали катушку в 2048 витков. Подвесив катушку к потолку на нити длиной π метров, вы вставили в нее победитовый сердечник и, охладив до температуры 134 К, включили в сеть. Ну?!*

Ответ. Баранки гну!

Вопросы для самособеседования

1. А почему Земля круглая, а вода — нет?

2. Возьмите циркуль и нарисуйте на бумаге круг. Сильно потяните за одну сторону листа бумаги. На получившемся эллипсе проиллюстрируйте II закон Кеплера.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Народные легенды, былины, баллады и загадки о ФОПФе

Ханты-мансийский миф о сотворении мира

Не было ни земли, ни воды, был только один великий дух Нум-Пор. Был у Нум-Пора дом в воздухе.

Однажды Нум-Пор сидел дома, потому что пойти ему было некуда, когда пришла бумага, чтобы Нум-Пор создал землю и воду.

Тогда Нум-Пор создал землю и воду, и болота, и траву, и морошку, оленей, песцов и кулика. А потом он создал мужчину и женщину и сказал им: «Я создал все, кроме факультета ОПФ, факультет же ОПФ произошел случайно. Вы всех зверей и птиц убивайте и ешьте, факультет же ОПФ не убивайте и не ешьте».

Рюэнсэй Симбун ***6000 хокку о качествах ФОПФа*** ***Хокку № 400***

Факультет Общей и Прикладной Физики,
Общий Факультет прикладной физики,
Прикладной факультет и общие физики, что ж...

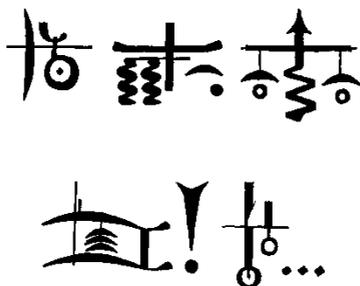
Бхагавад-Гита (мл. тибетская) ***Запев 30-го тома***

«Скажи мне, Рожденный Женщиной, — спросил Кришна, —
Куда движутся эти миры,
Зачем злой Парвана по ночам охотится
за своей второй сущностью,
И почему у ласточки Бшакти две ноги,
а у Меня двадцать четыре?»
«Элементарно, — сказал Арджуна, — берем вектор Пойнтинга...»

**Велимир Хлебников
Пруд долог**

Цхъ! Эф, О —
ПФ.
Эиаййя! Озари!
Оба!

**Нижнекхмерская легенда о конце мира и ФОПФе
(не расшифровано)**

Русские народные загадки для самопроверки

1. Ты на них не смотри, их никто не видел, но Дирак в работе [3] нашел их в явном виде.

(Ненаблюдаемые квантовомеханические параметры.)

2. У какого молодца детерминант равен нулю?

(У вырожденного.)

3. Сидит девица в темнице, а коса на улице.

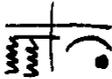
(Девица, сидящая в темнице, с косой, высунутой на улицу.)

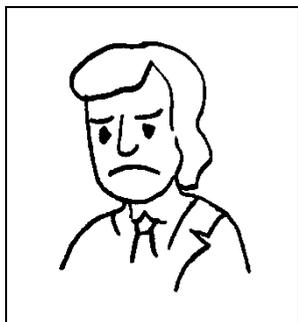
4. По горам, по долам ходит шуба да кафтан.

(Крыша поехала.)

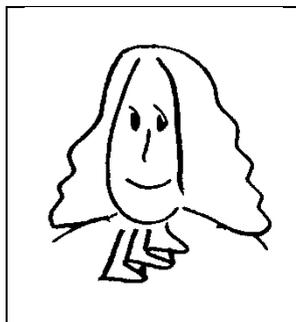
[3] П. А. М. Дирак. Нелинейный лапласиан и другие сказки. — М.: Детгиз, 1963.

Замеченные опечатки

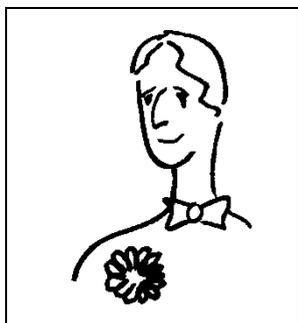
Страница, строка	Напечатано:	Должно быть:
16, 9		

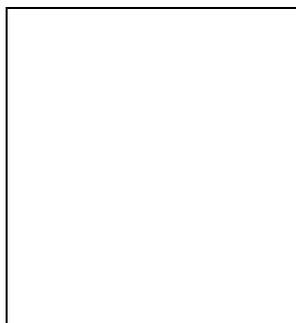
Иоганн фон Нейман

Отто фон Герике

Герберт фон Караян

Нарисуйте здесь себя

ПОСТУПАЙТЕ К НАМ ЕЩЕ!